

НЕВЛЯ

1 · 2004

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Нильс Кристи Приемлемое количество преступления	4
Справка о состоянии УИС	13
Обзор новых книг по проблеме наказания	20

ЗА СТЕНОЙ. МИЛИЦЕЙСКИЙ ПРОИЗВОЛ

Лев Гудков, Борис Дубин Милицейский произвол, насилие и «полицейское государство»	28
Зоя Светова Тетюшская фабрика пыток	39
Справка о состоянии соблюдения прав человека в деятельности органов внутренних дел	45
Наталья Малыгина Искалеченные души	48
Алексей Рафиев Виновен каждый. Виноватых нет	51
Анатолий Волобуев Что сделать, чтобы прекратить милицейский произвол?	60
Сергей Хвоц Посеешь беспредел в милиции – пожнешь отморозков на улицах	63
Ахмед Отмани Опыт пыток	71

ЗАКОН И/ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. РЕЖИМ

Правила внутреннего распорядка ИУ	78
Владимир Судаков Скала из правил	102
Григорий Пасько Эскимосские правила	107

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ. ТЮРЬМА И ЦЕНЗУРА

Людмила Альперн Контакт	114
Юрий Александров Тюрьма и цензура	127
Наум Ним Сцены сидячей жизни в театре массмедиа	132

ОСТРОВА ПАМЯТИ. ЖАК РОССИ

Наталья Горбаневская Памяти Жака Росси	146
Жак Росси Ах, как прекрасна была эта утопия! Гулаговские хроники	148

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование

Фонд Д. и К. Макартуров

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Зам. главного редактора
Елена Ознобкина
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина
Художник
Лев Михалевский
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Нильс Кристи

Приемлемое количество преступления

Преступления не существует

Многие исследователи на протяжении почти всей их жизни вновь и вновь возвращаются к одной и той же теме. Для меня такая центральная тема – значение самого термина «преступление». Что же это за явление? Прискорбные деяния существуют, но существует ли преступление? Что мы имеем в виду, произнося это слово, и при каких обстоятельствах мы его произносим? <...>

Всякая концепция порождает определенные последствия. В течение ряда лет я следил за развитием пенитенциарной системы в современных индустриальных странах. Между разными странами существуют огромные различия, и со временем в каждой отдельно взятой стране также происходят значительные перемены. Как это понимать? Численность тюремного населения часто рассматривают как отражение криминогенной ситуации в той или иной стране. Но если так сложно определить саму природу преступления, чем же тогда объяснить разницу в количестве заключенных? Возможно, саму эту проблему можно использовать как объяснение. Коль скоро преступление не является четко определенной категорией, концепция преступления всегда так или иначе удачно соответствует целям социального контроля. Это как губка. Термин может впитывать в себя массу разных деяний – равно как и людей – при благоприятных внешних обстоятельствах. Но мож-

Н. Кристи – криминолог с мировым именем, профессор юридического факультета университета Осло. На русский язык переведены его книги «Пределы наказания» (1985), «По ту сторону одиночества» (1993), «Борьба с преступностью как индустрия» (2001), «Плотность общества» (2001), а также ряд статей, докладов, интервью (см. в том числе публикации на сайте журнала «Индекс/Досье на цензуру» www.index.org.ru).

Публикуется фрагмент из книги Н. Кристи «Достаточное количество преступления», готовящейся к изданию в России. Продолжение в следующем номере.

но также и сжимать значение термина, если это выгодно тем, кто держит в своей руке эту губку. При таком понимании проблемы возникает масса новых вопросов. Открывается возможность для дискуссии о том, что такое достаточное количество преступления.

Есть много деяний, которые можно считать преступлениями, а можно и не считать таковыми. Преступление – понятие, с которым обращаются очень вольно. Необходимо осмыслить особенности его употребления внутри разных систем и через это понимание получить возможность оценки использования этого понятия и намерений тех, кто его использует. <...>

В Норвегии нас четыре с половиной миллиона человек. В 1955 году на основании полицейских отчетов были получены первые статистические данные¹ о преступности в стране. Цифры оказались шокирующие: за год было зарегистрировано около 30 000 преступлений. В 2002 году эта цифра выросла до 320 000. А число лиц, связанных с совершением этих преступлений, возросло с 8000 до 30 000. Количество осужденных увеличилось с 5000 до 20 000, а тюремное население удвоилось по сравнению с периодом после Второй мировой войны, когда численность заключенных была минимальной.

Но означает ли это, что уровень преступности в стране вырос?
Я не знаю! А самое главное: никогда и не узнаю!

История Ромео и Джульетты

По сообщениям стокгольмских газет, некий мужчина опоил свою жену снотворным, после чего умертвил ее путем удушения. Затем он написал в полицию заявление, в котором сообщил о содеянном и о своих дальнейших действиях. Он собирался сесть на паром до Финляндии, привязать к себе тяжелые камни и прыгнуть в море. Письмо попало в полицию два дня спустя. Полицейские обнаружили дверь в квартиру незапертой, как и было сказано в том письме. Они также нашли задушенную жену, как он и писал. В соответствии со старинным обычаем, труп был обмыт, лицо усопшей накрыто белой простыней. Ей было 86, ему 78. Она страдала болезнью Альцгеймера. Он долгое время ухаживал за ней, но теперь ее должны были забрать в приют. По словам семейного врача, эти старики были очень близки. Как сообщила полиция, мужчину объявили в розыск по подозрению в совершении предумышленного убийства...

¹ Учет данных о численности заключенных тюрем ведется с 1814 года.

Кому-то эта история покажется трагедией Ромео и Джульетты. Кому-то – обычным убийством. Позвольте мне показать, чем могут быть продиктованы столь взаимоисключающие интерпретации, на примере ряда казусов, в которых центральная власть обнаружила свое полное бессилие.

Два эпизода военного времени

Ральф Дарендорф начинает свою Хамлинскую лекцию «Закон и порядок» впечатляющим описанием падения Берлина в апреле 1945 года:

«И вдруг стало понятно, что в городе не осталось никого из представителей власти, то есть вообще никакой власти не стало».

Все магазины в городе были брошены. Дарендорф вспоминает:

«У меня до сих пор стоят дома пять тонких томиков романтической поэзии, которые я тогда приобрел. Что значит приобрел? Все тащили чемоданы и мешки, набитые ворованными вещами. Что значит ворованными? Вероятно, правильнее будет сказать: найденными. Потому что тогда даже слово «ворованный» утратило свой смысл».

Но, разумеется, долго это не могло продолжаться:

«Пьянящий и ужасающий миг безграничного беззакония был ничем иным, как минутной передышкой между двумя режимами, чье тяжелое дыхание одинаково ощущали на своих спинах их подданные. Но, точно пугающий экстаз революций, это мгновение быстро прошло. И в тот момент, когда вчерашний абсолютный закон превращался в завтрашнее абсолютное бесправие – а вчерашнее бесправие в завтрашний закон, – настал короткий период беззакония, всего на несколько дней, не больше, за которым последовали недели, когда оба лагеря сначала разрушали, а затем воссоздавали нормы жизни».

У меня несколько иные воспоминания о капитуляции столицы. Я помню Осло пятью годами раньше. Ночью 9 апреля 1940 года непрерывно выли сирены воздушной тревоги, предупреждавшие жителей об авианалете. Я все еще помню чувство облегчения: ну вот, теперь у отца не будет времени поднимать скандал по поводу того ужасного письма, которое я ему не отдал и которое так и осталось лежать в моем кармане, – письмо, как я подозревал, извещавшее родителей о моих неудачах в немецком языке. А потом я узнал отличную новость: школу закрыли – и надолго! По дороге домой я вдруг получил неожиданную возможность воспользоваться своим никудышным немецким. Возле меня остановилась машина, и два немецких офицера вежливо спросили у меня, как проехать на нужную им улицу. Я столь же вежливо им объяснил.

Лишь спустя несколько месяцев я усвоил урок: никогда не отвечать на вопросы оккупантов, кроме тех случаев, когда их можно на-

править по ложному маршруту. Также мне потребовалось время, чтобы уяснить, и не только разумом, что кража у врага – это не кража. И понять, также скорее интуитивно, что один из самых популярных в нашем районе молодежных лидеров являлся членом партии Квислинга, и посему с ним не следовало ни разговаривать, ни даже здороваться при встрече. Вот только боюсь, что мне это никогда не удавалось. Должно быть, это его я видел пять лет спустя, в день освобождения, примерно в то же время, когда Дарендорф находился в Берлине. Помню, я увидел вдалеке человека, со всех ног бегущего в сторону леса, в то время как все мы, не согрешившие, спешили к центру города встречать героев, освобожденных из тюрьмы.

Мне как-то не по душе Берлин, описанный Дарендорфом. В его картинке беззаконие – это исключение из правил, это несколько забываемых дней, когда старые правила перестали действовать. А потом появились новые правила, спущенные сверху – как и те, прежние, переданные по наследству от одного режима к другому. Это картина общества, в котором люди контролируются сверху силой, как и в том военном лагере, который Фуко изображает как прототип дисциплинарного порядка. Строго управляемый паноптикум.

Мой детский опыт, как и вообще весь мой жизненный опыт, свидетельствует о том, что нормы жизни формируются, переформируются и существуют в долгом и сложном процессе взаимодействия. Другими словами, норм нет, они *становятся*. <...>

Можно еще на шаг удалиться от концепции преступления и сказать следующее: нашей отправной точкой должны стать деяния. Тогда следующим шагом станет выяснение, какого рода деяния считаются дурными. После чего можно приступить к анализу деяний, считающихся дурными, – выстроить классификацию, в которой фигурируют такие категории, как возмущение, неприязнь, отвращение, грех, и только потом – и то лишь как один из ряда возможных вариантов – преступление. Когда преступление стоит последним номером в длинном ряду, легче задаваться аналитическими вопросами, например: каковы социальные условия для деяний, называемых преступлениями?

Преступление не существует. Существуют лишь деяния, причем в разных социальных системах деяниям зачастую придают разное значение². Деяния и придаваемое им значение – это исходные данные.

² В 1980–1990-х годах это была горячая тема, возможно, прежде всего для немецких и австрийских социологов и криминологов. Я многое для себя почерпнул из дискуссий с Себастианом Ширером и Хайнцем Стайнертом во Франкфурте. Лоук Нульсман из

Наша цель – проследить судьбу деяний в условиях множественности значений. В особенности понять, каковы социальные условия, которые способствуют или препятствуют пониманию неких деяний как преступлений. <...>

Пример из мирной жизни

Но то была война. Кто-то скажет, что в мирных условиях нормы куда более стабильны. Деяния, которые считаются преступлениями, имеют более солидное основание. Но я в этом не уверен. Давайте обратимся к мирной Скандинавии. <...>

Описываемые ниже события³ произошли в парке, окруженном жилыми домами. Июнь на севере Европы – это месяц света, солнца, лета. Воскресное утро, «церковное время» – это старинный термин для обозначения самых тихих часов недели. На балконах с видом на парк сидят люди, завтракают, читают или просто отдыхают.

В парке появляется мужчина. Он несет несколько пластиковых пакетов и садится с ними на скамейку. В пакетах бутылки пива. Он откупоривает одну, две, еще несколько, беседует заводит беседу сам с собой, потом заговаривает с окружившими его детишками. Он что-то рассказывает и поет, на потеху своим слушателям.

Потом мужчина встает, идет к кустам и расстегивает ширинку. Кто-то из ребятишек увязывается за ним.

Теперь нам понадобится два жилых дома, а не один, чтобы донести наш аргумент: два дома у парка выглядят совершенно одинаково, они построены по одному и тому же архитектурному проекту. Но их истории неодинаковы. Один дом был выстроен профессиональной строительной компанией. Жильцы въехали в новостройку на все готовое: их ожидали двери с врезанными замками, бесшумный лифт, ведущий прямо в подземный гараж. Давайте назовем его «Идеальным Домом». У второго дома история куда более беспокойная. Подрядчик обанкротился, и финансирование строительства прекратилось до того, как была завершена отдел-

Роттердама сыграл важную роль как инициатор этих дискуссий. Из недавних работ на эту тему одной из самых интересных является подготовленная сотрудниками фрайбургского Института Макса Планка книга «Образы преступления» под ред. Ханса-Йорга Альбрехта, Афродиты Кукуцаки и Телемака Серассисиса (2001). Обращает на себя внимание и статья Серассисиса «Потерянная честь криминологии. Хроника злоключений одной научной дисциплины».

³ Этот пример, хотя и плод моего воображения, отнюдь не высосан из пальца. Богатый материал для него дал мне шведский антрополог Оке Даун, как и мой собственный опыт жизни в скандинавских странах.

ка. Лифт не работает, двери стоят без замков, кухонная техника не установлена – в общем, ситуация отчаянная. А будущие жильцы, которые заранее внесли полную оплату, были вынуждены устранять самые вопиющие недоделки: совместными усилиями они установили двери, отремонтировали потолки и полы, заасфальтировали дорожки вокруг дома и создали жилищный комитет для привлечения строительной компании к суду. Назовем это здание «Неблагополучным Домом».

А теперь вернемся к мужчине в парке.

Мужчина стоит за кустами в окружении ребятни и расстегивает ширинку – эта ситуация открыта для самых разнообразных интерпретаций. Для обитателей «Неблагополучного Дома» ситуация ясна как белый день. Мужчина в кустах – это Петер, сын Анны. В детстве с ним произошел несчастный случай, и с тех пор он стал вести себя немного странно, хотя по натуре он добрейший малый, который и мухи не обидит. Когда он напивается, надо просто позвонить кому-то из его близких, чтобы за ним пришли и забрали домой. Для жителей «Идеального Дома» ситуация совсем иная. Этого парня никто не знает. Незнакомый мужчина стоит в окружении детей. Он показывает им свой пенис. Благопристойные обитатели покидают свои балконы и бегут звонить в полицию. Регистрируется случай развратных действий в присутствии несовершеннолетних, а возможно, предотвращено преступление на сексуальной почве...

А что им еще оставалось делать, этим добрым жителям «Идеального Дома», изувеченным современным бытовым комфортом? Их строительная компания не обанкротилась. Они не были вынуждены предпринимать со своими соседями какие-то совместные действия. Они не были вынуждены одалживать друг у друга молотки и дрели и присматривать за соседскими детьми, пока их родители утрамбовывали асфальт на дорожках перед домом, они не встречались на бесчисленных собраниях жилищного комитета и не обсуждали свои финансовые проблемы. Они не были вынуждены перезнакомиться друг с другом, наладить тесные контакты взаимопомощи и обмена информацией. Поэтому сведения о семье Анны и ее сыне Петере и не могли стать достоянием всех жильцов – как это произошло в «Неблагополучном Доме». У жителей «Идеального Дома» как добропорядочных граждан остался один-единственный вариант реакции: звонить в полицию. И Петер стал потенциальным преступником только из-за того, что строительная компания «Идеального Дома» не обанкротилась. А вот случись эта история под окнами «Неблагополучного Дома», пьяного просто препроводили бы домой к маме. Или, говоря в более широком смысле: в подобных случа-

ях ограниченное знание внутри социальной системы открывает путь для придания тому или иному инциденту значения преступления.

Все это очень важно для понимания того, что есть преступление и кто такие преступники. В социальных системах с более тесными внутренними связями циркулирует больше информации относительно окружающих вас людей. А для не знакомых друг с другом людей единственной альтернативой становятся государственные чиновники, наделенные контролирующими функциями. Причем некоторые категории подобных функционеров становятся источником преступлений в силу самого факта своего существования. Пенитенциарная система похожа на царя Мидаса. Все, к чему бы он ни прикасался, превращалось в золото, и, как мы знаем, он умер с голоду. Много, к чему прикасается полиция, и всё и все, к чему прикасается тюрьма, становится преступлением и преступниками, а любые иные интерпретации совершенных деяний и поведения тех, кто их совершил, отвергаются.

А теперь вернемся к моей главной теме: деяний как таковых *нет*, они *становятся*. Людей *нет*, они *становятся*. Широкая социальная система с разветвленными внутренними связями, порождает, по крайней мере, неопределенность относительно того, что есть преступление и кто такие преступники.

Соседи в «Идеальном Доме» жили так, как живет современное общество – в полной изоляции от своих соседей. Это значит, что они были не в курсе местных событий. Отсутствие такой информации и заставило их вызвать полицию. Инцидент с пьяным чудачком превратился в преступление из-за того, что соседи просто обладали недостаточным знанием. <...>

Преступление как неиссякаемый природный ресурс

Преступлениям несть числа. Деяния, которые потенциально могут быть расценены как преступления, – это как неиссякаемый запас природных ресурсов. Мы можем зачислить в разряд преступлений малое число деяний – или много! Деяний *нет*, они *становятся*, их значение возникает уже после того, как они произошли. Основной вид деятельности человека – классификация и оценка. Мир возникает вокруг нас по мере его описания нами. Преступление, таким образом, есть продукт культурного, социального и умственного процессов. Для всех деяний, в том числе и тех, которые считаются недопустимыми, существуют десятки возможных вариантов их понимания: неприличное пове-

дение, безумие, извращенное честолюбие, юношеская бравада, политический героизм или – преступление. «Одинаковые» поступки, таким образом, могут стать предметом интерпретации в разных, параллельно существующих, системах: юридической, психиатрической, педагогической или теологической.

Следует отчетливо понимать, что я вовсе не утверждаю, ни здесь, ни далее, будто в принципе не существует общественно неприемлемых деяний, то есть таких, которые абсолютно неприемлемы и для меня. Я же не отрицаю, что некто может получить в сердце пулю, выпущенную из принадлежащего кому-то пистолета, как я не отрицаю, что люди гибнут под колесами автомобилей, что кто-то изымает чужие деньги из комода или с банковского счета без согласия их владельцев. И я не отрицаю, что такие деяния вызывают у меня решительное моральное осуждение и я всячески стараюсь их пресечь или предотвратить, как я не отрицаю, что следовало бы расценивать некоторые из этих деяний как преступления.

Меня интересует, как возникают и формируются значения. Мой мир наполнен ценностями, многие из которых требуют от меня активных или ответных действий. Но это не притупляет моего интереса к тому, каким образом те или иные деяния получают свое значение.

Исходя из этой общей посылки, я не стану поднимать здесь ряд традиционных вопросов из области криминологии. В частности, я не считаю необходимым задаваться вопросом, в чем именно заключается развитие криминогенной ситуации. Это вовсе не значит, что криминальная статистика не представляет интереса. Подобная статистика информирует нас о явлениях, которые в том или ином обществе считаются преступлениями и регистрируются именно как таковые, а также о судьбе тех, кто считается преступниками. Но ведь и криминальная статистика сама по себе есть социальный феномен. Она свидетельствует о том, что именно общество в данный исторический момент считает преступлением и чему стремится противостоять или способно противостоять. Криминальная статистика есть социальный факт, для которого существует острая необходимость интерпретации. Подобный взгляд на криминальную статистику имеет свои последствия. Это значит, что совершенно бесполезно задавать вопрос, находится ли преступность на подъеме, на спаде или остается на том же уровне⁴.

⁴ В этом пункте я, возможно, не соглашаюсь с точкой зрения Дэвида Гарланда, изложенной им в книге «Культура контроля». Я говорю: «возможно, не соглашаюсь», потому что Гарланд в этой интересной книге не вполне ясно, на мой взгляд, излагает свою позицию. У меня создается впечатление, что он говорит: преступность является фе-

Преступление не существует как самостоятельная сущность. Измеренные степени проявления того или иного феномена, который меняет свое содержание с течением времени, – задача не самая заманчивая.

Подобный ракурс, в котором можно рассматривать преступление, позволяет поставить два центральных и взаимосвязанных вопроса.

Во-первых, что стоит за ростом и спадом количества деяний, расцениваемых как нежелательные или неприемлемые? И каким образом становится возможным влиять на совершение подобных нежелательных деяний?

Во-вторых, за счет чего изменчивое количество нежелательных деяний переходит в разряд преступлений, а совершающие их люди – в разряд преступников? В частности, в каких материальных, социальных, культурных и политических условиях «преступление» и «преступники» начинают представляться как доминирующие метафоры, как доминирующий способ оценки нежелательных деяний и людей, их совершающих?

Это весьма обнадеживающий ракурс. Он прямо соотносится с главной темой данной книги, а именно: где предел терпимости? Или, как гласит название: каково приемлемое количество преступления? А этот вопрос естественным образом подводит нас к следующему вопросу: каково приемлемое количество наказания?

Перевод с английского О. Алякринского

номеном, который можно описать как сущность, изменяемую во времени, и поэтому можно говорить о том, что она растет или падает. У меня также сложилось впечатление, что с его точки зрения преступность растет, и для его анализа это является важным моментом. Впрочем, он очень осторожен в своих формулировках в данном пункте. Надеюсь, суть его позиции все же заключается в том, что мы пришли к такой социальной ситуации, в которой создается *впечатление* роста преступности, и это впечатление имеет массу социальных последствий.

Численность заключенных и наполнение подразделений уголовно-исполнительной системы России по состоянию на 1 июля 2004 года

СИЗО, тюрьмы и ПФРСИ¹

1. Общие данные

Показатель	СИЗО, тюрьмы, ПФРСИ			
	Всего	СИЗО	ПФРСИ	Тюрьмы
Кол-во подраздел.	349	194	137	8 (10 – ПФРТ ²)
Лимит наполнения	147 477	127 855	14 291	5331 (тюрем – 4723, ПФРТ – 608)

Численность контингента, % наполнения

По состоянию на:	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
01.01.2004	149 173	105,6	140 995	114,8	4290	29,2	3888	102,1
01.07.2004	141 395	95,9	132 772	103,8	5334	37,3	3289	61,7
С начала года (+,-)	-7778		-8223		+1044		-599	

2. Регионы с наибольшим и наименьшим уровнем наполнения СИЗО и тюрем

РЕГИОНЫ

с наименьшим уровнем наполнения		с наибольшим уровнем наполнения	
Регион	% наполнения	Регион	% наполнения
Республика Адыгея	0	Читинская область	237,6

¹ Подразделения, функционирующие в режиме следственных изоляторов.

² Подразделения, функционирующие в режиме тюрем.

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

РЕГИОНЫ			
с наименьшим уровнем наполнения		с наибольшим уровнем наполнения	
Регион	% наполнения	Регион	% наполнения
Республика Хакасия	31,5	Республика Тыва	150,5
Республика Калмыкия	45,3	Нижегородская область	149,1
Камчатская область	51,1	Ярославская область	145,8
Республика Сев. Осетия	51,5	Калужская область	144,4
Сахалинская область	53,1	Чувашская Республика	140,0
Белгородская область	56,6	Калининградская обл.	129,1
Самарская область	61,5	Респ. Кабард.-Балкария	127,6
Липецкая область	63,1	СПб. и Ленинградская обл.	127,2
Республика Мордовия	63,7	Тверская область	123,8

Осужденные и исправительные учреждения.

1. Численность осужденных и наполнение учреждений

Показатель	ИК				ВК	Всего
	Всего	ИК особого режима	ИК-поселения	ИК для пожизненных		
Кол-во учреждений	760	54	157	4 (1 участок)	62	1024
Лимит наполнения	791 212	58 827	67 828	1616	26987	

Численность контингента, % наполнения

По состоянию на:	кол-во		%		кол-во		%		кол-во		Численность всех заключенных
01.01.2004	681340	86,1	59553	102,3	37046	54,6	1482	80,6	16491	62,1	847004
01.07.2004	642724	81,2	41606	70,7	43814	64,6	1515	93,8	14705	54,5	798824
С начала года (+,-)	-38616		-17947		+6768		+33		-1786		-48 180

По состоянию на 1 июля 2004 года:

содержится осужденных:

в 217 ИК общего режима – 191168 (–12266)

в 227 ИК строгого режима – 295028 (–5511)

в лесных ИК – 42373 (–2986)

содержится женщин:

в 44 ИК – 37417 (–2129)

в СИЗО – 9626 (+71)

всего – 47043

находится детей в 11 домах ребенка – 584 (+21)

2. Регионы с наибольшим и наименьшим уровнем наполнения ИК

РЕГИОНЫ			
с наименьшим уровнем наполнения		с наибольшим уровнем наполнения	
Регион	% наполнения	Регион	% наполнения
Калининградская обл.	50,6	Краснодарский край	119,0
Красноярский край	54,9	Респ. Башкортостан	118,0
Республика Калмыкия	55,8	Челябинская область	116,9
Республика Дагестан	58,5	Ханты-Мансийский АО	103,5
Тамбовская область	58,6	Республика Татарстан	101,7
Магаданская область	59,0	Чувашская Республика	101,5
Респ. Саха (Якутия)	59,5	Республика Тыва	98,3
Республика Адыгея	59,8	Свердловская область	97,4
Республика Хакассия	64,5	Тверская область	97,1

3. Регионы с наибольшим и наименьшим уровнем наполнения ВК

РЕГИОНЫ			
с наименьшим уровнем наполнения		с наибольшим уровнем наполнения	
Регион	% наполнения	Регион	% наполнения
Республика Калмыкия	6,0	Кировская область	101,5
Камчатская область	12,0	Рязанская область	88,9
Республика Дагестан	17,8	Пермский край	87,8

РЕГИОНЫ			
с наименьшим уровнем наполнения		с наибольшим уровнем наполнения	
Регион	% наполнения	Регион	% наполнения
Удмуртская Республика	19,3	Красноярский край	83,7
Калининградская обл.	19,7	Новосибирская область	82,0
Кабард.-Балкарская Респ.	21,9	Иркутская область	78,4
Республика Адыгея	23,0	Краснодарский край	76,5
Брянская область	23,9	Свердловская область	74,2
Тульская область	31,3	Приморский край	72,4
Сахалинская область	34,1	Нижегородская область	71,3

Состояние правопорядка в учреждениях УИС

Показатель	Кол-во в 2004 году	+/- в % к АППГ ³
Всего зарегистрировано преступлений	346	+24,9
Убийство (ст. 105) и покушение на него	11	+120
Дезорганизация нормальной деятельности учреждений (ст. 321 ч. 3)	0	-100
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111)	17	+30,8
Захват заложника (ст. 206)	1	-
Побеги (ст. 313)	48	+9,1
Количество преступлений, раскрытых ОВД по информации из учреждений УИС	182 385	+13,4
Всего лиц, находящихся в розыске с учетом прошлых лет	439	-3,9
Предотвращено преступлений	56 479	+1,7

Производственно-финансовая деятельность

Некоторые показатели

Показатель		декабрь 2003 г.	июнь 2004 г.
Количество осужденных, не занятых трудом (чел.)		49370	40988
Отношение количества не работающих, к общей численности (%)		7,04	6,21
Заработок на 1 чел./день (руб.)		34,5	44,28
Объем промышленной продукции в действующих ценах (млн. руб.)		14 021,6	7736,5
Объем промышленной продукции для государственных нужд (млн. руб.)		5721,3	2974,2
Финансирование из федерального бюджета (млрд. руб.)	по смете	46,0	25,5
	по факту	45,9	25,5
Кредиторская задолженность (млн. руб.)		1010,5	1529,8

Сотрудники уголовно-исполнительной системы

1. Общие показатели

По состоянию на 1.07. 2004 г.	По штату	Укомплектовано	Некомплект (чел., %)	Принято в 2004 г. (чел.)	Уволено в 2004 г. (чел.)	В т.ч. по отрицательным мотивам
Численность персонала УИС, всего	348 749	332 599	16 150 (4,63%)	19 615	19 224	359
Образовательные учреждения	9841	8496	1345 (13,67%)	229	318	17

2. Количество нарушений законности и преступлений, допущенных сотрудниками УИС

Период	Количество	
	нарушений	преступлений законности
за 1-й квартал 2004 года	131	14
(+/- % к АППГ)	+ 3,1	+ 75,0
за 2003 год	370	39
(+/- % к АППГ)	- 45,0	- 15,0

3. Регионы с наибольшим и наименьшим некомплектом рядового и начальствующего состава (в % от штатной численности).

РЕГИОНЫ			
с наибольшим некомплектом		с наименьшим некомплектом	
Регион	%	Регион	%
Московская область	15,9	Ивановская область	0,0
Республика Хакасия	7,4	Республика Карелия	0,0
г. Москва	7,1	Самарская область	0,0
Ханты-Мансийский АО	6,1	Республика Дагестан	0,0
Камчатская область	6,1	Республика Тыва	0,1
Еврейская АО	5,6	Удмуртская Республика	0,2
Республика Саха	4,8	Томская область	0,2
Чувашская Республика	3,9	Кабардино-Балкарская Республика	0,3
Хабаровский край	3,7	Республика	

Уголовно-исполнительные инспекции

1. Общие показатели.

Всего УИИ – 2059

Состоит на учете осужденных – 606364 (– 22205)

Снято с учета в связи с осуждением за новое преступление – 1430

Снято с учета в связи с отменой/заменой наказания – 17969

2. Динамика численности осужденных, состоящих на учете в УИИ

По состоянию на:	Численность
1 января 1999 г.	651,0
1 января 2000 г.	652,4

По состоянию на:	Численность
1 января 2001 г.	336,0
1 января 2002 г.	761,7
1 января 2003 г.	642,6
1 января 2004 г.	631,6
1 июля 2004 г.	606,4

Здоровье заключенных

1. Общие показатели.

Количество больных активным туберкулезом 1 и 2 ГДУ⁴, содержащихся в учреждениях УИС – 58 711 (–11 389), в том числе:

в СИЗО – 5441

в ИК – 9064

в ЛИУ⁵ и ЛПУ⁶ – 44 206

Количество ВИЧ-инфицированных, содержащихся в учреждениях УИС – 34 923 (–294), в том числе:

в СИЗО – 5653

в ИУ – 29 652

2. Динамика численности больных активным туберкулезом и ВИЧ-инфицированных в учреждениях УИС (в тыс. чел.)

По состоянию на:	Численность больных			
	активным туберкулезом		ВИЧ-инфицированных	
	в ИК и боль- ницах	СИЗО и в тюрьмах	в ИК	в СИЗО и тюрьмах
1 января 1999 г.	80,5	10,6	0,8	0,7
1 января 2000 г.	74,9	12,2	2,7	1,3
1 января 2001 г.	71,8	12,1	7,2	8,0
1 января 2002 г.	87,9	11	21,6	12,0
1 января 2003 г.	73,1	6,3	30,0	6,2
1 января 2004 г.	67,4	6,3	29,0	6,3
1 июля 2004 г.	53,3	5,4	30,0	5,7

⁴ Группа диспансерного учета.

⁵ Лечебные исправительные учреждения.

⁶ Лечебно-профилактические учреждения.

Обзор новых книг по проблеме наказания

Эбби Шрадер. **Языки плоти. Телесное наказание и идентичность в имперской России**¹

Основательное исследование Эбби Шрадер – это попытка на материале российской истории наказания XVIII–XIX веков показать, что наказание не только представляет, но и создает и переопределяет сам социальный порядок. Автор показывает исключительную важность в России таких категорий социального статуса, как принадлежность к определенному *сословию* и наличие *состояния*, для определения наказания. В российском обществе были отчетливо выделены элитные социальные группы – группы тех, кого, например, нельзя было высечь, ибо эти люди обладали *достоинством* и *самоценностью*, в отличие от низших групп – тех, кто таковыми не обладали, а посему могли быть высечены жестоко и прилюдно. Появление привилегий для высших групп автор прямо связывает с процессом дифференциации наказания для низших слоев.

Особый раздел книги посвящен описанию морального общественного климата, в котором в России XIX в. становился актуальным отказ от системы телесных наказаний. Признак перемен – и возрастающая трудность найти добровольных «экзекуторов» (исполнителей телесных наказаний). В экзекуциях не желали участвовать священники, врачи, солдаты...

Автор подробно анализирует законодательные попытки сузить сферу применения телесных наказаний при подготовке уголовных кодексов в 1813 и 1845 годов. И признает, что эти усилия находились в русле про-

¹ Abby M. Schrader. *Languages of the lash: Corporal punishment and identity in imperial Russia*. Illinois Univ. Press, 2002.

Реферат подготовлен Е. Ознобкиной на основе материала международного журнала «Punishment & Society».

исходящих в Европе перемен, правда объяснялись они, не в последнюю очередь, желанием России лучше выглядеть в глазах европейцев.

Одна из глав книги – о применении наказаний на подчиненных империи иноязычных территориях и в отношении иных национальных групп. Автор показывает, что относительно мягче практика наказаний была, например, в Прибалтике, в отношении мусульманских священнослужителей, киргизов и других народов Средней Азии.

Подробно анализируется применение телесных наказаний в зависимости от возраста, пола, состояния здоровья. Автор широко использует ранее не привлекавшиеся исследователями архивные материалы.

Книга завершается подробным разбором дискуссии 1863 года о применении телесных наказаний и обоснованием вывода о том, что и на этом этапе не произошел окончательный отказ от разделения общества на привилегированные и непривилегированные перед законом группы.

Исследование признается лучшей на сегодня работой, анализирующей историю телесных наказаний в России до судебной реформы.

Артур Кестлер, Альбер Камю. **Размышления о смертной казни**²

Согласно данным Международной Амнистии, в 2003 году в 21 стране мира было приведено в исполнение 1 146 смертных приговоров. Из них 84% приходятся на долю Китая, Ирана, Соединенных Штатов Америки и Вьетнама. В Китае казнено 726 человек, 108 человек – в Иране, 65 – в США... Вместе с тем, 117 стран мира уже законодательно отменили либо не применяют на практике смертную казнь. Наиболее решительные ее противники – страны Европы.

К этой, пусть пока еще шаткой, победе разума прямо причастны выдающиеся европейский интеллектуалы Артур Кестлер и Альбер Камю.

Свои «Размышления о виселице» Кестлер написал в 1955 году. В 1937-м, во времена франкистского режима, он сам находился в тюрьме под угрозой смертного приговора. В 1955 году ему удалось инициировать в Англии национальную кампанию за отмену смертной казни. В 1964-м здесь последний раз был приведен в исполнение смертный приговор; в 1973-м смертная казнь была отменена за преступления общей юрисдикции; наконец, в 1998 году произошла полная законодательная отмена смертной казни.

² М., Праксис, 2003, 270 с.

Полный вариант рецензии Е. Ознобкиной опубликован в журнале «Космополис», весна-лето 2004 г.

Для Артура Кестлера смертная казнь – личный враг. Вот его собственное признание: «Пока смертная казнь не будет отменена, внутренний покой останется для меня навеки недостижимым» (с. 31). Кестлер убежден, что «эшафот – не просто инструмент гибели; это самый древний и отвратительный символ одной из склонностей рода человеческого, ведущей его к моральному краху» (с. 32–33).

Текст Кестлера – жесткий, ироничный, логически выстроенный. В своей книге он с удовольствием приводит и пространные высказывания сторонников смертной казни, полагая, что ничто не может свидетельствовать против последней так, как эти образцы всякий раз противоречивой внутри себя речи. Кестлеру удалось сформулировать и самый существенный аргумент всякой дискуссии о смертной казни. Он приходит к простому и одновременно чреватому огромными сложностями выводу, что в основе концепции «уголовной ответственности» лежит нереалистичное представление об «идеальном человеке». Вменение ответственности строится на постулате тотальной разумности и презумпции абсолютного самоконтроля индивида. Но ведь в случаях, как мы говорим сегодня, девиантного поведения, мы вряд ли имеем дело с «субъектом как таковым», все же мы имеем дело с конкретными людьми, существами телесными и не лишенными страстей. И именно смертник испытывает на себе всю реальную тяжесть последствий красивой утопии ответственности индивида...

Свое эссе «Размышления о Гильотине» Альбер Камю пишет, уже прочитав книгу Кестлера. Кроме того, он уже прошел нелегкий путь обретения точной личной позиции – против смертной казни. Для него тоже смертная казнь – то, что вынести человеку невозможно. И «виной» тому – воображение. Камю не раз говорит, что способен слишком хорошо представить себе муки приговоренного... А если этого воображения кому-то недостает – он готов «посодействовать».

Эссе начинается с личной истории: отец, негодовавший на преступника (убившего целую семью с детьми и ограбившего их), идет посмотреть на его казнь. Приходит бледный, не говорит ни слова, его тошнит... Камю еще более беспощадно, чем Кестлер, еще более подробно рисует сцены казни. Ему кажется, что сначала, до всякого «разговора», надо пробудить в читателе естественное чувство отвращения к убийству себе подобного...

А далее – аргументы. Они разбираются один за другим. И первый – двойной стандарт, лицемерие государства, оставляющего за собой право убивать. Ведь основной риторической фигурой, оправдывающей обычай наказывать смертью, является аргумент о «внушении стра-

ха будущим преступникам». Вместе с тем государственные чиновники стыдливо прячут казнь, газеты говорят о ней вполголоса. («Каким образом может быть показательным убийство, совершаемое во дворе тюрьмы?», – восклицает Камю.)

Да и может ли само зрелище казни, не говоря уже о простом «знании о ней», остановить преступника? Того, которого сама судьба ведет по путям зла, да и того, кто совершает злое преступление в бреду страстей и безумия (разве страх смерти может победить человеческие страсти?)...

Следующий аргумент Камю формулирует так: «Окрестности эшафота чужды благородства...». Разве можно по сей день, без специального напряжения зрения, в кровавом и варварском обычае видеть проявление «высшей справедливости», а в палаче – «божественную силу»? Разве зрелище казни не вызывает к жизни самые низменные эмоции и страсти (способствуя тем самым росту, а не укрощению преступности)?

Да и кто из смертных может вынести окончательный вердикт о «неисправимости» преступника в этой жизни?

И еще один аргумент был для Камю очень важен: он понимал, что живет в то время, когда преступления самих государств многократно превышают пределы возможностей индивидуальных преступников...

Однако Камю не надеялся при своей жизни увидеть плоды своей борьбы за отмену смертной казни. (Последняя смертная казнь состоялась во Франции в 1977 г.; ее отмена произошла в 1981-м.)

Виселица, гильотина, электрический стул, выстрел в затылок... Именно последний способ узаконенного убийства был принят в России в ее недавней истории. Действующий с 1999 года мораторий, который Россия ввела в связи с принятием ее в Совет Европы, подвергается постоянной атаке наших часто малограмотных политиков. Да и более 60% населения (об этом свидетельствуют социологические опросы) приветствовало бы возвращение к смертным казням... Так что пессимизм российских противников наказания смертью, пожалуй, не менее оправдан, чем пессимизм Камю. Впрочем, в этом деле никогда нельзя сдаваться.

Нильс Кристи. **Ответ насилию. В поисках чудовищ**³

Эта совсем небольшая и неказисто изданная книжечка в высшей степени достойна прочтения. Здесь – две работы известного норвеж-

³ М., Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2003, 32 с.

Полный вариант рецензии Е. Ознобкиной опубликован в журнале Отечественные записки за февраль-март 2003 г.

ского криминолога, профессора Университета Осло Нильса Кристи. Он известен у нас с 1985 года, когда на русском языке была опубликована его книга «Пределы наказания». Это была едва ли не первая книга западного криминолога, переведенная в нашей стране. Но начинать чтение Нильса Кристи следует именно с этого, только что опубликованного, небольшого текста – «В поисках чудовищ». Именно здесь, по собственным словам Н. Кристи, изложены идеи, которые составляют основу его научных взглядов, по сути описан путь его духовного развития. Немногие современные исследователи определяют свой путь в науке такими словами – «духовное развитие». Кристи действительно очень необычный криминолог. Он постоянно подвергает «радикальному сомнению» основания собственной науки; он скорее – редкий случай философа от криминологии.

Название «В поисках чудовищ» точно отражает смысл криминологических поисков Кристи, которые продолжаются более полувека. Начались они после Второй мировой войны, когда недавний выпускник университета интервьюировал норвежских охранников концентрационного лагеря, созданного немцами на территории Норвегии и «не нашел ни одного, кого можно было бы назвать чудовищем, – все бывшие охранники производили впечатление обычных людей». Опубликованные первые результаты были просто проигнорированы, поскольку господствовал стереотип: если норвежец принимал участие в преступлениях нацистов, то он не может называться человеком, он – чудовище.

Кристи до сих пор видит в преступниках обыкновенных людей и полагает, что дело криминолога – понять даже бесчеловечное и «противоразумное» деяние. Восстановить генезис преступления, а не заботиться лишь о наказании преступника. Его логика проста: «...есть некое действие, поступок... Некоторые действия рассматриваются как ужасные, зверские, в соответствии со стандартами, существующими в обществе... Но эти действия могут быть восприняты по-разному... Ужасное действие может быть обусловлено социальными проблемами и являться отчаянным требованием компенсации». Преступление – феномен, конструируемый самим обществом.

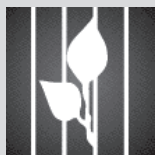
Нильс Кристи настойчиво повторяет простую мысль: уголовное правосудие, как правило, оказывается орудием господства более благополучных групп общества над менее защищенными. Его по-настоящему беспокоит возрождение термина «опасные классы» (поэтому название одной из его статей звучит полемично – «Опасные государства»). Он видит угрозу гражданскому обществу в том, что все чаще военные привлекаются к решению социальных проблем, выступая ак-

тивными участниками, а то и «гарантами» сохранения «законности и порядка».

События 11 сентября, а точнее, ответ на них ведущих политиков мира, не добавили автору оптимизма. Опубликованная в книжке работа «Ответ насилию» – переработанный уже после этих событий текст доклада Нильса Кристи на Конгрессе Международного института социологии (июль 2001 г.). И здесь снова он возвращается к «старой криминологической проблеме», как он ее называет: «Является ли человек тем, что он делает?» Ведь вор не всю жизнь совершает кражи, убийца не все время убивает, как не все время проводят в постели любовники, как не всю жизнь стоит художник перед мольбертом с кистью в руках... Это примеры Кристи. Они подводят к очень серьезному постулату: «В большинстве случаев мы видим, что люди живут в многомерном нравственном пространстве». С этой позиции гораздо труднее назвать другого человека чудовищем. Еще труднее – если мы способны видеть себя в поступках других.

Значительная часть этого текста посвящена размышлению о «пределах в случае», о том, какой должна быть реакция общества на наиболее чудовищные преступления. Кристи возвращает нас к запомнившейся ему по каким-то мемуарам сцене: после войны бывший начальник лагеря смерти в Биркенау (это недалеко от Освенцима) был повешен около ворот лагеря. Одна жизнь за полтора миллиона погибших. Но что еще могло быть сделано? С точки зрения Кристи, и в этом случае необходимо было провести объективное разбирательство и (решение Кристи слишком многим покажется вызывающим) – отпустить преступника. Он виновен, вина его чудовищна, и каждый человек на земле должен узнать об этих ужасных преступлениях, но большее сделать ничего нельзя... В подобном случае наказание никогда не будет соразмерным вине, но после осуждения по нормам уголовного права останется чувство, что правосудие свершилось, вопрос можно считать закрытым и дискуссия не нужна.

Для Нильса Кристи уголовное правосудие как таковое постоянно находится под вопросом. Перспективы справедливости он связывает скорее с развитием восстановительного правосудия. Он верит в объединяющий нас опыт, который, «например, позволяет нам понять сюжет греческой трагедии, написанной 2000 лет тому назад, так же, как его понимают и те, кто совершал бесчеловечные преступления». Наивность. В ней часто и обвиняют Нильса Кристи. Но он твердит свое: сегодня нет достаточного адекватного ответа насилию. Именно поэтому «мы должны вернуться к старым способам урегулирования: восстанавливать ход событий, стараясь выслушать и жертв, и преступников...» Мы должны думать.

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Центр содействия реформе уголовного правосудия – старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания.

Центр был создан в 1988 году бывшими политзаключенными, при горячей поддержке академика Андрея Сахарова.

Директор центра – Валерий Абрамкин – бывший политзаключенный, сегодня – член Комиссии по правам человека при Президенте РФ.

Центр осуществляет разработку законодательных и других предложений, направленных на гуманизацию условий содержания заключенных, на проведение тюремной и судебной реформ, внедрение в пенитенциарную практику альтернативных методов наказания, на сокращение численности тюремного населения России.

В последние годы Центр ведет большой **проект по социальному сопровождению** несовершеннолетних правонарушителей.

Ведется **пропагандистская и информационно-просветительская работа**, призванная обеспечить общественную поддержку реформаторским силам.

Центр выпустил сотни книг, брошюр (в том числе серии «Знай свои права!»), буклетов, листовок и плакатов, подготовил более тысячи публикаций, аудио и видео сюжетов для СМИ.

Нашу **еженедельную радиопередачу** о проблемах заключенных «Облака» (выходит на волнах «Радио России» с 1992 года) слушает 25% взрослого населения России, не считая заключенных.

Работу Центра всесторонне отражает **сайт** <http://www.prison.org>

Здесь вы найдете информацию: о тюремных нравах и обычаях, о сегодняшнем положении в местах заключения, о своих правах на защиту, о важнейших текущих изменениях в законодательстве и многое другое.

Внимание! На сайте опубликованы подробные разъяснения в связи с вступившими в силу в декабре 2003 г. новыми поправками в УК, УПК и другие законодательные акты, направленными на смягчение уголовного законодательства.

ЗА СТЕНОЙ

МИЛИЦЕЙСКИЙ ПРОИЗВОЛ

Лев Гудков
Борис Дубин

Милицейский произвол, насилие и «полицейское государство»

На протяжении многих лет россияне, в особенности проживающие в крупных городах, не чувствуют в безопасности ни себя, ни своих близких, ни на улице, ни в транспорте, ни даже дома. Угроза хулиганского нападения, грабежа, а все чаще – террористического акта осознается россиянами как весьма острая, но тем не менее привычная. 27% россиян, опрошенных в мае 2004 г. (N=1600 человек), «очень боятся», что они сами и их близкие могут оказаться жертвами теракта, 52% опасаются этого «в какой-то мере». Соответственно, ведущими ценностями для населения России на протяжении последних лет выступали именно «стабильность», «законность и порядок».

С другой стороны, на протяжении тех же лет социологи получали устойчивые данные, свидетельствующие о крайне низком уровне доверия населения России к милиции и правоохранительным органам, которые как будто бы должны этот порядок охранять. Не случайно среди мер безопасности, которые следовало бы предпринять для снижения угрозы терактов, 45% опрошенных в майском исследовании 2004 г. Левада-центра – самая большая группа – назвали «борьбу с коррупцией в правоохранительных органах». За низким доверием к милиции стоит явно ощущаемое россиянами снижение эффективности и качества ее работы.

В то же время широко рекламируемые в прессе мероприятия властей по чистке рядов милиции от коррупционеров не вызывают безоговорочного доверия граждан. Лишь один из четырех слышавших об этой кампании согласен с ее трактовкой в официальном ключе, а более двух третей опрошенных не верят в то, что она действительно направлена на искоренение преступности в рядах МВД. Значительно более правдоподобной респонденты считают версию о том, что борьба с «оборотнями» – лишь средство решения внутриклановых проблем

властной элиты или элемент предвыборной агитации руководителя ведомства Б. Грызлова.

Неудивительно, что в рейтинге доверия различным социальным институтам органы милиции, по оценкам населения, никогда не поднимались выше 13–14-го места. По суммарному выражению негативизма в их адрес они уступают только политическим партиям и российскому парламенту, однако – что важно! – с гораздо более определенным отрицательным отношением (число затруднившихся ответить, то есть некомпетентных или не имеющих своего мнения, здесь вдвое меньше, чем в отношении к партиям или Думе).

С третьей стороны, объем полномочий милиции – и тех, что напрямую связаны с поддержанием общественного порядка, защитой населения, и тех, что относятся к ее постоянно увеличивающимся бюрократическим и тому подобным функциям, – год от года растет, причем общество, его институты, организации никак не контролируют этот процесс. Так, например, недавние инициативы по передаче – безо всякого предупреждения и объяснения – функций ОВИРа паспортным столам отделений милиции стали полной неожиданностью для населения накануне периода летних отпусков, на неопределенное время сделали всю страну «невъездной» и фактически в очередной раз превратили россиян в бесправных и бессильных заложников правоохранительной системы.

И вместе с тем – таков четвертый фактор, влияющий на массовые оценки милиции как института, – у населения России практически нет возможности выбирать себе средства защиты в случае опасности для жизни, имущества и т.д. Кроме помощи со стороны милиции, рассчитывать рядовому россиянину почти что не на кого.

Для опрошенных в 2004 г. жителей российских городов милиция и ГАИ стоят на втором месте в «черном списке» властно-административных учреждений и организаций, систематически нарушающих права, ущемляющих законные интересы граждан¹.

Чаще всего горожанам, по их оценке, приходится сталкиваться с такими видами милицейского произвола, как:

¹ Далее в основном используются и приводятся без дополнительных указаний данные тематического цикла исследований, проведенных Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-центр) по заказу Фонда «Общественный вердикт». Первый опрос прошел в мае 2004 г. В представительную для населения крупных городов выборку были включены 2013 жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Самары, Екатеринбургa, Перми, Омска, Новосибирска, Уфы и Красноярска.

- грубость, хамство, оскорбления (на это указали более половины всех опрошенных – 53%),
- волокита в милиции или бездействие сотрудников милиции (51%),
- поборы, вымогательство, взятки (48%),
- неоправданное задержание (проверка документов, обыск, незаконное заключение под стражу) – 40%,
- отказ возбуждать уголовное дело, нежелание искать преступников (29%),
- физическое насилие (избиение, телесные повреждения, пытки) – 24%.

Таковы усредненные данные. Но среди тех, кто относится к милиции критически, с недоверием и опасением (а этот контингент составляет около четверти опрошенных и чаще других к нему принадлежат более молодые, активные и предприимчивые горожане), гораздо выше доля тех, кто подчеркивает *постоянный произвол в любых действиях милиции*.

Физическое насилие в правоохранительных органах²

По мнению 73% врачей и среднего медперсонала, оказывающих первую медицинскую помощь пострадавшим в результате несчастных случаев или нападений, проблема насилия сотрудников правоохранительных органов в отношении задержанных является весьма серьезной (полагают, что этот вопрос не заслуживает сколько-нибудь серьезного внимания, 23%, и 4% считают, что такой проблемы не существует). Применение насилия в отношении задержанных или избиение их случается «довольно часто», считают 43% опрошенных (в Москве и Петербурге – 55%); еще 10% (в Москве – 14%) считают, что это «общая практика» в МВД и других ведомствах этого рода. 46% (в Москве – 32%) полагают, что такого рода явления достаточно редки, представляют собой отдельные случаи. Опрошенные знают, о чем говорят: 77% медперсонала бригад «скорой помощи» приходилось оказывать медицинскую

² Далее используются данные второго опроса, проведенного сотрудниками Аналитического центра Юрия Левады в июне 2004 г. по заказу того же Фонда «Общественный вердикт». На этот раз опрашивались врачи, фельдшеры и медсестры в бригадах «скорой помощи» и в травмопунктах различных городов России: целью исследования было получить некоторую косвенную информацию о пострадавших в результате насилия, причиненного гражданам сотрудниками органов правопорядка, то есть о фактах регистрируемого насилия. Всего было опрошено 619 человек (427 работников «скорой помощи» и 192 – травмопунктов) из 42 городов страны.

помощь пациентам, пострадавшим от действий сотрудников правоохранительных органов, среди врачей травмопунктов таких было уже 87%.

Мнения о распространенности повседневного милицейского насилия сильнее выражены у работников травмопунктов, чем среди персонала «скорой помощи» (в сумме – 58% и 51%). Подобные различия связаны, видимо, с тем, что для регистрации или помощи пострадавшим от побоев и травм, нанесенных сотрудниками органов правопорядка или в их ведомствах, «скорую помощь» вызывают несколько реже. Пострадавшие вынуждены чаще самостоятельно обращаться за помощью в травмопункты.

Жертвами насилия милиции чаще всего оказываются мужчины, относящиеся к «социально слабым» или уязвимым категориям населения, находящиеся в состоянии частичной или полной невменяемости (или квалифицируемые в таком качестве врачами или милицией). Они не в состоянии должным образом защитить себя в социальном и гражданском отношении, а не только в физическом смысле.

Бьют главным образом тех, кто находится в пьяном виде, «не в себе» и как бы провоцирует жестокое, «нечеловеческое» отношение, подростков и молодых людей, а также бомжей. Но, видимо, бьют «не до смерти», так что люди пострадали, но не настолько, чтобы вызывать «скорую», или находились не в том состоянии, чтобы ее вызывать, а вынуждены идти в травмопункт сами (можно предположить, что и «скорая», со своей стороны, неохотно выезжает на такие вызовы). То же самое можно сказать и о мигрантах, становящихся типичными объектами агрессивного отношения милиции. Женщины в подобной ситуации оказываются не так часто, а травмы, наносимые им, не столь серьезны, раз они обращаются не к «скорой помощи» (2%), а появляются в травмопункте (4%).

Врачи узнают о том, кто нанес побои, стал причиной травм или телесных повреждений, главным образом со слов самих пострадавших (в трех четвертях случаев – 73%). Несколько чаще об этом говорят те, кто приходит или доставлен в травмопункт (79%). Но помимо самих объяснений пострадавших на это указывает типичный характер телесных повреждений (об этом заявляет почти каждый третий работник травмопункта – 32% – и каждый пятый врач «скорой помощи» – 21%) или, как это объясняют врачи и медсестры, это ясно из «характера поведения пострадавшего» (12%).

Таблица 1

Причины получения травм или телесных повреждений
(в % к числу опрошенных по столбцу; опрошенные могли назвать
несколько позиций, поэтому сумма ответов больше 100%)

(все ответы со слов потерпевших)	В целом	Бригады «скорой помощи»	Персонал травмопунктов
При задержании	61	57	69
Избили беспричинно, «для куража», демонстрации власти	34	32	38
При «выбивании» информации, нужной сотрудникам правоохранительных органов	16	16	17
По указанию сотрудников правоохранительных органов избили сокамерники	3	3	3
Другое	6	6	5

Жестокость как норма

Несмотря на то, что большая часть врачей считает недопустимым или неестественным такой порядок вещей, когда людей подвергают насилию или избиениям, все-таки приходится говорить об инерции жестокости как нормы повседневного существования, характерной для репрессивных обществ тоталитарного или полицейского типа. Так, абсолютное большинство опрошенных среди врачей и среднего медперсонала склоняется к тому, что насилие и жестокость, проявляемые к задержанным или подследственным, вызываются самими пострадавшими, неадекватностью их поведения, с точки зрения милиции или конвоя, работников следственных органов (иначе говоря, врачи в большей мере, вынужденно или нет, принимают сторону милиции). Речь идет о проблеме конвенциональных определений параметров жестокости и насилия: мы определенно имеем дело с достаточно явным согласием на «оправданность» его применения или «неизбежность» насилия в таких случаях, когда пьяный или агрессивно настроенный задержанный вызывает ответную и явно чрезмерную – судя по резуль-

татам и травмам – жестокость. Лишь каждый пятый из опрошенных медиков полагал, что насилие было ничем не оправданной жестокостью и оно никак не спровоцировано самим пострадавшим.

Таким образом, речь идет о «внутреннем» оправдании побоев и силы, привычном коде жестокого поведения сразу и по максимуму, с которым как бы уже согласились в обществе, в том числе и врачи. Едва ли можно назвать приемлемым поведение пьяных, но кураж милиции – вещь столь же дикая и недопустимая в нормальном обществе, как и асоциальность бомжей и пьяниц.

Ситуация закрытости правоохранительных органов для внешнего контроля, наблюдения, обсуждения (а значит, и для возможности врача встать на другую позицию, кроме милиционера при исполнении) усугубляется сложившимся порядком оповещения о случаях милицейского насилия. В подавляющем большинстве случаев персонал «скорой помощи», но в еще большей части – травмопунктов, обязан сообщать о травмах, полученных со стороны милиции... той же самой милиции. Причем особенно жестко эту обязательность чувствует медперсонал в нестоличных городах, средних по размерам и количеству населения, где «все на виду».

Таблица 2

В соответствии с должностными инструкциями, куда вы обязаны сообщать о фактах причинения гражданам телесных повреждений сотрудниками правоохранительных органов?

(здесь и далее в % к числу опрошенных, по столбцу)

	В целом	Бригады «скорой помощи»	Персонал травмопунктов
В дежурную часть милиции	39	30	60
В прокуратуру	12	11	15
В центральную диспетчерскую	6	9	0
Другое	4	6	1
Нет таких инструкций	16	20	6
Не знаю	9	9	8
Нет ответа	20	23	14

Как нетрудно понять, сотрудники милиции и другие представители власти заинтересованы по преимуществу в том, чтобы замаять случившееся, вообще не фиксировать его как факт и не придавать огласке. Можно предположить, что чаще всего ситуация почти автоматически и складывается именно так – в их пользу. Иногда, когда случившееся выходит или грозит выйти за рамки обычного, органы правопорядка и другие власти оказывают на врачей давление, требуя не фиксировать факты причиненного милицией насилия и никуда о них не сообщать. Особенно сильно это давление ощущает, с одной стороны, медперсонал в Москве и Петербурге («показательных» городах, где концентрируется официальная власть), а с другой стороны – в средних и малых городах, где власть «ближе» и у нее больше возможностей прямого воздействия.

Характерно, однако, что еще настоятельней – в каждом втором случае, если не чаще, – о том же просят... сами пострадавшие. Они явно боятся последствий такого «разглашения» и не верят в его пользу ни для себя, ни для других им подобных. Иными словами, не только медики, но и сами потерпевшие вынужденно принимают сторону милиции, которая и причинила им травмы, – форма реакции на безвыходные условия, известная из истории тоталитарных систем, репрессивных институтов, поведения заложников и жертв террористических актов («стокгольмский синдром») и проч.

При этом опрошенные медики крайне мало знают про общественные организации, ведущие борьбу с произволом и насилием со стороны правоохранительных органов (в сумме о таковых знают лишь 8% опрошенных). Вместе с тем до трех пятых респондентов (55% сотрудников травмопунктов и 61% бригад «скорой помощи»), по их словам, согласились бы, знай они координаты подобных общественных организаций, сообщать им о случаях насилия над гражданами со стороны правоохранительных органов.

Подводя итог, можно сказать, что порука насилия, терпения и молчания объединяет сегодня в России не только репрессивные органы – в ее периметр включены и жертвы. Мы имеем дело с социумом, в котором крайне слабо выражены формы позитивной солидарности, интереса и внимания к окружающим и, напротив, с заметной силой действуют различные негативные формы сплочения, принятия точки зрения «репрессивного другого», проявления синдрома коллективного заложничества.

А это значит, что привычных объяснений малой эффективности милиции как института низкой зарплатой сотрудников, социальным от-

бором наименее культивированного «человеческого материала» и т.п. явно недостаточно (даже при том, что они верны). Как показывают наши исследования за ряд лет, репутация милиции в глазах российского населения не просто окрашена недоверием или разочарованием из-за тех либо иных срывов и изъянов в ее работе. Милиция как система, правоохранительный институт в большинстве случаев утратила признаки законности, поскольку общее мнение, разделяемое почти 4/5 всех опрошенных, связывает их с криминальными структурами, с коррупцией и привычным произволом. Причем объем этого произвола со временем только ширится, поскольку растет объем функций милиции: бюрократической властью на нее возложены функции контроля и удостоверения многих повседневных взаимодействий, обойтись без которых большинство граждан просто не в состоянии. Речь идет о прописке и регистрации, паспортизации, идентификации личности, получении разного рода лицензий и сертификатов – от водительских прав до призыва в армию или разрешения на работу. Увеличивается объем функций милиции (при той же структуре института, том же его кадровом составе и той же неподконтрольности обществу), увеличивается и зависимость населения от нее, а соответственно, растет возможность произвола. При всем том для большинства россиян милиция сегодня – по-прежнему не имеющий альтернатив институт защиты, хотя и с крайне низкой надежностью и эффективностью (низкой, но не нулевой).

Так что дело здесь не в упущениях системы, а в самой системе, как она складывалась на разных этапах жизни Советского государства. Карательно-репрессивные функции милиции, связанные с ее задачами в советское время (защита государства, то есть бюрократической системы власти и управления, организации тоталитарного порядка – от людей, населения), сегодня вовсе не исчезли. Они частично трансформировались в источник милицейского произвола, нелегитимного ресурса милиционеров по эксплуатации отдельных уязвимых групп населения, которые не имеют средств защиты от вымогательства и милицейского «беспредела». Отсутствие контроля над органами милиции, связанное с природой и формой организации власти в постсоветское время, ведет к ее изоляции от других институтов, усилению состояния безответственности перед населением, различными его группами. Привычность милицейского насилия и для самих милиционеров, и для большинства остальных – выражение атомизированности и слабости общества, атрофии в нем самостоятельности, солидарности, воли.

Поэтому более адекватное объяснение накапливающихся институциональных дисфункций в милицейской и правоохранительной си-

стеме состоит для нас в том, что работа милиции определяется сегодня сочетанием плохо согласованных или попросту противоречащих друг другу целей и задач, в разное время ставившихся перед ней руководством страны, высшим эшелонам власти, отделившей себя от социума и противостоящей ему. Каждый набор этих функций воспроизводит различные пласты политической культуры, относящиеся к несходным историческим эпохам существования тоталитарно-репрессивной системы управления обществом.

Лакуны в нормативно-административной деятельности государства (чаще всего это те самые области отношений, которые требуют принципиально иного типа регуляции – экономической, правовой и т.п., действующей через конкуренцию и кооперацию, доверие, взаимность, коалиционность) как раз и образуют зоны институциональной неопределенности, административного произвола, превращающие правоохранительные органы в организации частного или корпоративного «силового предпринимательства»³. Иначе говоря, перед нами не проблемы какого-то особого «переходного периода», а неразрешимый в заданных рамках симбиоз разных социальных систем, парализующих друг друга. Кажущаяся ограниченная дееспособность или неэффективность милиции, суда, правоохранительных органов, представляемые официальной властью или масс-медиа как временные трудности или несовершенства в работе правоохранительных органов и даже всего государственного аппарата, обозначают, на наш взгляд, возникновение качественно нового социального состояния – возникновение *полицейского государства*.

Полицейское государство – это государство децентрализованного контроля и управления при выродившихся или не развившихся механизмах дифференциации ветвей власти. Функциональные элементы законодательной, судебной, представительной и исполнительной власти переходят при этом к отдельному чиновнику, но только в том особом случае, если он обладает правом принуждения и ресурсами такового. Вся система может венчаться квазиавторитарным лидером, символически представляющим все целое или полноту сверхвласти, а может быть возглавлена некоторой конфигурацией олигархических кланов – важно лишь, что ни тот, ни другие не обладают реальной властью,

³ См.: Коленникова О.А., Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Коммерциализация служебной деятельности работников милиции// Социологические исследования, 2004, № 3, с.73–83.

эффективным контролем на средних и низовых уровнях управления. Они могут волевым порядком или в ходе объявленной кампании уничтожить один или несколько центров влияния, экономической, политической, региональной власти по тем или иным частным мотивам и обвинениям («коррупционность», «связь с иностранными агентами влияния», «предательство национальных интересов»), но они бессильны по отношению ко всей системе складывающихся отношений, к принципам ее организации.

Такая композиция власти означает конец мобилизационного общества и его идеологии, усиление традиционализма и ксенофобии в социуме, но особенно – в его военизированных, репрессивных структурах (армии, милиции, «органах»), нарастание процессов стагнации, разложения, усреднения, деградаци, которым – в отсутствие других вариантов движения и групп, их всерьез отстаивающих, – придается вид стабилизации. Отличительной чертой подобной «стабилизации» является усиливающаяся неспособность власти к решению системных конфликтов и напряжений, постоянное откладывание принципиальных политических решений «на потом», длительность «временного», как бы переходного существования, обеспечиваемая только ценой снижения человеческого капитала и истощения социальных ресурсов.

Фонд «Общественный вердикт»:
Россия, 101000, Москва,
Колпачный переулок, 3/2.
Тел.: (7 095) 540-68-51
Факс: (7 095) 540-68-52
E-mail: info@publicverdict.org
www.publicverdict.org

Некоммерческая организация Фонд «Общественный вердикт» создана в феврале 2004 года. Учредители организации – Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», Московская хельсинкская группа, РОО «Открытая Россия», Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева), Фонд «Регионы России».

Фонд «Общественный вердикт» через региональные партнерские организации оказывает правовую и информационную поддержку по защите и восстановлению прав, нарушенных правоохранительными органами. На такую помощь со стороны Фонда могут рассчитывать граждане России, иностранцы и лица без гражданства, негосударственные организации, СМИ и их работники, государственные служащие, в том числе и работники правоохранительных органов, военнослужащие. Фонд готов оказать поддержку хозяйствующим субъектам, предпринимателям, сотрудникам некоммерческих организаций и членам политических партий.

Основные принципы деятельности Фонда «Общественный вердикт»:

- сотрудничество с региональными партнерскими организациями в сфере защиты прав человека от нарушений со стороны правоохранительных органов и иных государственных структур;
- содействие деятельности правозащитных организаций;
- проведение исследований по проблемам прав человека в России;
- информирование общественности о ситуации с правами человека в России.

Зоя Светова

Тетюшская фабрика пыток

«Спасите наших детей!»

Маленький татарский городок Тетюши расположен в 150 километрах от Казани. В последнее время он превратился в настоящий полигон для беспредела милиции. Безнаказанность сотрудников РОВД, действия которых покрывает местная прокуратура, заставляет жителей Тетюшей прятать и увозить из города своих детей-подростков. Родители отчаялись искать управу на местных милиционеров в республиканской прокуратуре Татарстана и в Генеральной прокуратуре.

Передо мной большая папка, в которой собраны письма пострадавших от милиции молодых людей и их родителей. То, что написано в них, нельзя выдумать. Конечно, нечто похожее происходит и в других районных отделениях милиции российских городов и деревень. Но, похоже, ситуация в Тетюшах относится к разряду самых безнадежных.

Несколько лет назад правозащитная организация «Международная Амнистия» представила доклад «Ад, придуманный людьми». Жертвы пыток рассказали правозащитникам, какие методы и изощренные способы применяют сотрудники милиции для получения признательных показаний. Так всему миру стали известны названия пыточного арсенала милицейских беспредельщиков: «слоник», «ласточка», «цыпленок табака», «смерть Бонивура», «распятие Христа». С тех пор ситуация с применением пыток в России мало изменилась. Разве что заплечных дел мастера научились работать аккуратно, так, чтобы не оставлять на теле своих жертв следов, которые потом могут послужить причиной для возбуждения против них уголовных дел по факту «использования незаконных методов ведения следствия» или «превышения должностных полномочий». Кстати, понятие «пытка» долгое

время вообще не фигурировало в российском Уголовном кодексе. Только 8 декабря 2003 года это понятие было введено в УК РФ. (ст. 117, ч. 2, п. «д» – «Истязание с применением пытки»).

Правда, для того, чтобы добиться привлечения к уголовной ответственности сотрудников милиции, которые используют пытки, нужны поистине титанические усилия родителей жертв произвола, их адвокатов, правозащитников. А в такой «особенной» республике, как Татарстан, и этих усилий может оказаться недостаточно. Кажется, добиться здесь справедливости и найти управу на действия сотрудников МВД практически невозможно.

Поэтому удивительно, что среди жителей Тетюшей нашлись бесстрашные люди, которые осмелились пожаловаться на сотрудников местного РОВД. Они прекрасно знают, что рискуют. Ведь, защищая одного сына, они ставят под удар другого сына или дочь, которых также могут арестовать и пропустить через фабрику пыток, на конвейере которой их наверняка заставят признаться в чужих преступлениях.

«Придумать» виновного

«Молодых ребят сначала задерживают за административное правонарушение, – рассказывает Александр Сенин, чей сын вынужден скрываться от милиции из-за сфабрикованного обвинения в убийстве. – Потом их везут к мировому судье, который выносит решение о задержании на трое суток. Придумывается незначительный повод – состояние опьянения, нецензурная брань в общественном месте. Моего сына Сергея, например, обвинили в краже телевизора. Его продержали в РОВД несколько часов. Били, пытали. Потом отпустили. Он был так напуган, что пролежал дома трое суток, а к врачу не пошел. Боялся. В милиции его припугнули, что если расскажет о том, как его избивали, то окажется в тюрьме».

Когда через три месяца в ночь с 12 на 13 июля 2003 года в городе произошло громкое преступление (неизвестные убийцы расстреляли двух охранников и пытались вынести сейф), Александр Сенин посоветовал Сергею срочно уехать из города. И правильно сделал...

Служба сотрудников милиции и сотрудников уголовного розыска в Тетюшах мало отличается от службы их коллег из других российских городов. Раскрывать убийства и бандитские нападения по горячим следам им удается не всегда. А так как начальство требует выполнения плана по раскрытию преступлений, приходится выкручиваться. «Придумывать» виновных. Благо технология выбивания признательных показаний здесь, судя по всему, хорошо отработана...

«Он бил меня по всему телу...»

«13 июля 2003 года около 11 часов вечера, когда я вместе с другом вышел из дискотеки «Открытая танцплощадка», к нам подошел дознаватель Тетюшского РОВД Александр Адриянов. Он стал расспрашивать меня про убийство и про то, где я находился прошлой ночью, – рассказывает Ринат Салахутдинов. – Потом меня доставили в Тетюшское РОВД, где Адриянов начал меня избивать. Он бил руками и ногами по ногам, по затылку, по почкам, по всему телу. Заставлял признаться, где я был в ночь с 12 на 13 июля, когда в доме Горюновых произошло убийство. Я рассказал, что провел вечер с друзьями. Это Адриянова, по-видимому, не устроило, и он продолжал меня избивать».

На следующее утро Рината отвезли в районный Тетюшский суд. Мировой судья Сурков зачитал материалы дела, из которых следовало, что задержали Салахутдинова 12 июля на автовокзале, где он, в стельку пьяный, ругался матом, пугая прохожих и сотрудников милиции. Мать Рината привела на суд его приятеля, который рассказал, что был в тот день вместе с Салахутдиновым совсем в другом месте. Почувствовав, что судья засомневался, сотрудники Тетюшского РОВД быстро отвезли задержанного к другому мировому судье – Вахромову, родному брату начальника Тетюшского РОВД.

И этот судья ничтоже сумняшеся вынес решение об административном аресте Рината Салахутдинова на 10 суток. Молодого парня отвезли к брату мирового судьи и начальнику Тетюшского РОВД Вахромову, известному своей жестокостью. «Он заставил меня взять на себя всю вину за убийство, – продолжает Салахутдинов. – Говорил, что, если я буду рассказывать не то, что им нужно, то меня будут бить по голове. Угрожал, что моим родителям житья не дадут, оставая их без средств к существованию. Когда же Вахромов понял, что угрозы на меня не действуют, он стал исполнять обещанное: начал бить меня руками по затылку. После этого ударил по половым органам, по животу. А потом в дело пошел электрошок». В результате всех этих мучений Салахутдинов признался, что стоял «на стреме», пока его приятели Хайруллин, Сенин и Гатауллин грабили и убивали Горюнова и Пономарева. Добившись от Салахутдинова нужных показаний, его отпустили домой.

Ильнар Хайруллин отказался подтверждать показания Салахутдинова. Его избивали так, что у него лопнули барабанные перепонки. Испугавшись, что перегнули палку, мучители выпустили парня на волю и постарались дело замять.

«Я скрываюсь от преследования милиции...»

После выбивания признательных показаний от Салахутдинова объявили в розыск Радика Гатауллина и Сергея Сенина как особо опасных преступников. Почти целый год они не появлялись в родном городе.

«Я скрываюсь от преследования. Меня хотят обвинить в преступлении, которого я не совершал. 13 июля 2003 года в городе Тетюши произошло убийство. Я в это время был в баре. До самого его закрытия в 24 часа 15 минут. После этого вместе с Сениным и Козловым мы поехали в Южный микрорайон...» – пишет о своем алиби Радик Гатауллин в заявлении в Правозащитный центр города Казани.

Сегодня его мать не может себе простить, что позволила сыну вернуться домой. Радика задержали вечером 4 июня 2004 года, когда он приехал навестить родителей. Скорее всего кто-то из соседей следил за домом Гатауллиных и сообщил в милицию о приезде «опасного преступника».

Задержание Радика было произведено незаконно. Не только не было санкции суда на проведение обыска в доме Гатауллиных, но и в нарушение закона обвинение задержанному было предъявлено в присутствии дежурного защитника, хотя следователю было прекрасно известно, что родители Гатауллина заключили договор с адвокатом. Напрасно адвокат предлагал судье допросить свидетелей, которые могли бы подтвердить алиби Гатауллина. Не обращая внимания на доводы защиты, на то, что в момент задержания Радик Гатауллин пытался вскрыть себе вены, служитель тетюшской Фемиды подмахнул решение о его взятии под стражу. Подобные решения суда здесь принимались не раз...

Жертва Черного озера

Из суда Радика Гатауллина повезли в Тетюшское РОВД, где держали 10 дней. Сначала местные мучители пытались заставить его отказаться от алиби и признаться в убийстве. Не добившись успеха, через месяц после задержания его доставили в изолятор временного содержания МВД Республики Татарстан, который находится в столице республики на Черном озере. «Это страшное место. ИВС на Чернушке – настоящая пыточная тюрьма, – рассказывали мне местные жители, которые просили не называть их имен. – Там работают настоящие заплечных дел мастера. Они выбивают признательные показания, не оставляя следов на теле у тех, кого они пытаются».

На пятый день содержания в ИВС МВД РТ Радик Гатауллин отказался от своего адвоката Виля Камалова, которого наняли его родители, и взял всю вину за двойное убийство в доме Горюновых на себя.

Нет сомнения, что отказаться от адвоката, известного жалобами на нарушения прав своих подзащитных, Гатауллина заставили на Черном озере. Дело в том, что уже 9 июня 2004 года – через пять дней после того, как Радик оказался в ИВС, – адвокат Камалов обратился в прокуратуру с жалобой на применение в отношении Радика «незаконных методов ведения следствия». Он не побоялся написать, что его подзащитного бьют и оказывают на него психологическое давление. Такой адвокат был не нужен следствию. Поэтому было сделано все, чтобы выбить его из дела. Если Гатауллин не передумает, в суде его защищать будет назначенный следствием адвокат, который построит защиту в соответствии с интересами тетюшских учителей.

«Убить» «дракона»?

«Как жаль, что Гатауллин взял все убийство на себя. Несмотря на то, что у него есть хорошее алиби. Самое обидное, что есть несколько свидетелей, которые пока готовы подтвердить, что в час убийства Радик, Сенин и еще один парень находились совсем в другом месте, около магазина «24 часа». Но следователь их до сих пор не допросил. И вряд ли допросит. Их показания развалит все обвинение», – рассказал мне один из друзей Гатауллина.

«Самое ужасное, что истинные преступники гуляют на свободе, – говорит Александр Сенин. – А мы вынуждены прятать нашего сына Сергея. И ничем не можем помочь Радик. наших детей называют отморозками, преступниками. Где нам искать защиту?»

В предъявленном Радик Гатауллину обвинении говорится, что он «по предварительному сговору с Сениным проник в дом Горюнова И.А., откуда они оба пытались похитить закрытый металлический ящик с деньгами в сумме 15 000 рублей... Гатауллин произвел выстрел из не установленного следствием пистолета...» Друзья Радика и Сергея Сенина уверены, что ребята не могли совершить это преступление. Один из убитых охранников был родственником Сенина. Излишне говорить, что в деле нет никаких вещественных доказательств. Ни оружия, ни денег никто нигде не нашел. Обвинительная база основывается лишь на признательных показаниях Гатауллина и на оговоре Салахутдинова. И то и другое выбито под пытками.

Возможно, в ближайшее время дело по двойному убийству в доме Горюновых будет слушаться в Верховном Суде Татарстана. А этот судебный орган в оправдательных приговорах не очень-то замечен. Поэтому есть все основания полагать, что Гатауллин получит большой срок за убийство, которого он не совершал. А сотрудники Тетюшского РОВД будут продолжать работать так, как они умеют.

«Они учатся этому ремеслу у сотрудников Управления уголовного розыска МВД Республики Татарстан, – говорит один из казанских адвокатов. – В центральном аппарате работают настоящие пыточные асы. Пытают так, что на теле не остается никаких следов. Особенно когда пытаются электротоком. Я видел у одного из моих подзащитных на шее две маленькие точки. Но как доказать, что это следы от проводов? Ведь врачи редко соглашаются давать медицинские заключения по факту нанесения телесных повреждений. Особенно если подсудимых в больницу привозят сами милиционеры».

Помните пьесу Евгения Шварца «Дракон»? Ее герои четыреста лет страдали от дракона, которому они были вынуждены отдавать своих дочерей на растерзание. Это продолжалось до тех пор, пока не появился смельчак Ланцелот, убивший дракона и освободивший город от его власти.

Сегодня жители Тетюшей прячут своих детей, которым грозит смертельная опасность. Боюсь только, что милицейский «дракон» из Тетюшей может быть в чем-то даже пострашней, чем дракон из пьесы Шварца.

Этот «дракон» ничего не боится. Почему? А потому, что даже когда он встречает сопротивление со стороны своих жертв, он абсолютно уверен в своей полной безнаказанности. Наверное, потому, что неодинок, потому что ощущает, что он – часть системы, которая пользуется поддержкой на многих ступенях власти. Поэтому-то ему практически нечего бояться.

Можно, конечно, надеяться на чудо. На то, что родители жертв пыток объединятся и смогут противопоставить милицейскому беспределу свою родительскую солидарность. Ведь так в свое время, не желая, чтобы их дети гибли в Чечне, объединились солдатские матери. Если этого не произойдет, фабрика пыток не остановится. Слишком много народу заинтересовано в ее страшной работе...

Справка о состоянии соблюдения прав человека в деятельности органов внутренних дел

Анализ жалоб, поступивших в аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, материалы проверок, сообщения средств массовой информации, прокуратур и данные, полученные при изучении уголовных дел, свидетельствуют о существенных нарушениях прав и законных интересов граждан в деятельности органов внутренних дел.

В связи с этим одним из основных направлений деятельности Уполномоченного и его аппарата, наряду с другими, была и является защита и восстановление прав и законных интересов граждан, пострадавших от действий сотрудников милиции.

В 2003-м и текущем годах от общего количества жалоб, поступивших в аппарат Уполномоченного, около 30% составляют жалобы на нарушения прав задержанных, подозреваемых, обвиняемых и потерпевших в ходе производства дознания, предварительного следствия и при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Большинство таких жалоб поступило из Тверской, Московской, Ленинградской, Владимирской, Иркутской областей, Краснодарского и Ставропольского краев. Из Нижегородской области поступило 26 жалоб.

В 2003 году по обращениям Уполномоченного в связи с жалобами осужденных, потерпевших и их родственников возбуждены уголовные дела в отношении 6 сотрудников органов внутренних дел, 17 сотрудников привлечены к дисциплинарной ответственности. В текущем году таких уголовных дел возбуждено 5 в отношении 6 сотрудников милиции, 11 привлечены к дисциплинарной ответственности.

По большинству из указанных уголовных дел сотрудниками органов внутренних дел были допущены грубейшие нарушения требований уголовно-процессуального закона при проведении оперативно-розыскных мероприятий, когда ими незаконно производились обыски, за-

держивались невинные лица и помещались в комнаты для временно задержанных или изоляторы для временного содержания, где, с целью добиться признательных показаний, задержанных подвергали избиениям и даже пыткам, в результате чего многие из них вынуждены были оговорить себя в совершении преступлений, которых они не совершали.

Так, гражданин Зюскин Н.М. после задержания по подозрению в совершении преступления и доставки в камеру для задержанных был жестоко избит и подвергнут пыткам с применением противогаса и перекрытием кислорода оперативными работниками Гатчинского ГОВД Ленинградской области, после чего с многочисленными телесными повреждениями помещен в изолятор временного содержания. В ходе расследования уголовного дела установлено, что Зюскин к совершению преступления не причастен. По ходатайству Уполномоченного в связи с жалобой Зюскина в отношении работников милиции возбуждено уголовное дело, следствие по которому ведется.

В текущем году в адрес Уполномоченного обратился Михайлов А.С. с жалобой на действия сотрудников ОВД г. Хотьково Сергиево-Посадского района Московской области. В заявлении заявитель указал, что сотрудники указанного подразделения внутренних дел применяли к нему пытки током с целью получения признательных показаний в совершении преступления, которого он не совершал. В результате этих неправомерных действий он вынужден был себя оговорить.

Проверкой, проведенной по обращению Уполномоченного, указанные факты подтвердились, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела отменено; в отношении сотрудников милиции, допустивших нарушение закона, возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 286 УК РФ, следствие по которому до сих пор не закончено.

В адрес Уполномоченного поступают многочисленные жалобы, и не без основания, на фальсификацию доказательств при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следствия, когда задержанным подбрасывали наркотики, патроны, после чего в отношении их незаконно возбуждались уголовные дела и применялась мера пресечения в виде заключения под стражу.

Подобные и другие нарушения прав граждан нередко допускались и при проведении оперативно-розыскных мероприятий в камерах (комнатах) для временно задержанных, в том числе и в административном порядке, а также в служебных кабинетах, где задержанные подвергались также недопустимым методам воздействия, пыткам, незаконно ограничивались свободы.

При этом следует отметить, что не может не вызывать озабоченности наметившаяся негативная тенденция на ужесточение при раскрытии преступлений противоправных мер со стороны некоторых сотрудников органов внутренних дел по отношению к задержанным.

По существу, эти действия, которые в ряде случаев можно отнести к пыткам, становятся все более изощренными и жестокими. Практически в каждой второй жалобе на действия сотрудников внутренних дел говорится о том, что после задержания и помещения в камеру для временно задержанных, а иногда и в кабинетах с целью добиться признательных показаний на задержанных и арестованных работниками внутренних дел насильно надевались противогазы, после чего в них перекрывались клапаны, регулирующие подачу воздуха. Иногда это приводило к потере сознания и оговору себя или же других лиц в совершении преступлений.

Значительное распространение с целью получения после задержания признательных показаний получило среди работников внутренних дел приковывание наручниками задержанных к отопительным батареям и скамейкам в сочетании с их избиением.

После задержания в административном порядке Попов Д.Н. был доставлен оперативными работниками в камеру (комнату) для задержанных ОВД Юрьев-Подольского района Владимирской области, где его «приковали» наручниками к скамейке оперативные сотрудники отдела и подвергли жестокому избиению, в результате чего из ушей последнего пошла кровь.

Редко пытки, применяемые в камерах (комнатах) для задержанных или же в кабинетах оперативными работниками в отношении задержанных лиц, носили не только жестокий характер, но и отличались по своему характеру особым цинизмом, когда задержанных раздевали, наносили удары по половым органам и т.д.

Не единичны жалобы на действия сотрудников милиции, когда задержанных с целью добиться признательных показаний лишали пищи и питьевой воды, что является не чем иным, как применением пыток.

Так, к Уполномоченному с жалобой на неправомерные действия сотрудников ОВД «Даниловский» ЮАО г. Москвы обратилась Кулагина О.Ю., которая указала, что была задержана сотрудниками ОВД «Даниловский» и помещена в изолятор временного содержания. В течение всего времени нахождения в ИВС, с 25.10 по 27.10.03 г., она была лишена пищи и питьевой воды. После обращения Уполномоченного Симоновским межрайонным прокурором возбуждено уголовное дело в отношении сотрудников ОВД, допустивших нарушение закона. Уголовное дело расследуется. <...>

Наталья Малыгина

Искалеченные души

У Замятина главный герой антиутопии «Мы» совершенно спокойно смотрит, как пытаются удушением, а затем казнят еще совсем недавно любимую им женщину. Его любовь и способность мучиться страданием другого исчезли после маленькой операции по «удалению фантазии». У нас всех тоже что-то произошло с фантазией, с воображением, умением чувствовать боль другого. И не только. Недоступными нашему разуму оказались и простейшие логические операции: если соседа пытали в нашем отделении милиции, то это может случиться и со мной.

Казалось бы, само слово «пытки» должно вызывать ужас, отвращение и как следствие – немедленную реакцию всех и каждого. Но, видимо, еще больший ужас вызывает вся система власти в стране, которая подписала Конвенцию ООН против пыток и не делает никаких реальных шагов для их искоренения. А между тем в международном праве оговорено, что два запрета не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах – «запрет рабства» и «запрет пыток и других видов унижающего и жестокого обращения и наказания». Говоря проще, мы оказались в привычной ситуации: между декларациями и реальностью нет никакой связи. Опыт тут богатый: от потемкинских деревень до сталинской, брежневской и ельцинской конституции. Тотальное вранье оказалось единственно приемлемым вариантом сосуществования власти и ей подвластных на одной территории.

Такое положение, по сути, возможно только при оккупационном или тоталитарном режиме, когда все – под каким бы словесным соусом это ни происходило – прекрасно понимают, что население (так предпочитают именовать нас чиновники) и власть не связаны между собой общими целями, задачами и взаимной ответственностью. Все прекрасно понимают, что только страх, причем обеих сторон, удерживает status quo. И избыточность насилия со стороны власти свидетельствует о том, что власть не

чувствует себя ни легитимной, ни прочной и потому превышает всего ставит круговую поруку. Население терпит избыточность насилия потому, что от страха утратило чувствительность к насилию, осуществляемому над другим, утратило способность возмущаться бесчеловечностью. Лишь эмоциональной тупостью (это термин, а не ругательство) можно объяснить, что истязания абсолютно беспомощного, лишенного возможности защищаться человека не вызывают бурного, спонтанного протеста. А эмоциональная тупость происходит, наверное, не только из страха каждого конкретного человека, но и из многовекового опыта насилия. У нас не было времени для того, чтобы критически существенная часть населения прониклась ощущением того, что «все люди рождаются свободными и равными в своих правах и достоинстве».

До XIX века пытки были узаконенной частью судебного дознания, они регламентировались правилами, но главное – их исполнял палач, фигура в обществе отверженная, окруженная и страхом, и презрением одновременно. Теперь власть передает господство над телом человека самому низшему своему звену – оперативным работникам. Но это – многие тысячи палачей, которые не только ходят по улицам рядом с нами, но и по совместительству призваны охранять нас от насилия. И для них самих это шизофреногенная ситуация, и для нас – тоже. И потому мы, разумеется, стараемся максимально ограничить свои контакты с правоохранительными органами.

И не надо демагогии насчет того, что мы якобы нанимаем их. Нет, нанимают их начальники, начальников нанимают начальники рангом выше и так далее. И делают оперативные работники то, что требует наниматель. Нанимателю ниже нужна раскрываемость, премии и награды, а главным нанимателям – атмосфера страха перед ними. И при чем здесь истина, которую вроде бы должно выяснить следствие и суд, при чем здесь справедливость... Ведь известно же, что пытаются и тех, кто признался в совершенном им преступлении, с тем чтобы заставить его взять на себя нераскрытые преступления. И раскрываемость у нас очень высока – 70% по сравнению с 45–50% в странах Западной Европы. Вряд ли они там сильно глупее наших милиционеров, но с законом им все-таки приходится считаться. И никто, наверное, не возьмется сказать, какой у нас процент осужденных сидит «за дело» и по справедливости, а кто осужден потому, что так надо было власти, и даже не потому, что он просто лично ей не угоден, а потому, что постоянно воспроизводимая атмосфера страха воспроизводит и власть, которая держится страхом.

Говорят, что ситуация может улучшиться, если отнять у прокуратуры надзорные функции и создать специальный орган, у которого не будет

причин покрывать преступления, совершаемые в отделениях милиции, СИЗО, колониях. Увы, не верю. Не верю, ведь и это учреждение будет принадлежать к властным структурам и наверняка органично в них впишется, как вписываются в них суды. Гражданский контроль? При нашей-то слабости всего гражданского... При такой укрепленной «вертикали»...

Кстати, я написала «преступления», но даже Уполномоченный по правам человека называет это «нарушением законности»... Опять словесно-дымовая завеса, к которой прибегают все: по свидетельствам жертв пыток, начальники оперативников, заглядывая к ним в кабинет в то время, когда там пытаются, интересуются успехами и предлагают подчиненным продолжать «работать» или «беседовать». Очень удобный способ – не называть вещи своими именами. Этот сорт вранья отнимает у означаемого означаемое, выводит из оборота смысл происходящего, предоставляет возможность всем, кому это выгодно, необходимо и просто комфортно, не признаваться самому себе в том, что происходит на самом деле.

То есть не чувствовать себя преступником или свидетелем преступления, обходиться без чувства вины, без током бьющего ощущения чужой боли и страдания, а значит, и без естественного желания положить конец этому страданию.

И самое печальное, что это варварство, которое официально было запрещено в России в 1801 году, видоизменяясь, переходя из одного ведомства в другое, незаметно разъедает «культурный слой» тех, кто вроде бы ни сном, ни духом к нему не причастен. Человек не может не адаптироваться к той атмосфере, которой дышит. Мы даже представить себе не можем, какими мы были бы – и внутренне, и даже внешне, – если бы в милиции не пытали, суды судили только по закону и людей не убивали на бесконечной войне.

На уровне обычной морали, спокойно смотреть, как бьют ногами беспомощного человека, считается абсолютно недопустимым. А мы – допускали, допускаем и будем допускать еще невесть как долго. И причина этому одна – искалеченные бесконечным терпением, страхом и покорностью души. И нашим властям не надо тратить силы и время на «маленькие операции» на мозге, чтобы мы перестали чувствовать, нам это передается с генами обоих родителей. Но ведь не может же быть, чтобы в нас не осталось хоть немного когда-то заложенного природой здоровья, чтобы испытать ужас не перед обезумевшей властью, а перед самим собой, и – измениться, а значит, изменить это подобие жизни так, чтобы оно стало жизнью настоящей, с истинным чувством человеческого достоинства, в которой несчастье и смерть неизбежны, но подлость будет уделом подлецов, а не системой управления общества.

Алексей Рафиев

Виновен каждый. Виноватых нет

Помню, в детстве еще был у нас во дворе ребенок по прозвищу Крез. Толстый такой парень, над которым за глаза шутили даже наши родители, а мы – так прямо в лицо. Крез не любил играть с нами. Ему все эти игры давались нешуточными нервами, как я теперь понимаю. Любой из нас мог запороть косяка, глупо улыбнуться и расслабиться. С кем не бывает? Но если оплошность совершал Крез – все было по-другому. На него тут же обрушивался поток свирепых детских шуточек. Крез был другим – толстым, – и это само по себе делало его ходячей мишенью. В первых классах школы мы научились замечать недостатки окружающих, но требовали от них прощения только для себя, забывая прощать их. Жестокий возраст. И все бы ничего, если бы некоторые из нас не залипли в кошмаре антагонизма на десятилетия. Не избежал этой участи и Крез.

Из армии он вернулся худым и злопамятным. Уходил Крез туда толстым, и никто, кроме него и тех, кто над ним там издевался, никогда не узнает, через что пришлось пройти этому пузану, как мы его иногда дразнили, прежде чем он сбросил жир и стал таким, как все. К моменту его возвращения, многие из нас уже успели определиться. Время было болезненное – постперестроечное, постсоветское. Страной правили наркотики и бандиты. Многие из нашей дворовой команды с головой окунулись в преступность. Именно там искали мы романтику, напрочь улетучившуюся из повседневности. Худой и озленный Крез по возвращении столкнулся с тем, что он по-прежнему остался для нас толстым увальнем. И плевать нам было на его перемены. Мы, как и прежде, подтрунивали над ним и не принимали его всерьез. Детская жестокость стала более осмысленной. Мы брали с собой Креза на разборки и прочие наши дела тех лет с одной-единственной целью – в случае чего нам нужен был крайний, тот, на ком можно сорвать зло за провал, тот, на кого можно спустить собак.

Однажды Крез исчез. Пару лет о нем не было ни слуха ни духа. Постепенно мы совсем забыли про него. Время шло своим чередом. Как-то младший брат одного из моих друзей детства попал в отделение милиции на другом конце Москвы. Его выпустили сильно избитым – с бурыми полосками от дубинок по всему телу, и он утверждал, что его отделал Крез. Избитый рассказал, что его лупили с тройным остервенением – после того, как Крез узнал, что попавший в его руки пацан, пытавшийся спереть дворники с иномарки, состоит в родстве с тем, кто над ним глумился в детстве.

Еще одно пересечение с этим человеком состоялось не так давно. Шумной околобогемной компанией новых моих попутчиков по жизни мы завалились уже за полночь в один из столичных клубов. В дверях нас встретил тот самый Крез, на лацкане дорогого, но казенного пиджака которого красовалась карточка «ОХРАНА». Сложно сказать, кто остолбенел сильнее – я или он. Мы не встречались лет десять, если не больше. Оба сильно изменились – так сильно, что скорее всего в толпе не узнали бы друг друга. После короткого разговора и мне, и ему стало понятно, что говорить нам особенно не о чем. Мы теперь жили в совершенно разных мирах: я занимался писаниной, дружил с художниками и веселыми девчонками, а он – сутки через трое выкидывал из кабака перепившихся постояльцев. Мы с друзьями оккупировали пару столиков и долго бездумно угорали, обмывая чей-то бешеный гонорар или что-то типа того. Вдруг из соседнего, совсем опустевшего под утро зала донеслись истошные вопли. Те, кто еще мог стоять на ногах, кинулись туда. А там – Крез лупил ногами валяющегося на полу нашего товарища. Увидев нас, он отошел в сторону от лежащего тела, посмотрел с ненавистью мне в глаза и произнес: «Теперь я устанавливаю правила».

После случившегося и жалоб со стороны некоторых из нас Крез уволился по собственному желанию. Скорее всего, он теперь работает в другом кабаке или даже восстановился в МВД. Запросто. До встречи с ним и последовавшего после нее происшествия мне как-то и в голову не могло прийти, что наш пухлый и расхлябанный Крез способен на такую ненависть. История с избитым братом моего друга детства подзабылась, как и сам Крез. Но вдруг все выстроилось в жесткую систему. Ведь если бы меня не было среди гостей заведения, Крез, возможно, сегодня никого не избил бы. По сути, он мстил мне за детские обидки. Понимал он это или нет – не важно. Важно другое: именно я породил на свет этого монстра. И не имеет никакого значения, лично я обзывал его когда-то или кто-то другой, а я – всего лишь присутствовал. Более того, те наши родители, которые подшучивали над пухлым сотоварищем своих чад, тоже причастны. По сути – причастны все.

Сложно сказать точно, почему один человек издевается над другим. Ответов на этот вопрос масса, но ничего объективного они не несут – никакой информации, способствующей обобщению и последующему решению проблемы. Причины, побудившие ИМЕННО ЭТОГО человека издеваться над себе подобным, индивидуальны, скажет практически любой психолог о практически любом садисте. Надо, дескать, изучить подробно историю изверга, чтоб понять, почему он сделал то, что сделал. Но тем не менее современная наука вполне здраво обозначает некоторые векторы, учитывая которые, можно было бы чрезмерного насилия если не избежать, то уж по меньшей мере хоть немного, хоть как-то застраховаться от него.

– Часто издеваются те, у кого были слишком властные родители, – комментирует практикующий психолог Калерия Лаврова. – Многие из маньяков видят в своих жертвах авторитарного родителя и мстят ему за отобранную свободу. Также истязают те, кто сам оказывался в роли жертвы уже не в детстве. Отдельная песня – люди, побывавшие на войне или где-то еще, где убийство и пытки являются чем-то вроде нормы жизни, а также средством достижения цели. У них происходит смещение ценностных ориентаций. Грубо говоря, появляется «иная» мораль. Немаловажный фактор – вторжение СМИ. Происходит одновременно навязываемое и мягкое, постепенное формирование «иной» системы ценностей, в которой кровь становится клюквенным соком, а стоны отчаянья – чем-то обыденным и привычным. Будто это все не взаправду. При помощи насилия некоторые люди привлекают к себе внимание. Человек самоутверждается: посмотрите, какой я, посмотрите – это я, я могу все – даже это.

А дальше начинаются – фрейдизм, экзистенциализм, бихевиоризм, когнитивная психология, психиатрия и многое другое. Это я уже от себя понес. Психологи, конечно, молодцы – многое могут пояснить. Но вот что сделать, чтоб вполне вменяемые люди не превращались вдруг в кровожадных ублюдков, непонятно. Видимо, следует как-то оберегать этих людей от самих себя. Побывал на войне – отдохни сперва, потом пройди специальное обследование, а после уже компетентная комиссия из тех же психологов пусть решит – можно тебе опять давать оружие или нет. Половина оперов наших отделений милиции, по-хорошему, должны были бы находиться на длительном излечении с последующей чуть ли не пожизненной реабилитацией. Вместо этого им торжественно вручают револьверы – и – только дай дорогу – мародерствуй в свое удовольствие на проспектах родного города. Чем больше город, тем проще в нем раствориться. Больные на голову люди бегают ночами по улицам с заряженными стволами. При этом все они убеждены в своей непогрешимости. Ведь они – это власть. Ловко придумано.

– Удивить адвоката историей про пытки в милиции сложно, – комментирует на сей раз уже адвокат Борис Севастьянов. – Основываясь на собственном опыте, могу сказать, что примерно в половине случаев к моим подзащитным применялись так называемые «непроцессуальные методы воздействия». Сама система рождает монстров. Управление собственной безопасности и тому подобные структуры никогда не справятся с зашкаливающим насилием среди сотрудников МВД, пока не будет порван порочный круг. Следовательно, призванный искать правду, и опер, которому надлежит задерживать подозреваемых, повязаны одной пуповиной. Несмотря на то, что первый относится к органам юстиции, а второй – милиционер, кормушка у них одна – МВД. Пока зарплата опера будет зависеть от количества раскрытых дел, пытки не прекратятся.

Вот это уже слова не мальчика, а мужа. Как все, оказывается, просто. Если вспомнить, что многие закоренелые преступники пишут «чистуху», а многие ни в чем не повинные граждане попросту себя оговаривают, то становится понятно, почему это происходит.

Анекдот есть неплохой на эту тему. Приходит устраиваться на работу в милицию мужичок. Ему выдают форму, удостоверение и пистолет.

– А зарплата? – спрашивает новоиспеченный трудоголик.

– У тебя ведь все необходимое есть, – отвечает работодатель. – Иди и зарабатывай...

Свежо предание о нижегородском случае, когда парень после истязаний выкинулся из окна. Оказывается, он ни в чем не был виноват, как выяснилось впоследствии. Просто показалось, что насиловал именно он. Этой догадки вполне хватило для выколачивания признания. Результат – инвалидность ни в чем не виновного человека и полная, тотальная безнаказанность изуверов. Ничего нового. Сплошь и рядом такое.

– Нередко садизм в рядах сотрудников милиции носит ярко выраженный гомосексуальный характер, – резонно добавляет сексопатолог Виктор Плечнев. – Сами изуверы, разумеется, не признают своей гомосексуальности. Более того, они относятся к ней как к патологии, искренне ненавидя любые ее проявления в других людях. Фактически такие садисты ненавидят себя самих, отраженных в окружающий мир. В психологии есть понятие «перенос». Когда один мужчина унижает другого и получает от этого удовольствие, мы имеем классический пример того, что бывает, если подавляемая с младенчества сексуальность умножается на необразованность и осознание собственного превосходства над потенциальной жертвой. В таких историях многое определяет иллюзия безнаказанности. Уверенность в том, что никто никогда ничего не узнает, развязывает садисту руки, и он становится самим собой. Дома боль-

ной остается порядочным мужем и заботливым отцом. Достаточно вспомнить Чекатило. Его близкие были шокированы не менее родственников жертв, когда узнали, чем занимался на досуге глава их семейства.

А теперь представим себе на мгновение, что Чекатило взяли на работу в оперчасть любого отделения милиции. Это я уже опять от себя тину погнал. Выходит он такой весь из себя порядочный семьянин на работу, берет пистолет и начинает ловить преступников. Нужно описывать, что произойдет дальше? Надеюсь, и так понятно. Тот, кто посчитает такое развитие сюжета немислимым, попросту не способен принять реальность. В каком-то смысле этим людям повезло – они думают о мире лучше, чем тот заслуживает. Возможно, им не довелось сталкиваться с подобными садистами. Но что делать тем, кому пришлось побывать под молотками неконтролируемой и беспричинной агрессии людей в милицейской форме? Достаточно вспомнить бедолагу, которого расстреляли вместо пресловутого Чекатило, быстро повесив на него несколько убийств, которые он не совершал.

Здесь можно было бы привести еще с десяток рекомендаций от самых разных специалистов. Но вместо этого я расскажу историю, которая приключилась со мной совсем недавно. Она мне объяснила куда больше, чем мог бы это сделать целый консилиум лобастых мужей.

В ночь с 7 на 8 мая сего года я загулял. Преждевременное празднование Дня Победы не предвещало поначалу ничего криминального. Некогда всенародный праздник в совокупности с гроздьями свисающей повсюду рекламы алкоголя не оставил выбора. Пью редко, а тут – такой повод. Теплая майская ночь, отменная компания, сделанные дела, хорошая живая музыка сначала в одном клубе, потом в другом... К двум часам ночи в обществе двух товарищей, один из которых был совершенно трезв, поскольку вообще не пьет, я оказался недалеко от запертых уже дверей станции метро «Сокол». Что мы там делали? Да ничего – просто гуляли в устраивавшем всех нас месте, ни на кого не нападая и никому не причиняя вреда. Дальше – как в страшной сказке.

Подходят двое в штатском, один из которых машет перед нашими лицами какой-то «ксивой» и требует предъявить ему документы. Резонно решив, что перед нами мошенники, надумавшие темной ночью завладеть нашими паспортами и скрыться, я потребовал более детального ознакомления с промелькнувшей в полумраке «коркой». Последовал отказ, лишь укрепивший и меня, и моих товарищей в уверенности в том, что перед нами скользкие типы, а не сотрудники каких-то там органов. Далее случилась перепалка, в ходе которой подозрительные персонажи, приставшие к нам, все-таки включили заднюю пере-

дачу и благоволили еще раз ознакомить нас с удостоверением – более детально, как положено. После этого мы отдали на проверку паспорта. Разумеется, все было с ними в порядке, и через минуту нам их вернули. Вот, кажется, и все.

Расценив случившееся как звоночек об опасности, мы прошлись немного и собрались по домам. Первым решили поймать машину мне. И вот, договорившись уже с водителем о цене, я собирался впрыгнуть в автомобиль, как вдруг со всех сторон раздалось: «СТОЯТЬ!» Дальше события разворачивались со сверхзвуковой скоростью. Последнее, что я увидел, прежде чем оказался брошенным на асфальт, – моего товарища пару раз ударили головой о столб, у которого тот стоял. Потом мне в запястья были буквально вдавлены браслеты наручников, а на цепочку между ними подвешен пятикилограммовый мой же рюкзак.

Подробно пересказывать произошедшее бессмысленно. Подобных историй тысячи. Скажу лишь, что операми ОВД «Сокол» были нарушены все правила и законы, которые для них писались и принимались. Но настоящее шоу началось уже в кабинете 48-го отделения милиции – после пары беспричинных избиений, выпотрошенного без понятых рюкзака и многого другого, о чем лишний раз и вспоминать-то не хочется.

Начальник криминальной милиции вышеупомянутого отделения Цуканов, поняв, наконец, что перед ним находится совершенно безобидный человек, конституционные права которого были им и его подельниками многократно растоптаны, вместо извинений вдруг перешел к угрозам. Вначале он сидел за столом и наслаждался тем, что скованного наручниками человека беспричинно избивали. Что из меня выколачивали – я не знаю до сих пор. Видимо, били для души, для удовольствия. Но вот избиения остались позади. Подручные покинули кабинет. Остались только мы – я и Цуканов. С этого начинается самое интересное.

Цуканов пытался мне аргументированно доказывать бессмысленность любых моих попыток сопротивляться. Самый веский, по его мнению, довод был таким: «Ты никогда не сможешь меня привлечь, чтобы я с тобой ни делал тут, потому что я – власть, а ты – дерьмо». Со слов Цуканова получалось, что он воевал в Чечне и таких, как я, чует за версту. Повторю для невнимательных. Он воевал в Чечне и таких, как я, чует за версту! Логично? А Цуканову логика и не нужна. Ему хватает того, что он – власть, а я – дерьмо. Не хочу даже представлять себе, что могло сделать со мной это убожество и его подельники, если бы я попал к ним один. Не знаю, родился ли Цуканов мародером или обучился этому ремеслу во время кавказской кампании. И знать не хочу.

После майских праздников я подал заявление о преступлении в межрайонную Головинскую прокуратуру. К моменту написания того текста, который я сейчас пишу, прошло уже около трех месяцев со дня моего посещения прокурора. Единственное, что сделал следователь, которому предписывается разобраться с вышеописанным случаем, – попытался прекратить дело за отсутствием состава преступления. Снятые в травмопункте сразу же по выходе из ОВД «Сокол» побои, два свидетеля с моей стороны и множество других более мелких нюансов, оказывается, говорят об отсутствии состава преступления. Свидетелей, к слову будет сказано, даже ни разу не позвали для дачи показаний. Даже с Цукановым следователь не встретился до сих пор, потому что тот пребывает на длительном больничном, который взял сразу же после подачи моего заявления.

Но за меня вовремя вступился депутат Госдумы, и затея замять неудобное дело провалилась. А если бы не нашлось депутата? Вот и выходит, что Цуканов чуть было не втоптал меня в дерьмо только потому, что он – власть. Впрочем, еще не вечер. В ОВД мне грозили в случае, если я пойду до конца, не только подбросом наркотиков, но и физической расправой над женой и нашим младенцем. Цуканов лично гарантировал мне все эти прелести – уверенный в себе, непогрешимый борец с преступностью, начальник криминальной милиции столичного отдела, ветеран чеченской войны, больной маньяк, облеченный по недосмотру властными полномочиями, позор офицерского мундира. Тьфу...

Стоя в наручниках и в синяках и глядя на Цуканова, я не мог отделаться от мысли, что передо мной за столом сидит Крез – тот самый похудевший Крез, над которым в детстве мы все так любили подшучивать. Слишком много общего считывалось с их внешности. Затравленный, волчий, полный ненависти ко мне и ко всему чуждому с ранних лет миру взгляд, проедающий буквально насквозь жаждой отомстить за беспомощность и беспощадность прошлого. Острота черт, снимающая маску добропорядочности и делающая уверенного в себе человека зашуганной собачонкой, загнанной в угол и оттуда – из дальнего уголка собственной памяти – скалящейся в сторону неприступного, непобедимого, вечного агрессора. В словах милиционера, в его угрозах, в его попытках даже не возвыситься, а всего-навсего встать рядом, сквозило отчаянье пожизненного неудачника, боящегося меня и теперь – когда мои руки скованы за спиной. Глядя на меня, Цуканов отчетливо понимал, что никогда не сможет сломать меня, заставить действовать по его отсутствующей логике плебейской, украденной власти. Он был уже не рад тому, что вообще ввязался в эту историю,

грозящую обернуться для него потерей места под солнцем, крахом карьеры, окончательным, публичным падением туда, где он и так жил столько лет, тщательно скрывая от окружающих и пытаясь всячески забыть свое собственное убожество.

Если бы я попал к нему один – он бы меня уничтожил. Он так и говорил мне, когда на очередные нелепые угрозы подбросить героин, получал в ответ презрительное, брезгливое безразличие, приправленное хорошо организованной и аргументированной речью человека, знающего не только законы, но и собственную цену. Мы очень странно поменялись местами. Ситуация ушла из-под его контроля. Он смотрел на меня и понимал, что кошмара не избежать, что, даже уничтожив меня физически, он уже не остановит запущенную его же глупостью машину цепной реакции. Но вот его ли глупость запустила эту машину?..

Не знаю... Возможно, я все это придумал, и на самом деле Цуканов – обыкновенное двуногое животное. Но ведь почему-то он сделал то, что сделал. Неужели только потому, что захотел самоутвердиться? Или из-за бросившего его отца-алкоголика, который все детство издевался над его матерью и не замечал сына? Или виной тому скрытая, латентная гомосексуальность? Или, вернувшись с войны, он так и не привык к миру? Слишком уж просто тогда все получается. Слишком.

Увидев в Цуканове Креза, мне стало даже легко – необыкновенно легко и просто. К побоям и попыткам унижения я теперь отнесся как к заслуженному возмездию за ошибки далекого детства. Фактически, начальник криминальной милиции ОВД «Сокол» восстанавливал баланс справедливости. Он-то как раз и не думал наверняка про это, одержимый тупой, звериной ненавистью к не желающему подчиниться потенциальному правонарушителю, вдруг отказавшемуся среди ночи предъявить документы первому встречному. Я бы, может, и подчинился, устав от всего этого бреда, если бы знал, чего от меня хотят. Но сформулировать за всю ночь претензии или хотя бы недовольства никто из глумившихся надо мной инвалидов детства так и не смог. Страшное, обиженное царство букашек открылось передо мной, и мне стало вдруг искренне жаль всех этих людей – до такой степени, что, придя неделю спустя в прокуратуру, я попросил назначенного на мое дело следователя не сажать Цуканова и его подельников, а всего лишь освидетельствовать их и подлечить.

За что их сажать? За то, что им дали оружие, кабинеты и полномочия, не удосужившись составить психологических профилей? Да и Крез из головы не выходил. Толстый увалень Крез. Маленький, коренастый Цуканов и тот – еще более маленький, совсем щуплый и невзрачный шкет, который отказался показать нам свое удостоверение, наверняка

в детстве подвергались такому же беспричинному, как минимум эмоциональному насилию со стороны сверстников в школе и во дворе. Получается, что цепочку насилия начали не они, а я – тот, кому они теперь пытались отомстить.

Странно и несправедливо иногда выходит. Привлечь меня за то, что двадцать лет назад я обзывал товарища жирдяем и толстопузом, нельзя, потому что дети безгрешны. Если уж кто виноват в их провинностях, то скорее родители и учителя, чем они сами. Признать Цуканова виновным в издевательствах нежелательно, потому что он олицетворяет власть и следом за ним могут полететь с погон еще многие другие звезды. Но даже в том случае, если факт пыток будет расследован и доказан (что в моем случае труда никакого не составит), Цуканова и его команду будут судить, а не освидетельствовать на невменяемость, поскольку общество не захочет признать свою вину за их садистские поступки и нечеловеческие помыслы.

Остается надеяться, что когда-нибудь в массе своей мы наконец-то дорастем до понимания того, что виноватых нет, потому что виновны все без исключения. После истории в 48-м столичном отделении милиции я пытался найти Креза, чтоб как-то смягчить его и застраховать ни в чем не повинных людей от безнаказанности еще одного изувера. Но он как сквозь землю провалился – растворился в огромном городе, сменил фамилию или, возможно, вовсе переехал подальше. И все бы ничего, если б все эти Крезы просто жили на свете, а не шли в милицию, чтоб, застраховавшись от возмездия, мстить за свою боль тем, кто будет напоминать им алкаша-папашу или одноклассника, унизившего когда-то на глазах у другого одноклассника, который так и не вступился и, следовательно, тоже заслуживает наказания.

Я поделился своими соображениями о Крезе и Цуканове с несколькими друзьями детства. Вначале они довольно долго вспоминали Креза, а потом еще дольше крутили пальцами у висков, давая тем самым мне понять, что я идиот, забивающий себе голову черт знает чем. Мало того, что с мусорами судиться надумал, так еще и себя же самого винит в том, что над ним глумились в отделе. И действительно – не дурак ли? Горе от ума – беда немалая.

PS:

Прозвище «Крез» изменено в одной букве, дабы нечаянно не причинить дополнительных неудобств человеку, который и без того натерпелся в свое время лишнего.

Анатолий Волобуев

Что сделать, чтобы прекратить милицейский произвол?

Представьте ситуацию. В кабачке сидят завсегдатаи и пьют замечательное пиво. Вдруг один из них кричит, что у него украли кошелек и указывает на убегающего парня. Вся компания срывается и бежит за вором. На мосту мужчины догоняют убежавшего, но здесь потерпевший заявляет, что это не тот.

– Ах, не тот! – кричат преследователи и начинают избивать пойманного за то, что он «не тот».

Смешно? По-моему, грустно. Хорошо, хоть не линчевали бедолагу. Но это сцена из «Похождений бравого солдата Швейка» замечательного Ярослава Гашека. А у Гашека в контексте книги, как вы понимаете, все смешно, в том числе и описанное недоразумение.

А теперь представьте себе, что милиция задерживает по подозрению в серьезном преступлении ни в чем не повинного вашего близкого родственника – отца, сына, брата, мужа. Причем при сопротивлении (а почему бы, собственно, ему и не сопротивляться?) его ранят. А когда выясняется, что задержали не того («ах, не тот!»), его попросту убивают и вывозят куда-то, чтобы скрыть уже свое преступление. В ваш дом пришла трагедия, и не думаю, чтобы вы простили «стражей порядка». Потому что эта драма, этот произвол коснулись лично вашей семьи.

Почему же в подобной ситуации значительная часть общества становится на защиту виновного?

Офицер-спецназовец Ульман вместо бандитов обстреливает машину с ни в чем не повинными людьми. А когда понимает свою ошибку звонит начальству и спрашивает, что ему делать с оставшимися в живых. По приказу он подло добивает и остальных («ах, не те!»), чтобы скрыть содеянное. Понятно, что отдавшего приказ у нас днем с огнем не сы-

щешь. Но, собственно, зачем ему нужно было звонить куда-то и спрашивать, что делать? Видимо, чтобы оправдать все тот же произвол.

Как с позиции разума объяснить решение суда присяжных, оправдавших преступника? Означает ли такое решение, что с благословения начальства теперь безнаказанно можно расстреливать невиновных?

Почему люди оправдывают произвол армейского полковника Буданова, убившего молодую чеченскую девушку Эльзу Кунгаеву? Этого подлеца, расстреливавшего в новогодние праздники из пушек чеченцев с циничным напутствием снарядам «С Рождеством!»...

Невменяемость (власти).

Почему в нашем весьма многонациональном обществе так распространены расистские настроения, оправдывающие произвол?

Почему страна, гордящаяся победой над фашизмом, так быстро была беспримерный в истории антисемитизм гитлеризма, целенаправленно погубивший десятки миллионов евреев?

И если сегодня настала очередь чеченцев, то кто будет завтра?

Милиционеры крышуют проституток и насилюют их же, избивают задержанных, занимаются поборами с иногородних, торговцев (в том числе со старушек-огородниц), сотрудничают с преступными группировками, потворствуют нацистам и расистам, откровенно воруют. Постоянно жалуясь на мизерную зарплату, руководители УВД приобретают дорогие иномарки и строят загородные, не по средствам, виллы... Не все, слава Богу, не все.

И все же деятельность милиции не вызывает доверия у людей.

Почему мы продолжаем надеяться не на силу закона, а на хорошего чиновника, хорошего президента, хорошую комиссию?

А ведь о пользе комиссий прекрасно поведал все тот же Ярослав Гашек.

Помните, как солдаты пожаловались на командира-самодура? Приехала высокая комиссия, поела, попила и убыла восвояси. После этого командир велел пройти солдатам по плацу мимо него и орать: «Мы-то дураки думали, что комиссия нам поможет. Ни хрена она нам не помогла».

Но польза от комиссии все-таки была. Поскольку командир так хохотал над солдатами, что упал с лошади и разбил себе голову, после чего отправился в госпиталь и в часть уже не вернулся.

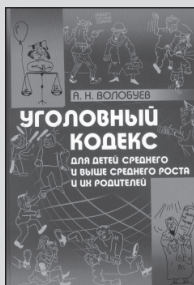
Вот и мы радуемся, когда вместо одного казнокрада-самодура получаем другого.

Только радуемся мы не только рано, но и зря. Потому что на смену выбывшего командира приходит точно такой же. (Потому что в системе других нет.)

Так можно сделать что-то, чтобы преодолеть произвол государственной репрессивной машины?

К сожалению, в этой стране нет. Печально, но нельзя. Для этого нужна другая страна. Страна, живущая по закону. Страна, в которой защищались бы права и свободы не непонятного аморфного определения «народ», а каждой отдельной Личности (кстати, в Конституции России об этом и говорится). Собственно, в этом и состоит задача любой цивилизованной страны и ее бюрократической надстройки, называемой в целом государством.

Однако Россия никогда не жила и не умеет жить по закону. Наши люди просто не верят в силу закона. И на это у них, к великому сожалению, есть все основания. О российском законе-то давным-давно блистательный Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в «Помпадурах и помпадуршах» сказал: «...закон есть не что иное, как дифирамб, сочиненный на пользу и в поощрение помпадурам». Ничего не изменилось.

А.Н. Волобуев
**Уголовный кодекс для детей
среднего и выше среднего роста
и их родителей.**

М.: ЛексЭст, 2004. 144 с., илл.

<...> Каждый распоряжается своей судьбой сам и расплачивается за неверные шаги. Но нельзя или очень трудно исправить сломанную жизнь, восстановить доверие и доброе отношение людей. Хотя бы потому полезно прочитать и понять Уголовный кодекс – лучше до, чем после... В этом юным читателям и их родителям поможет данная книга. Ее автор и издатели сделали все, чтобы не очень легкое занятие – приобретение юридических знаний – было действительно возможным даже для школьников, чтобы чтение стало не только полезным, но и интересным.

Из обращения «К читателям» Т.Г. Морщаковой,
советника Конституционного Суда Российской Федерации

Сергей Хвоц

Посеешь беспредел в милиции – пожнешь отморозков на улицах

Утреннее многолюдье тянет пассажиров по переходу метро в своем общем медленном теле – не обогнать. Ровно посередине еле движущихся встречных потоков дополнительной помехой движению торчат двое постовых, нависших над эффектной девицей. Один делает вид, что изучает какие-то ее документы, а второй даже и вида не делает – пялится в наглу, пытаясь увидеть сверху вниз все то, что сама она еще не решилась выставить на всеобщее обозрение. Наконец, первый кладет документы себе в карман и, приобняв выловленную жертву, разворачивает ее в поток на выход. Теперь они топчутся во встречном потоке по направлению к уползающему вверх эскалатору. Девица все оглядывается на своих конвоиров и пытается что-то им втолковать, а они только кивают и мягкими подталкиваниями направляют ее движение.

Попалась, пташка, теперь придется платить, и хорошо еще, если только деньгами. Интересно, к чему они прибодались? Впрочем, какая разница! Отсутствие регистрации, наличие роскошной груди, желание развеять скуку или сфокусировавшийся именно в этом месте служебный долг – все едино, и на все у них есть универсальная отмазка: мол, эта гражданочка похожа на разыскиваемую преступницу.

Две жизни назад милицейский наряд вытаскивал меня из плотной толпы, осаждавшей окошко кассы на железнодорожной станции города Орша. Мужики вокруг протестующе гудели и, смелая общим своим недовольным гудом, пытались не то образумить стражей порядка, не то попросту отвести душу и безнаказанно охаять их с ног по маковку. «Спокойно, товарищи! – гаркнул рыхлый амбал. – Мы уже три дня разыскиваем этого убийцу». И никто более не заступал нам дорогу, а сочувственные взгляды окружающих сразу же сменились боязливymi

поглядываниями, да и те шустро ускользали в сторону. У меня не было злобы к тем ментам и к их наглому вранью: они были подневольными служаками и выполняли гебешный приказ, а из-за давней глухой вражды этих двух ведомств они и приказ этот выполняли, спустя рукава. Скорее всего, им было велено не допустить моего отъезда в Москву, и для этого они должны были продержать меня все то время, пока мимо Орши гремели поезда в столицу. Всю ночь меня поили чаем в вокзальном отделении милиции, будто бы ожидая какого-то опознания, а рано утром с удовольствием отпустили на волю. Извинений, конечно же, я не дождался и даже всерьез ошеломил их, предложив принести извинения («Пусть перед тобой КГБ извиняется», – в раздражении заложил своих властных недругов дежурный капитан), но и никакой особой беспредел при том задержании мне не грозил.

Из этого вовсе не следует, что в те давние времена милицейская братия безукоризненно стояла на защите интересов наших сограждан. Своих собственных клиентов они и тогда вполне самоотверженно метелили по пятым углам собственных заведений. Вслух об этом говорить было небезопасно (вмиг попадешь в категорию «клеветников» и следом – под неусыпный надзор той самой конторы, которая могла что угодно приказать любым ментам), но глухим шопотом эта правда милицейских застенков передавалась от одного к другому, не вызывая никаких сомнений в своей достоверности.

Всего и достижений, что нынче о милицейском беспределе не говорит только ленивый. Когда редкими всполохами этот беспредел прорывается в сводках официальной информации, то после всех грозных оргвыводов где-то в скобках, оправдывающим пояснением всегда звучит мотив роста преступности, что будто бы и является основной причиной таких вот срывов совершенно измотанных стражей порядка. Подобными лживыми подменами реальности мы постоянно объясняем и понимаем действительную жизнь. На самом деле, все ровно наоборот: это плоды нашего правопорядка давно уже ощущает на себе вся страна, постоянно выбирающая между страхом перед преступниками и страхом перед борцами с ней.

Ментовские истязания (или в самом легком случае – издевательства) не просто калечат чью-то отдельную жизнь (хотя, в стране, в которой я хотел бы жить, и этого одного было бы достаточно для такого вихря общественного негодования, который сорвал бы погоны со всех начальников их ведомства). Тот, кто испытал на себе все радости милицейских застенков, только некоторое время может полагать причиной своих несчастий невезучую судьбу или частный вывих правопо-

рядка. Очень быстро он убеждается, что буквально все представители власти его страны, все те, кто обязан защищать именно его, его жизнь и здоровье, его честь и достоинство, его лично и любого другого его соотечественника (даже и списывая большую часть красивых формулировок и всяких конституционных деклараций в обычный словесный мусор, все равно – обязан), все они защищают не его, а того самого беспредельщика, который перекорезил его судьбу, защищают тот самый беспредел, и, значит, свое право на дальнейший и всегдашний беспредел – везде и всюду. Но ведь именно эти люди поставлены государством, это им государство поручает практическое урегулирование норм жизни в стране, и, следовательно, это не их наглые и холеные морды видит он вокруг в бессильной жажде правды и справедливости, а истинную физиономию своего заботливого отечества. Так он чувствует, и помимо его воли рвутся его связи со страной, в которой он ранее жил. Это ментовской беспредел аннулирует тот его договор с обществом, который так или иначе составлялся в долгие годы его учебы, семейного и общественного воспитания, всем его жизненным и культурным опытом (даже и при минимуме такого опыта и такого воспитания).

Я слышал это и от разных бедолаг, и от безбашенных дуроломов, и от конченных душегубов. Корявыми словами, невнятными резонами, раздувая давнюю бессильную злобу или мстительные мечтания, люди (некоторые все еще – люди), переломанные ментами, вспоминали первые свои встречи с милицейским злодейством («Догоняешь? Если эти козлы могут такое, то я воще могу все, что угодно!»). Они не только чувствует это свое право на «все, что угодно», но и в соответствии с собственным темпераментом реализует его. Они уже не граждане нашей общей страны, а жители совсем другого мира, и при всей чудовищности этих их резонов, при всей отвратительности обретенных ими норм и правил следует признать в этом их превращении и свою логику, и свою правду, и (самое страшное!) свою справедливость.

Если отец, пользуясь преимуществом силы, вместо ожидаемого и установленного нормами страны обережения и защиты, измывает над своим сыном, истязает его и, в придачу, глумливо отстаивает свое право на именно такое отцовство, то мы ведь чувствуем свою справедливость в ответном протесте, пусть и в самых зверских его проявлениях, вплоть и до отцеубийства. Точно такая же справедливость присутствует и в логике переселения человека из мира людей в мир злодеяний после перелома их ментовским беспределом.

Удержать от таких превращений может другая справедливость – справедливость абсолютных ценностей или бесспорного авторитета.

Только где ты найдешь нынче бесспорные авторитеты и абсолютные ценности, когда единым мерилom вдалбливается со всех сторон один критерий жизненного успеха – уровень достатка и благополучия?

Так они и зажали нас – злодеи в погонах и душегубы на улицах. Не агрессивность западных или отечественных боевиков раскручивает разгул насилия в стране. Истоком этому – властный произвол. Не влиянием чуждой культуры обесценилась у нас человеческая жизнь, а убедительными властными демонстрациями абсолютного пренебрежения и к человеку, и к его жизни. Ранее ментовской беспредел эту грань все-таки опасался переступить. Наверное, все мы были чем-то вроде госинвентаря, и за любую потерю государственного имущества (за любую смерть) власть хоть и снисходительно, но спрашивала со своих подручных. Теперь же весь этот человеческий инвентарь заранее списан в ненадобность лишней обузы, и беспредел ментовских истязаний с легкостью переходит в душегубство, сея его ядовитые семена по всему обществу.

И больше: произвол стражей порядка уничтожает саму систему наказаний, существующую и как-то развивающуюся в стране. Все эти неисчислимые УИНЫ, миноустовские институты и подразделения, СИЗО, ШИЗО да и весь УИС со всеми своими проектировщиками, начальниками и обитателями – все это зарешеченное хозяйство в фундаменте своего развития и становления держит ясная, пусть и редко реализуемая идея – возможность раскаяния и возвращение раскаявшегося и очищенного преступника в общество людей. Убери этот камень, и всю систему надо менять. Тогда логична и даже справедлива любая карательная хирургия. Тогда должна развиваться совсем иная система наказаний, переделывая и само общество во что-то совсем иное. Именно этот зыбкий фундамент возможного раскаяния (осознания своей неправоты, исправление... – терминология может меняться, и проявляя основной смысл наказания, и заглушая его) напрочь уничтожает беспредел ментов. В том самом «вооще могу все, что угодно» места для раскаяния не остается (сожаления о том, что чего-то пролопушил, не извернулся – это да, но не раскаяние), и, значит, произвол ментов (следаков, дубаков) не только раскручивает беспредел преступности, но уничтожает и саму возможность противодействия этой преступности существующей в стране системой наказания.

А уж если в истоп властного беспредела попадает совсем невиновный, тогда и не представить какие мутации происходят в общественном организме страны – только задохнуться в гневе и бессилии...

Но для жизни любого необходимо согласие с собой. Значит, и у того, кто полномочиями от власти вколачивает своего ближнего в ас-

фальт мостовой или в настил неисчислимых кабинетов, – у него тоже есть своя правда и какая-то своя справедливость. Яростные переклесты действительной борьбы с преступностью, личная мстительность или корыстные интересы, при всей многочисленности подобных случаев, не в счет. Это все-таки отдельные вывихи, и властной волей повсеместность подобных эксцессов можно бы было унять. Правда беспредельщика от правопорядка в другом. Этим же беспределом дышат ему в спину просторные кабинеты всех его начальников. И дело не в матюгах разносов, а в том, что все там держится на том же произволе, что и в закутках произвола откровенного. Из-за декорацией правильных и мертвых слов несет тем же беспределом. Иначе не откуда было бы взяться их дачам, машинам, их лоску и хорошо удовлетворяемому неугасающему их аппетиту. Если можно им, то почему нельзя мне – вот правда и справедливость беспредельщика-мента. И, втапывая соотечественника в грунт, он не с преступностью борется, а удовлетворяет по мере сил свои растущие аппетиты, в том числе и к властвованию. Он демонстрирует и доказывает свою принадлежность к главному классу общества – к власти. Доказывает теми способами, которые пока есть в его распоряжении. Позже, в других погонах и из другого кабинета он будет цедить на чью-то жалобу: «Никаких нарушений не обнаружено».

Так и держится все у нас сверху донизу на лжи и насилии: ложь прикрывает насилие, а насилие защищает ложь и требует для дальнейшего прикрытия все большей лжи. Это и есть наша властная вертикаль. Поближе к верхушке произвол получше упрятан в обертки из правовых формулировок, подальше – оберток поменьше и все обнажено...

– Не все обнажено. Обнажено, когда видно, а когда не видно – значит, спрятано. Сейчас знаешь как? Сейчас террористки такие хитрые, чисто ведьмы. Они и пояс свой сейчас не на поясе носят, а где угодно – хоть на груди. Вот пусть стажер скажет. Ты не смотри, что он стажер – он всю свою службу в Чечне протрубил. Скажи ей...

– Известное дело. У другой и груди никакой нет, а нацепит пояс этот и – прям королева. А потом – бац! – и хана.

От этих рассуждений деваха явно обалдела.

Признаться, и я тоже. По прихоти колышавшейся чуть ли не на одном месте людской массы меня прибило к тем самым ментам, что сопровождали свежезадержанную красотку и чуть ли не околевали от похоти...

Нет, деньгами она уже не отделается. Раньше, в первые постсоветские годы отбить эту красотку от ментовских приставаний было бы проще легкого. Тогда их захолонуло в сквозняке перемен.

Как-то прямо на вокзальном перроне трое ментов дербанили растерявшегося мужичка. Там достаточно было показать корреспондентское удостоверение и спросить, в чем провинился этот бедолага (давайте, мол, сделаем из этого случая полезный репортаж о хулиганском засилье... кстати, представьтесь, пожалуйста), и – все было улажено.

Правда, некоторое время спустя, повторяя этот же трюк, я потерял целый день. Отмудохать меня защитнички правопорядка все-таки не решились, но, воспользовавшись отсутствием прописки, до самой ночи делали вид, что устанавливают мою личность. Если и было что-то полезное в том моем заскоке, так то лишь, что и парня, которого я пытался прикрыть, тоже не оходячили. Его даже и отпустили много раньше меня, и от нечаянной радости он, конечно же, сквозанул из обезьянника быстрее эха своих же обещаний и никому из моих друзей так и не позвонил.

Вот так стремительно теряли журналисты даром свалившиеся на них возможности воздействия на власть и ее служителей. Своей же неразборчивостью и теряли. Это ведь они расчищали путь ментовскому беспределу. Для этого достаточно было признать его нормой и показывать всему обществу в виде нормы. Проверку документов или задержание куда удобнее и безопаснее проводить, сшибая подозреваемых на асфальт, втапывая их в мостовую сапогом по спине, вздергивая башку распластанного подозрительного типа за волосню вверх, когда надо спросить, кто он такой. Так и показывали нам в новостях и репортажах милицейские облавы на рынках или в общежитиях. Так и освещали всякие захваты и прочие спецоперации правопорядка. Никакого возмущения или недоумения в комментариях журналистов не было. Все в норме.

Да и по сегодня еще в специальных выпусках какой-нибудь криминальной хроники сохранился тот же стиль. А иногда в этих же репортажах задержанным подозреваемым задают вопросы, и не редко видно, как те так и светят в камеру свежими фингалами и кое-как стертой кровянойкой, но об этом ни одного вопроса – это любознательным телевизионщикам не интересно.

Сегодня этот – допущенный нами – произвол, дал всходы такого милицейского беспредела, что – не унять. Никакие специальные службы внутренней безопасности не справятся с этим злодейством. Единственно, что они способны сделать – это перекрыть будоражащие общество вопли из ментовских застенков. Отыграются на тупорылых и натаскают остальных на обязательную предусмотрительность. И если

кто-то угрожает разоблачениями – так укатать его по полной (навести сопротивление представителям власти, подбросить ржавый патрон – да мало ли банальнейших фокусов упрятано в руках милицеевских мундиров!). А кто будет и дальше вякать и порочить доблестных стражей – тех можно будет привычно выставить клеветниками на службе у криминала и других врагов государства.

Нет, новые стены из всяких секретных расследований и таинственных режимных мероприятий нам не помогут. В темноте, упрятанной от общественного внимания стенами, куда «посторонним вход воспрещен», расцветает лишь ядовитая плесень беспредела. Защитой от произвола может быть только максимальная прозрачность всех этих специальных департаментов. Такой порядок вещей не удастся установить чьей-то доброй волей или каким-то указом-законом-постановлением. Это долгий процесс, но его можно бы было начать уже сегодня. Обязать всех этих стражей – всех поголовно – носить номерные жетоны. В каждом отделении милиции устроить дежурство врача и адвоката, независимых от самого ментовского ведомства, и у каждого – обязательный журнал регистрации. Да и больше: регистрацию у врача установить раньше и прежде любых оперативных мероприятий. Даже эти первые шаги смогут невиданно осветить спрессованную темь милицеевских застенков. И беспредел начнет отползать – на свету ему несподручно...

Удовольствие, конечно, не из дешевых, но, может быть, пора родному отечеству тратить свои (Богом дарованные стране) нефтедоллары не только на узду для граждан, но и на их защиту от своеволия стражей правопорядка. Тогда любому человеку можно будет практически безбоязно зайти в любое отделение милиции со своей бедой или даже со своим любопытством, а уж журналист сможет спокойно повыспрашивать и мающихся в обезьяннике. Там бы эти исходящие похотью постовые только и могли, что выдуривать у заарканенной красотки номер ее телефона, а нынче ей – не отбиться. Можно бы, конечно, испортить им праздничек жизни, например, просто вломившись к ним в дежурку с чем угодно. Но толку, то? Озвереют от ускользающей возможности, и на тебе же отыграются всем размахом неуголенной страсти. Что тебе, больше всех надо?...

А вот этого внутренний предусмотрительный голосок лучше бы не вячил. Терпеть ненавижу непробиваемые резоны, которыми так удобно скрывать собственную гниль. Меня заклинило. Я сходу ввинтился во встречный поток и, растискивая чуть поредешую толпу, погнал себя на эскалатор. «Писец», – твякнул вдогон рассудительный

голос. И совсем не «писец». Я все-таки уже кое-что догоняю. Можно налететь на них с благодарностью, что не дали исчезнуть новому автору нашего издания, и я смог его найти, хоть и опоздал на встречу. Можно при этом как бы звонить в редакцию и говорить, где я и какую неоценимую помощь оказывают мне сейчас доблестные милиционеры («Кстати, как Вас зовут, дорогие мои?»). Можно для пущей достоверности написать в блокнот, мол, встреча с автором в метро «Киевская» в (сколько сейчас?) 8-30. А если снизу приписать, что на 12-00 назначено интервью, например, с Грызловым (как его зовут? Борис. А отчество? Черт, с ним – сойдет) и номер его мобильного – любой номер, но лучше кого-то из знакомых, и предупредить его, чтобы при надобности ответил вместо Грызлова...

Я не знаю еще, каким способом выкручусь из-под ментовского естественного негодования неожиданной помехой, но точно уверен, что – выкручусь. В таком кураже все получается, и эту дуру я отобью. Не знаю как, но – отобью. Я даже не понимаю еще, что эта моя скорая блестящая победа ни дуновением не направлена против ментовского произвола. Я всего лишь закрепляю привилегии тех, кто вертко крутится в услужении беспредельщиков более высокого ранга. Я собираюсь схлестнуться с ментами, не отстаивая достоинство человека и не против их произвола, а только за привилегии избранных холуев. Но пока еще я этого не понимаю и об этом не думаю...

Ахмед Отмани**Опыт пыток**

Арест – это первая встреча с насилием. Самый тяжелый период моей жизни – арест не в 1968 году, а в 1973 году. В то время я скрывался в одном доме, и о моем местонахождении полиции стало известно от нашего товарища, у которого признание выбили под пытками. И вот среди ночи, когда я спал, в дом ворвались человек шестьдесят вооруженных полицейских во главе с руководителем департамента внутренней безопасности. Меня доставили в Министерство внутренних дел, и там прогнали сквозь строй полицейских, которые плевали в меня, избивали и дергали за усы. Они излили на меня свой гнев, потому что им пришлось потратить слишком много времени на поиски. Они принесли вина, начали плясать вокруг меня и всячески надо мной издеваться. Я попал в руки к настоящему мастеру пыток, о нем среди арестованных ходили легенды – он любил выдирать щипцами куски кожи и вообще применял самые изощренные пыточные приемы. В 1973 году меня пытали куда дольше, чем в 1968 году, правда с перерывами. Я сильно ослаб после нескольких голодовок, поэтому на какое-то время меня оставляли в покое, давая возможность восстановить силы. Меня запирали в камере, со скованными руками и ногами. А потом принимались заново. Среди прочего мне жгли кожу эфиром и оставляли рану открытой, чтобы она загноилась.

Именно в то время я выработал способность сопротивляться боли, научившись не испытывать физических ощущений. Я переставал что-

А. Отмани – председатель «Международной тюремной реформы» (PRI). Активист борьбы за права человека. Неоднократно подвергался арестам и жестокому тюремному заключению.

Книга «Beyond Prison. Working for the reform of prison systems worldwide» создана с помощью Софи Вессис. Полностью на русский язык она не переведена и ждет своего издателя.

либо ощущать, даже когда я видел, как ручьями течет моя кровь. Было необходимо подготовить себя к такому состоянию. Во время приступов насилия и боли, мне приходилось внушать себе, что это не страшно. Тем самым я бросал вызов и своим мучителям, и самому себе. Я никогда с ними не говорил, я не кричал – и это приводило их в бешенство. Дело дошло до того, что один из них однажды нанес мне пятьсот ударов по пяткам – в попытке заставить меня издать хоть один звук. Они бы предпочли, чтобы я как-то выражал свои чувства, пусть даже ненависть, а не оставался безучастным. Но я полностью закрылся – и от них, и от своей боли.

Когда до них дошло, что я сопротивляюсь боли, задерживая дыхание, они нашли способ этому противостоять: они подвесили бутылку, из которой вода капала мне в нос, лишая меня возможности контролировать дыхание. Это была битва двух сил. Я, ослабевший человек, на последнем издыхании, оказывал сопротивление машине, которая была не в состоянии меня сломать. Самое удивительное, иногда мои палачи, думая, что я лежу без сознания, начинали между собой переговариваться. Они обсуждали своих детей, жен, работу. Кто-то звонил своей подруге. Короче говоря, они вели себя как самые обычные люди, которые тем не менее без колебаний, без угрызений совести совершали самые жуткие зверства.

Чтобы выдержать все эти пытки, мне пришлось сопротивляться вдвойне. Физически – преодолевать пытки, конечно, но еще и сопротивляться унижению и отрицанию человечности, которые заложены в самом акте пытки. Чувство человеческого достоинства, как физическое, так и моральное, придавало мне силы сопротивляться и забывать о боли и страданиях в самые тяжелые минуты. Но никогда я не черпал свои силы в религии. Многие, кому довелось пройти сквозь то же самое, что и мне, в самые отчаянные моменты находили утешение в религии, иногда цепляясь за примитивные формы религиозности, проникаясь какой-то слепой верой, которая освобождала их от сомнений и тревог. Что до меня, то моим спасением были самоуважение и достоинство, которые и давали мне силы никогда не говорить со своими мучителями. В каком-то смысле опыт пытки превратил мою абстрактную веру в ценность человеческого достоинства в конкретный жизненный опыт. Но при этом я никогда не осуждал тех, кто ломался под пытками или писал прошения о помиловании, письма с просьбами об освобождении. Иногда бывает трудно выдержать страдания или угрозы близких, так что любой может проявить слабость.

Из этого опыта я также вынес осознание сложности человеческой натуры. Полицейские сторожили меня круглые сутки. Однажды один из них, когда его смена закончилась и он собирался уходить, заплакал, потому что видел, как один из палачей помочился на меня – в бесильной злобе, в ярости, что я все время молчу. Одни вели себя как эсэсовцы, а другие испытывали стыд и возмущение, видя, каким пыткам меня подвергали. Некоторые полицейские из департамента внутренней безопасности умудрились даже не прикоснуться ко мне, хотя им по долгу службы вменялось проделывать со мной то же, что со мной проделывали другие палачи.

Более того, уже после выхода на свободу я кое с кем из них даже встречался. Они выражали мне свое сочувствие, когда это было возможно. Больше всех переживали, по-моему, простые охранники департамента. Поскольку я там провел несколько месяцев, мы в конце концов познакомились. Когда я сидел в 1971–1972 годах, я даже затевал с ними споры. Я пытался им объяснить, что имею полное право выступать за свободу мнений, никогда не прибегал к насилию, никогда не брал в руки оружие и что по закону я не должен сидеть в тюрьме. Они же мне отвечали, что не разбираются в законах, а только подчиняются Бургибе¹.

Именно в то время я пришел к пониманию необходимости плюрализма перед лицом произвола государства. Ибо я, как и мои товарищи, слишком долго не думал ни о чем другом, кроме требований всех мыслимых свобод для себя, и мечтал о наступлении диктатуры пролетариата...

Перевод с английского О. Алякринского

¹ Хабиб Бургиба – первый президент независимого Туниса, стоял во главе страны с 1963 по 1987 г.

Эдуард Лимонов.

По тюрьмам.

М.: Ad Marginem, 2004. 296 с.

<...>Морда познакомился со мной сам. У Морды, как я отметил, знакомая мне физиономия моего некогда приятеля по Парижу, Володи Толстого. Я давно заметил, что у природы небольшой запас физиономий, потому они неизбежно повторяются. Морда звучал дружелюбно, на шее я заметил у него свежие порезы.

– Я видел, как менты на тебя за крест наехали, – сказал я. – Стоял вчера у волчушки в пятой.

– Да, гондоны дырявые, – вздохнул он. – Шею вот порвали.

Разыгравшаяся вчера в конвоирке областного суда сцена была отвратительной. Человека с большой головой раздели и потребовали снять крест. Человек, стянув трусы, стоя на картонке у скамьи, прикрыл свой крест руками и взмолился: «Вы чего, ребята! Это же крестик алюминиевый, мамка одела, он меня предохраняет».

– Вон гвоздь! Повесь у двери! Вернешься, оденешь!

– Не имеете права, гражданин начальник! – уперся зэк с большой головой. Волчушку мою закрыли ментовские затылки, послышалось пыхтенье, срежет подошв. – Суки подлые! – закричал зэк. – Шею порвали! Позовите мне начальника конвоя!

Его втокнули в бокс и бросили ему туда одежду. Некоторое время менты ругались матом. Потом пришел начальник конвоя и монотонно объяснил, что крест брать с собой в судебное заседание нельзя, «потому что ты, Аржанухин, можешь крестом вены вскрыть».

Надо сказать, что вскрыться зэк теоретически может, однако такой жест следовало ожидать от малолетки какого-нибудь, а не от имеющего многие ходки, проведшего за решеткой половину жизни Аржанухина. Потом в тот день в суде не ожидалось ни выступления прокурора с запросом срока, ни тем более приговора, что естественным образом могло бы вызвать (теоретически) эмоциональный взрыв у Аржанухина. К тому же зрелище срывания с русского человека нательного крестика само по себе зрелище поганое. Исполнителями этого насилия обыкновенно

бывали злые иноверцы, захватчики, враги. То, что делают русские менты – срывают крест с русского, – выглядит поганее некуда.

Конвой в областном суде с первого дня показался мне злобным и свирепым. Пацаны на сборке объяснили мне, что конвойные все побывали в Чечне и оттого они такие злые. Они принимают эзков за чеченов. Я думаю, дело тут еще в русской традиции. По русским традициям заключенный для конвойного – не человек. Конвой охотно принимает себя за наших хозяев, не понимая, что мы всего лишь нарушили закон и за это суд отвесит нам годы заключения. Притеснять нас не надо, считаем мы, эзки. Любое насилие по отношению к эзкам допустимо, считают конвойные потому только, что мы арестованы. <...>

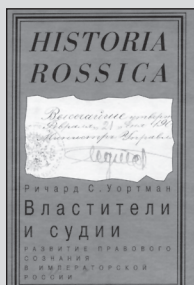
Из главы 3

<...>Горбачевская перестройка бросила не только вольный мир в беспредел, но бросила также в беспредел и мир криминальный. Появились криминальные организации, и во множестве. ОПГ стали возглавлять натуральные природные лидеры, а не выборные «коронованные» воры и авторитеты. Появились бандиты как новый криминальный класс. В бандиты мог пойти каждый, у кого хватало храбрости, энергии и безумия. Потому стало трудно удерживать иерархию воровской страны Швамбрании. Мощный ураган ранее неразрешимого, невиданного насилия снес все перегородки старого уголовного мира, подорвал его этажи. Такие личности, как Михась или Квантришвили, уже еле укладывались в мерки и иерархию воровского хода. <...> Многие новые воры (да теперь уже и старые) еще и бизнесмены одновременно, или, как их называют, «предприниматели». А, каково? Старый воровской ход такого кошмара никак не предвидел. Вор – предприниматель! Общая картина мира современного российского уголовного мира представляется и беспорядочной, и странной. <...>

«Скоро, – сказал Саня Быков, мой нынешний сокамерник, – если ты не маньяк, не козел, и не пидар, тебя ни в одну хату в тюрьме не пустят. Иди, скажут, тебе здесь нечего делать, урка позорный. Менты создадут отдельные хаты для немногих оставшихся урок, как сейчас для спидовых или туберкулезников».

Так что будущее принадлежит новым странным формациям криминального мира. Тюрьма, как мы видим, тоже не застыла навсегда, но изменяется вместе с обществом. Впрочем, неудивительно. Ведь тюрьма и общество – сообщающиеся сосуды. Из общества поступают в тюрьму отборные, пассионарные индивидуумы.<...>

Из главы 26

Ричард С. Уортман.

Властители и судии.

Развитие правового сознания в императорской России.

Пер. М.Д. Долбилова при участии

Ф.Л. Севастьянова. М.; НЛЮ, 2004. 520 с.

<...>Образование группы служителей правосудия в царистской администрации представляло собой заметный разрыв с институциональными традициями российского государства. В европейской юстиции, при всех ее изъянах, суды и юриспруденция могли похвалиться известным почтением к себе. Самодержавие в России, всегда отстаивавшее превосходство исполнительной власти, пренебрегало отправлением правосудия, и это пренебрежение разделялось чиновничеством и дворянством. Презрительное отношение к суду вполне устраивало чиновников, не желавших придерживаться рамок законности, и дворян, привыкших лицезреть власть в руках величественных правителей, воплощавших собою государственную мощь, которым они могли подражать в своих поместьях. В эпоху реформ часто рассуждали об отсутствии у крестьян уважения к закону. Но неуважением к юридическим методам защиты права было пропитано и сознание очень многих в правительстве и обществе накануне эмансипации. Благоговейное отношение к судебной власти на Западе, да и во многих примитивных обществах, было совершенно не свойственно России.

Вера в верховенство исполнительной власти и приниженное положение суда – это элементы «традиционалистского образа институционального поведения», который в ходе модернизации сумел удержаться в России. Этот образ поведения пережил судебную реформу, индустриализацию и революцию. Судебные уставы 1864 г. посеяли семена конфликта между судебной и исполнительной властью, поскольку недоверие самодержцев к независимому суду неуклонно возрастало. Владимир Ленин, юрист по образованию, рассматривал буржуазное право как инструмент старого государственного строя, и после 1917 г. советская власть превратила суд в свое собственное послушное орудие. <...>

Из Введения автора

ЗАКОН И/ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

РЕЖИМ

Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений¹

§ 1. Общие положения

Настоящие Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений² на основании Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации³ регламентируют и конкретизируют соответствующие вопросы деятельности исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений и тюрем⁴ в целях создания наиболее благоприятных возможностей для реализации предусмотренных законом порядка и условий исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, обеспечения изоляции, охраны прав, законных интересов осужденных и исполнения ими своих обязанностей.

Правила обязательны для персонала исправительных учреждений, содержащихся в них осужденных, а также иных лиц, посещающих эти учреждения. Нарушение Правил влечет ответственность, установленную действующим законодательством.

§ 2. Порядок приема осужденных в ИУ

Прием осужденных в ИУ осуществляется оперативным дежурным (в тюрьме – дежурным помощником начальника тюрьмы), работником специального отдела и работником медицинской части учреждения.

Во время приема осужденных работники учреждения проверяют наличие личных дел и устанавливают их принадлежность прибывшим осужденным, проверяют наличие в личных делах необходимых документов. Медицинский работник проводит наружный осмотр осужденных с целью выявления у них телесных повреждений.

Прибывшие в ИУ осужденные после уточнения данных подвергаются полному обыску, а принадлежащие им вещи – досмотру. Вещи и предметы, продукты

¹ В редакции Приказов Минюста РФ от 08.07.2002 № 191 (далее обозначается * . – *Ред.*) и от 23.03.2004 № 68 (далее обозначается ** . – *Ред.*).

² *Далее: Правила.*

³ *Далее: УИК Российской Федерации.*

⁴ *Далее: ИУ, если иное не предусмотрено по тексту.*

питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать (приложение № 1)⁵, изымаются в установленном порядке, передаются на хранение либо уничтожаются по решению начальника исправительного учреждения, о чем составляется соответствующий акт. Уничтожению подлежат вещи и предметы, изъятые из гражданского оборота, а также продукты, которые не подлежат длительному хранению.

После полного обыска осужденные проходят комплексную санитарную обработку в соответствии с требованиями настоящих Правил (§ 19) и размещаются в карантинном помещении, где в суточный срок проходят медицинское освидетельствование, и за ними устанавливается медицинское наблюдение продолжительностью до 15 суток. При выявлении в этот период инфекционных больных они немедленно изолируются в медицинской части или больнице и в учреждении проводится комплекс противозидемических мероприятий.

Во время нахождения в карантинном помещении осужденные знакомятся с порядком и условиями отбывания наказания, со своими правами и обязанностями, установленными законодательством Российской Федерации и настоящими Правилами, предупреждаются об ответственности за нарушения установленного порядка отбывания наказания в ИУ. Они информируются о применении в ИУ аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, о предусмотренных законодательством случаях применения физической силы, специальных средств и оружия.

Решение о распределении осужденных по отрядам (камерам) с учетом их личностных особенностей, привлечении их к труду, обучению в системе общего и профессионального образования принимается комиссией ИУ, возглавляемой начальником учреждения. В состав комиссии включаются представители служб – охраны, оперативной, безопасности (в тюрьме – режима и охраны), специальной, медицинской, производственной и других. Состав комиссии и ее решение объявляются приказом начальника учреждения.

Не позднее 10 дней со дня прибытия осужденного в ИУ по его письменному заявлению одному из родственников направляется уведомление с указанием почтового адреса учреждения, перечня вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, основных требований порядка переписки, получения и отправления денежных переводов, предоставления осужденным выездов за пределы ИУ, свиданий, телефонных разговоров.

§ 3. Основные права и обязанности осужденных в ИУ

1. Осужденные имеют право:

- получать информацию о своих правах и обязанностях;
- распоряжаться личным временем, предусмотренным распорядком дня, не нарушая при этом установленных правил поведения;
- на вежливое обращение со стороны персонала учреждения;

⁵ *Далее:* запрещенные вещи, если иное не предусмотрено по тексту.

- на охрану здоровья и личную безопасность;
- участвовать в культурно-массовых и спортивных мероприятиях, пользоваться библиотекой, настольными играми;
- вступать в самодеятельные организации осужденных;
- пользоваться услугами адвокатов, а также других лиц, имеющих право на оказание юридической помощи;
- обращаться с предложениями, заявлениями, ходатайствами и жалобами к администрации учреждения, в вышестоящие органы уголовно-исполнительной системы, суд, органы прокуратуры, органы государственной власти и органы местного самоуправления, общественные объединения, а также в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты осужденных (**).

Осужденным гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания. Осуществление права на свободу совести и свободу вероисповедания является добровольным.

При осуществлении прав осужденных не должны нарушаться порядок и условия отбывания наказаний, а также ущемляться права и законные интересы других лиц.

Осужденные имеют право на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы исправительного учреждения и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи. Участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется только с их согласия**.

2. Осужденные обязаны:

- выполнять требования настоящих Правил;
- соблюдать распорядок дня, установленный в ИУ;
- являться по вызову администрации, давать письменные объяснения по ее требованию по фактам нарушения установленного порядка отбывания наказания**;
- проходить медицинское освидетельствование с целью своевременного обнаружения инфекционных заболеваний, а также выявления фактов употребления алкогольных, наркотических и сильнодействующих (токсических) веществ;
- бережно относиться к имуществу исправительного учреждения и другим видам имущества;
- соблюдать требования пожарной безопасности;
- добросовестно относиться к труду и учебе;
- быть вежливыми между собой и в обращении с персоналом ИУ и иными лицами, выполнять их законные требования;
- содержать в чистоте и опрятности жилые помещения, рабочие места, одежду, по установленному образцу заправлять постель, следить за наличием и состоянием индивидуальных табличек на кроватях, тумбочках и вещевых мешках в помещениях отрядов, где хранятся их личные вещи, соблюдать пра-

вила личной гигиены, иметь короткую стрижку волос на голове, короткую правку бороды и усов (для мужчин), хранить продукты питания и предметы индивидуального пользования в специально оборудованных местах и помещениях;

- носить одежду установленного образца с нагрудными и нарукавными знаками (приложение № 2), за исключением осужденных, содержащихся в колониях-поселениях;

- принимать участие в работах по благоустройству ИУ и прилегающих к ним территорий в порядке, установленном уголовно-исполнительным законодательством.

3. Осужденным запрещается:

- нарушать линию охраны объектов либо границы территории исправительных учреждений;

- выходить без разрешения администрации за пределы изолированных участков жилых и производственных зон;

- находиться без разрешения администрации в общежитиях, в которых они не проживают, либо на производственных объектах, на которых не работают;

- приобретать, изготавливать, хранить и пользоваться запрещенными вещами, предусмотренными перечнем (приложение № 1);

- курить в не отведенных для этого местах;

- играть с целью извлечения материальной или иной выгоды;

- наносить себе и другим лицам татуировки;

- употреблять нецензурные и жаргонные слова, давать и присваивать клички;

- занавешивать и менять спальные места, а также оборудовать спальные места на производстве, в коммунально-бытовых и других служебных и подсобных помещениях;

- без разрешения администрации вывешивать фотографии, репродукции, открытки, вырезки из газет и журналов и иные предметы на стенах, тумбочках и кроватях, содержать животных и птиц, заниматься огородничеством, разводить декоративных рыб, комнатные растения;

- самовольно возводить на производственных и иных объектах ИУ различные постройки, шкафы, сейфы и т.п.;

- иметь на объектах работы продукты питания, аудио-, видеоаппаратуру;

- изготавливать самодельные электрические приборы и пользоваться ими;

- пользоваться без разрешения администрации ИУ заточным оборудованием, инструментом, электроэнергией, механизмами и материалами не для производственных нужд;

- приготавливать и употреблять пищу в не предусмотренных для этого местах;

- выносить продукты питания из столовой учреждения без разрешения администрации;

- без разрешения администрации подниматься на крыши зданий, цехов, строений и других сооружений, подходить к ограждению внутренней запретной зоны;

– оставлять без разрешения администрации рабочие места, общежития и помещения, в которых проводятся массовые мероприятия.

§ 4. Взаимоотношения осужденных и работников ИУ

Осужденные обязаны здороваться при встрече с работниками ИУ и другими лицами, посещающими ИУ, вставая, обращаться к ним на «Вы», называя «гражданин», «гражданка» и далее по званию либо занимаемой должности.

Работники учреждений обращаются к осужденным на «Вы» и называют их «осужденный», «осужденная», «гражданин», «гражданка» и по фамилии.

Работникам категорически запрещается вступать с осужденными и их родственниками в какие-либо отношения, не регламентированные уголовно-исполнительным законодательством и настоящими Правилами.

§ 5. Распорядок дня

В каждом исправительном учреждении устанавливается строго регламентированный распорядок дня с учетом особенностей работы с тем или иным составом осужденных, времени года, местных условий и других конкретных обстоятельств.

Распорядок дня включает в себя время подъема, отбоя, туалета, физической зарядки, принятия пищи, развода на работу, нахождения на производстве, учебе, воспитательных и спортивно-массовых мероприятиях и т.д. Предусматривается непрерывный восьмичасовой сон осужденных и предоставление им личного времени.

Распорядок дня, разработанный на основе примерного (приложение № 3), утверждается приказом начальника ИУ и доводится до сведения персонала и осужденных.

Не реже одного раза в месяц в нерабочее время организуются проверки – смотры всех осужденных, во время которых проверяется их внешний вид, состояние одежды и обуви.

§ 6. Вывод осужденных на работу и съем с работы

В установленное распорядком дня время осужденные поотрядно, побригадно выстраиваются в отведенных местах для вывода на работу и съема с работы. При этом проверяется их внешний вид и производится их обыск.

Начальниками исправительных учреждений с учетом условий труда устанавливается порядок поведения осужденных на производственных объектах, проведения инструктажа начальниками цехов (участков) или мастерами, подведения итогов работы, сдачи рабочих мест и др.

§ 7. Порядок приема пищи

Прием осужденными пищи производится в часы, установленные распорядком дня, поотрядно, по отделениям, побригадно в столовой либо в раздаточном помещении на объектах работы. Если столовая расположена на стыке жилой и производственной зон, прием пищи работающей сменой может

организовываться в столовой, однако с обеспечением изоляции лиц, находясь в жилой зоне, от осужденных, работающих на производстве.

В целях обеспечения непрерывной работы коммунально-бытовых объектов (бани, парикмахерской, прачечной и т.д.) начальники исправительных учреждений могут разрешить осужденным, работающим на этих объектах, прием пищи не в составе соответствующих отрядов, бригад.

Осужденными, освобожденными из-под стражи под надзор администрации ИУ, а также пользующимися правом передвижения без конвоя и проживающими за пределами колонии, прием пищи осуществляется в специально оборудованных для этого помещениях в местах их проживания или на объектах работ.

Осужденные, содержащиеся в камерах, пищу принимают по камерно или на производстве.

Для поддержания должного порядка во время приема пищи осужденными в столовых присутствуют представители администрации исправительного учреждения.

§ 8. Личный прием осужденных

Личный прием осужденных осуществляется руководством ИУ, а также начальниками отделов и служб по графику. Учет принятых на приеме осужденных с указанием вопросов, с которыми они обращались, и результатов их рассмотрения производится в журнале (приложение № 4), который хранится в канцелярии учреждения.

Начальники ИУ или лица, уполномоченные ими, не реже одного раза в месяц проверяют исполнение решений, принятых во время приемов.

Руководители Минюста России, ГУИН Минюста России, федеральных управлений Минюста России по федеральным округам, территориальных органов УИС Минюста России, сотрудники центрального, окружных федеральных и территориальных органов УИС Минюста России проводят прием осужденных по вопросам, входящим в их компетенцию, при посещении ИУ.

§ 9. Проверки наличия осужденных

Проверки наличия осужденных в исправительных учреждениях осуществляются ежедневно утром и вечером в часы, определенные распорядком дня. Одновременно проверяется внешний вид осужденных. В необходимых случаях проверки могут проводиться в любое время суток.

Проверки проводятся в установленном месте на общем построении путем количественного подсчета и пофамильной переклички. От построения освобождаются отдыхающие после работы, имеющие освобождение по болезни (с постельным режимом), а также занятые на работах, оставление которых невозможно. Их проверка проводится по местам пребывания.

В ненастную погоду и при низкой температуре, когда работы вне помещений, в соответствии с Правилами о работе на открытом воздухе в холодное время года, не допускаются, проверки проводятся в помещении.

Проверки наличия осужденных в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа колоний, единых помещениях камерного типа⁶, в тюрьмах проводятся покамерно, а отбывающих наказание в строгих условиях, содержащихся в безопасных местах, пользующихся правом передвижения без конвоя и освобожденных из-под стражи под надзор администрации ИУ – в местах проживания.

Проверки наличия осужденных, проживающих с семьями в колониях-поселениях, осуществляются согласно требованиям ст. 129 УИК Российской Федерации путем явки их до четырех раз в месяц в установленное время для регистрации к оперативному дежурному учреждения.

§ 10. Порядок передвижения осужденных в пределах колонии

Передвижение групп осужденных по территории колонии (за исключением колонии-поселения) осуществляется строем в установленном администрацией учреждения порядке.

В личное время осужденные могут передвигаться вне строя в пределах изолированного участка, а по остальной части территории ИУ – с разрешения представителей администрации. В период от отбоя до подъема нахождение осужденных за пределами жилого помещения без разрешения администрации не допускается.

Передвижение осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях, за пределами запираемых помещений осуществляется только в сопровождении представителей администрации.

§ 11. Порядок изъятия у осужденных запрещенных к использованию в ИУ вещей

Правом изъятия у осужденных запрещенных к использованию в ИУ вещей обладают представители администрации учреждения.

Запрещенные вещи, а также вещи, имеющиеся у осужденных сверх установленного веса, изымаются в момент обнаружения, о чем составляется рапорт или акт, затем проводится проверка и принимается решение начальника ИУ.

Изъятые у осужденных деньги не позднее чем в суточный срок (исключая выходные и праздничные дни) сдаются в финансовую часть либо в бухгалтерию, где зачисляются на лицевой счет осужденного без права пользования и распоряжения ими во время отбывания наказания.

Изъятые ценные бумаги и иные ценности хранятся в бухгалтерии или на складе ИУ, о чем владельцу выдается квитанция.

Изъятые у осужденных запрещенные вещи, не относящиеся к ценным, сдаются на склад для хранения либо уничтожаются по решению начальника ИУ, о чем составляется соответствующий акт, с ознакомлением осужденного под роспись. Такое же решение принимается и в отношении продуктов питания, полученных в неустановленном порядке.

Вещи, имеющиеся у осужденных сверх установленного веса, изымаются и сдаются на склад для хранения. Если хранящиеся на складе вещи понадобятся осужденным и не будут излишними, они могут выдаваться владельцам.

Обнаруженные на территории ИУ деньги, а также деньги, полученные после реализации через магазины комиссионной торговли иных ценностей и вещей, принадлежность которых установить не представляется возможным, в установленном порядке обращаются в доход государства.

§ 12. Порядок переписки осужденных, получения и отправления денежных переводов

Получение и отправление осужденными за счет собственных средств писем и телеграмм без их ограничения производится только через администрацию ИУ. С этой целью в каждом изолированном участке колонии вывешиваются почтовые ящики, из которых ежедневно, кроме выходных и праздничных дней, уполномоченными на то должностными лицами письма изымаются для отправления. В тюрьмах, ЕПКТ, помещениях камерного типа колоний и безопасных местах письма для отправления осужденные передают представителям администрации.

Письма опускаются в почтовые ящики или передаются представителю администрации в незапечатанном виде.

Письма, поступившие на имя осужденного после его убытия из ИУ, не позднее трех суток отправляются по новому месту нахождения.

Отправление телеграмм производится путем заполнения осужденными бланков установленной формы, получаемых у администрации ИУ. Отправление телеграмм производится не позднее следующего дня, если этому не препятствуют сложившиеся обстоятельства (поломка или отсутствие транспорта в тех случаях, когда ИУ значительно удалено от отделения связи, выходные или праздничные дни и др.). Квитанция об уплате денег за отправление телеграммы приобщается к личному делу осужденного после его росписи на ней.

Получаемая и отправляемая осужденными корреспонденция подвергается цензуре со стороны администрации исправительного учреждения. Переписка осужденного с судом, прокуратурой, вышестоящим органом уголовно-исполнительной системы, а также с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации, общественной наблюдательной комиссией, созданной в соответствии с законодательством Российской Федерации, Европейским судом по правам человека цензуре не подлежит. Переписка осужденного с защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, цензуре не подлежит, за исключением случаев, если администрация исправительного учреждения располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц. В этих случаях контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений осуществляется по мотивированному постановлению руководителя исправительного учреждения или его заместителя**.

Денежные переводы, поступившие осужденным, зачисляются на их личные счета.

Для отправления перевода близким родственникам и иным лицам осужденный заполняет бланк установленной формы и заявление с просьбой перевести конкретную сумму из средств, имеющихся на его личном счете. Прием заполненных бланков и заявлений осуществляется уполномоченными на то должностными лицами. Осужденному сообщается об отправлении денежного перевода под роспись на квитанции, которая приобщается к его личному делу.

При отправлении денежных переводов иным лицам осужденный, кроме того, сообщает в заявлении причины, по которым он хочет отправить перевод. Решение администрации по данному заявлению принимается, как правило, не позднее 5 дней со дня подачи заявления. О принятом решении сообщается осужденному.

§ 13. Предложения, заявления, ходатайства и жалобы осужденных**

Каждый осужденный может изложить предложение, заявление, ходатайство или жалобу устно либо письменно**.

Осужденные граждане Российской Федерации могут вести переписку, обращаться с предложениями, заявлениями, ходатайствами и жалобами на государственном языке Российской Федерации либо по их желанию на государственном языке субъекта Российской Федерации по месту отбывания наказания. Осужденные иностранные граждане и лица без гражданства вправе делать это на родном языке или на любом другом языке, которым они владеют, а в необходимых случаях пользоваться услугами переводчика. Ответы осужденным даются на языке обращения, а при отсутствии такой возможности – на государственном языке Российской Федерации с переводом ответа на язык обращения, обеспечиваемым учреждением, исполняющим наказание**.

Осужденные иностранные граждане имеют право поддерживать связи с дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями своих государств в Российской Федерации, а граждане государств, не имеющих дипломатических представительств и консульских учреждений в Российской Федерации, – с дипломатическими представительствами государств, взявших на себя охрану их интересов, или с межгосударственными органами, занимающимися защитой указанных осужденных.

Осужденные вправе подавать предложения, заявления, ходатайства и жалобы только от своего имени**.

Все письменные предложения, заявления, ходатайства и жалобы направляются по адресу через администрацию ИУ. Они регистрируются в отделах специального учета или в канцелярии колонии**.

Предложения, заявления, ходатайства и жалобы, адресованные в органы, осуществляющие контроль и надзор за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, не позднее одних суток (за исключением выходных и праздничных дней) направляются по принадлежности**.

Предложения, заявления, ходатайства и жалобы, адресованные в иные органы и общественные объединения, не позднее чем в трехсуточный срок направляются адресату**.

К первичным заявлениям, ходатайствам и жалобам в судебные органы, а также к заявлениям, ходатайствам о переводе в другое ИУ приобщаются справки – характеристики**.

Ответы по результатам рассмотрения предложений, заявлений, ходатайств и жалоб не позднее чем в трехдневный срок после поступления под роспись объявляются осужденным и выдаются им на руки. При отказе заявителя хранить ответ у себя он приобщается к личному делу осужденного*, **.

На предложения, заявления и жалобы, изложенные в письменном виде, в полной мере распространяется действие абзаца 5 § 12 настоящих Правил.

§ 14. Порядок предоставления осужденным свиданий

В порядке, установленном ст. 89 УИК Российской Федерации, осужденным предоставляются краткосрочные свидания с родственниками или иными лицами в присутствии представителя администрации ИУ. Длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания с супругом (супругой), родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, родными братьями и сестрами, дедушками, бабушками, внуками, а с разрешения начальника ИУ – с иными лицами**.

Разрешение на свидание дается начальником исправительного учреждения или лицом, его замещающим⁷, по заявлению осужденного либо лица, прибывшего к нему на свидание. При отказе в предоставлении свидания на заявлении желающего встретиться с осужденным делается пометка о причинах отказа. Документами, удостоверяющими личность прибывшего на свидание, а также их родственные связи с осужденными, являются: паспорт, военный билет, удостоверение личности, свидетельство о рождении, свидетельство о браке, документы органов опеки и попечительства.

Осужденные, как правило, освобождаются от работы на период длительных свиданий с последующей или предшествующей отработкой.

Первое свидание может быть предоставлено осужденному сразу же после прибытия осужденного из карантинного помещения в отряд, независимо от того, имел ли он предыдущее свидание в местах содержания под стражей. При наличии права на краткосрочное и длительное свидания вид первого определяет осужденный. Последующие свидания предоставляются по истечении периода, равного частному от деления двенадцати месяцев на количество свиданий данного вида, полагающихся осужденному в год.

Время, в течение которого свидания осужденным не предоставлялись в связи с введением режима особых условий, засчитывается в срок, по истечении которого осужденным могут быть предоставлены свидания.

⁷ Далее: начальник ИУ, если иное не предусмотрено по тексту.

Продолжительность свиданий может быть сокращена администрацией по настоянию лиц, находящихся на свидании. Объединение свиданий либо разъединение одного свидания на несколько не допускается.

На свидания осужденные должны являться в опрятном виде. На период длительных свиданий они могут пользоваться одеждой, бельем и обувью, принесенными родственниками. Осужденные до и после свиданий подвергаются полному обыску.

Осужденному разрешается длительное свидание одновременно не более чем с двумя взрослыми лицами, вместе с которыми могут быть несовершеннолетние братья, сестры, дети, внуки осужденного.

Длительные свидания с иными лицами предоставляются лишь в случаях, когда, по мнению администрации, такие свидания не будут отрицательно влиять на осужденного.

Лица, прибывшие на свидание с осужденными, после разъяснения им администрацией ИУ порядка проведения свидания, сдают запрещенные вещи на хранение до окончания свидания младшему инспектору по проведению свиданий под расписку.

Граждане, прибывшие на свидания, их одежда и вещи могут быть досмотрены. В случае обнаружения скрытых от досмотра запрещенных вещей администрация ИУ принимает меры в соответствии с требованиями действующего законодательства Российской Федерации и настоящих Правил.

Если лицо, прибывшее на свидание, откажется от досмотра вещей и одежды, длительное свидание с осужденным ему не разрешается, однако может быть предоставлено краткосрочное.

При нарушении прибывшими установленного порядка проведения свидания оно немедленно прерывается.

Пронос каких-либо продуктов или вещей лицами, прибывшими на свидание с осужденными, в комнаты краткосрочных свиданий не допускается. На длительные свидания разрешается проносить продукты питания (за исключением винно-водочных изделий и пива).

Проживание в комнатах длительных свиданий прибывших на свидания с осужденными лиц оплачивается ими или осужденными за счет собственных средств по тарифам и ставкам, определенным в установленном порядке для гостиниц III категории.

Замена видов свиданий и свиданий на телефонные разговоры производится по письменному заявлению осужденного.

Для получения юридической помощи осужденным по их заявлениям предоставляются свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи. По заявлению осужденного свидания предоставляются наедине**.

В число свиданий, установленных законодательством, такие свидания не засчитываются, их количество не ограничивается, проводятся они продолжительностью до 4 часов в нерабочее для осужденных время и лишь в часы от подъема до отбоя**.

§ 15. Порядок предоставления осужденным телефонных разговоров

Осужденным к лишению свободы предоставляется право на телефонные разговоры в соответствии со ст. 92 УИК Российской Федерации.

Телефонный разговор предоставляется по письменному заявлению осужденного, в котором указывается адрес, номер телефона абонента и продолжительность разговора, не превышающая 15 минут. Телефонные разговоры оплачиваются осужденными за счет собственных средств или за счет средств их родственников или иных лиц. Телефонные разговоры могут контролироваться администрацией**.

По прибытии в исправительное учреждение, а также при наличии исключительных личных обстоятельств администрация исправительного учреждения предоставляет осужденному возможность телефонного разговора по его просьбе**.

В исключительных случаях с разрешения начальника исправительного учреждения осужденному может быть разрешен телефонный разговор с родственником, отбывающим наказание в виде лишения свободы**.

§ 16. Порядок приема и получения осужденными посылок, передач, бандеролей

Осужденным разрешается получение установленного ст. ст. 121, 123, 125, 127 и 131 УИК Российской Федерации числа посылок, передач и бандеролей.

Посылки, передачи и бандероли осужденные могут получать сразу же по прибытии в исправительное учреждение. При их поступлении в адрес лиц, не имеющих на то права, а также освобожденных либо умерших, возвращаются отправителям наложенным платежом с указанием причин возврата. Посылки и бандероли, адресованные осужденным, переведенным в другие исправительные учреждения, пересылаются по месту их нового содержания за счет исправительного учреждения.

Вскрытие и досмотр содержимого посылок, передач или бандеролей производятся сотрудниками ИУ в присутствии адресатов. Обнаруженные запрещенные вещи изымаются, и по ним принимается решение в соответствии с параграфом 11 настоящих Правил. Содержащиеся в передачах запрещенные вещи возвращаются передающему их лицу с указанием причин возврата.

По фактам изъятия из посылок, передач и бандеролей запрещенных вещей, которые могли быть использованы осужденными в преступных целях, в установленном порядке проводится проверка.

Перечень и вес вложений посылок, передач и бандеролей регистрируются в специальном журнале, после чего они выдаются осужденному под расписку.

Родственникам осужденных или иным лицам, прибывшим в ИУ, администрация разъясняет, что вместо положенных посылок, передач, бандеролей они имеют возможность приобрести через магазин ИУ продукты питания и предметы первой необходимости с целью последующей передачи осужденным. В этом случае указанные лица подают заявление в двух экземплярах, в котором перечисляют количество и вес продуктов питания и предметов первой необ-

ходимости для передачи осужденным, и оплачивают их стоимость. После получения осужденными таких передач первые экземпляры заявлений вручаются лицам, оплатившим эти передачи, а вторые приобщаются к личному делу.

Посылки, передачи и бандероли осужденным, содержащимся в штрафных изоляторах, вручаются после отбытия меры взыскания. Администрация ИУ обеспечивает сохранность вложений посылок, передач и бандеролей, однако при естественной порче этих вложений в силу длительного хранения ответственности не несет.

Между предыдущей и последующей посылками, передачами и бандеролями выдерживается период, равный частному от деления двенадцати месяцев на общее количество посылок (передач и бандеролей), полагающихся осужденному в год (без учета полученных в порядке поощрения). При переводе осужденного из одних условий содержания в другие периодичность получения следующих посылок, передач, бандеролей исчисляется от даты получения последней на предыдущих условиях содержания.

Осужденные могут по заявлению за счет собственных средств отправлять родственникам и иным лицам посылки и бандероли с продуктами питания и предметами первой необходимости, приобретенными в магазине ИУ, а также предметы и вещи, находящиеся в личном пользовании или хранящиеся на складе. Досмотр таких отправок производится представителями администрации в присутствии осужденного.

§ 17. Порядок приобретения осужденными продуктов питания, вещей, предметов и оказания дополнительных услуг

Для продажи осужденным продуктов питания, вещей и предметов в исправительных учреждениях организуются магазины, работающие ежедневно, за исключением выходных и праздничных дней. Осужденные вправе пользоваться этими магазинами во время, отведенное распорядком дня, с учетом очередности (по отрядам и бригадам) по безналичному расчету.

Для осужденных, содержащихся в помещениях камерного типа, ЕПКТ, одиночных камерах, безопасном месте и запираемых помещениях, освобожденных из-под стражи под надзор администрации ИУ, а также осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя и проживающих за пределами ИУ, по их заявлениям продукты питания и предметы первой необходимости приобретаются сотрудниками исправительного учреждения (начальником отряда или лицом, его замещающим). С этой целью каждому осужденному, имеющему право на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, выдаются бланки-заявления (приложение № 5), которые после заполнения сдаются администрации. Сотрудник, производящий закупку, предварительно проверяет в финансовой части либо бухгалтерии наличие денег на лицевом счете осужденного. Купленный товар вручается осужденному под роспись на заявлении.

Закупка продуктов питания и предметов первой необходимости для лиц, содержащихся в помещениях камерного типа, ЕПКТ и одиночных камерах, производится два раза в месяц.

Кроме того, осужденные по своему желанию могут за счет собственных средств пользоваться услугами предприятий коммунально-бытового обслуживания, расположенных в районе дислокации исправительного учреждения.

К таким услугам относятся: пошив одежды и обуви гражданского образца, их ремонт, чистка одежды, ремонт бытовой техники, имеющейся у осужденных, фотовидео съемка (производится под контролем администрации), парикмахерские услуги, копирование судебных документов, других документов, имеющих в личных делах осужденных, нотариальные услуги. Осужденные могут оплачивать заочное обучение.

С согласия администрации исправительного учреждения осужденному может быть предоставлена возможность воспользоваться другими услугами, не предусмотренными в настоящем параграфе.

Дополнительные услуги, оплачиваемые осужденными за счет собственных средств, предоставляются по их заявлению на имя начальника ИУ.

Для оказания услуги администрацией в колонию приглашается соответствующий специалист (работник).

Оплата дополнительных услуг осуществляется путем почтового (телеграфного) перевода денег с лицевого счета осужденного в адрес соответствующего предприятия, учреждения, организации или специалиста (работника), их оказавшего, в сумме, указанной в заявлении осужденного.

§ 18. Порядок разрешения осужденным выездов за пределы исправительных учреждений

Разрешение на выезд за пределы ИУ дается начальником учреждения на основании письменного заявления осужденного.

К заявлению о разрешении краткосрочного выезда прилагаются документы, подтверждающие наличие исключительных личных обстоятельств (справки органов здравоохранения, органов местного самоуправления и другие официальные документы, удостоверенные органами внутренних дел⁸ по месту их выдачи, заявление осужденного для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства после освобождения и мотивированное ходатайство старшего инспектора по трудовому и бытовому устройству, социального работника).

Длительные выезды на время ежегодного оплачиваемого отпуска предоставляются по заявлению осужденного согласно графику. Очередность выездов осужденных, не обеспеченных работой по не зависящим от них причинам, устанавливается по отдельному графику. Разрешение на выезд дается с соблюдением требований ст. 97 УИК Российской Федерации и оформляется приказом начальника ИУ.

⁸ Работа органов внутренних дел в части обеспечения выездов осужденных за пределы ИУ регламентируется приложением 2 к Приказу МВД России от 23 ноября 1992 г. № 421 (регистрационный № 114 от 30.12.1992).

Осужденному, получившему разрешение на длительный или краткосрочный выезд, выдается удостоверение установленной формы (приложение № 6), разъясняется порядок выезда, и он предупреждается об уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы, о чем дает подписку (приложение № 7). Деньги из собственных средств на оплату расходов в связи с выездом выдаются бухгалтерией ИУ по письменному заявлению осужденного.

Проездные билеты осужденный приобретает самостоятельно. В необходимых случаях администрация учреждения оказывает ему в этом содействие.

На период выезда осужденный имеет право получить принадлежащую ему гражданскую одежду и обувь.

В суточный срок по прибытии к месту назначения осужденный обязан явиться в дежурную часть органа внутренних дел, а в сельской местности – к участковому инспектору милиции и получить в удостоверении отметку о прибытии, сообщить цель приезда, срок и место пребывания, дату убытия. По окончании выезда осужденный в том же органе внутренних дел должен получить в удостоверении отметку об убытии в учреждение. При убытии в ИУ в ночное время или рано утром отметка производится в день, предшествующий отъезду. Отметки о дате прибытия и убытия заверяются печатью органа внутренних дел.

По возвращении в учреждение осужденный предъявляет удостоверение, проездные билеты. В случае возникновения непредвиденных обстоятельств, затрудняющих выезд осужденного в установленный срок, по постановлению начальника органа внутренних дел по месту пребывания осужденного срок возвращения в исправительное учреждение может быть продлен до 5 суток с обязательным срочным уведомлением об этом администрации исправительного учреждения.

При заболевании во время выезда и необходимости госпитализации осужденный либо его родственники или иные лица срочно извещают об этом администрацию исправительного учреждения, где он отбывает наказание, и орган внутренних дел по месту пребывания. В этом случае он может быть направлен в ближайшее лечебное учреждение уголовно-исполнительной системы или лечебное учреждение органов здравоохранения. После окончания лечения и выписки осужденный в установленном настоящим параграфом порядке убывает к месту отбывания наказания.

§ 19. Организация и предоставление лечебно-профилактической и санитарно-профилактической помощи осужденным

Лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы организуется и предоставляется в соответствии с настоящими Правилами и законодательством РФ, а порядок оказания осужденным медицинской помощи, организации и проведения санитарного надзора, использования учреждений органов здравоохранения и привлечения их медицинского персонала устанавливается законодательством, нормативными правовыми актами Минздрава РФ и Минюста РФ.

В ИУ осуществляется: медицинское обследование и наблюдение осужденных в целях профилактики у них заболеваний, диспансерный учет, на-

блюдение и лечение методами и средствами, рекомендованными Министерством здравоохранения РФ, а также определение их трудоспособности.

В случаях, когда необходимая медицинская помощь не может быть оказана в лечебно-профилактических учреждениях и лечебных исправительных учреждениях, осужденные могут быть направлены, как правило, в территориальные лечебно-профилактические учреждения органов здравоохранения.

В исправительных учреждениях обеспечивается строгое выполнение санитарно-гигиенических и противоэпидемических норм и требований. Все осужденные, прибывшие в ИУ, проходят первичный медицинский осмотр и комплексную санитарную обработку, включающую в себя помывку, обработку одежды в дезкамере, короткую стрижку волос на голове, короткую правку бороды и усов (для мужчин), подмышечных впадин. В соответствии с медицинскими показаниями может быть произведена полная стрижка волосаного покрова. Осужденные в карантинных отделениях проходят обязательное медицинское обследование, включающее в себя осмотр врачами-специалистами, рентгенофлюорографическое и лабораторное исследование. Результаты обследования регистрируются в медицинской амбулаторной карте осужденного.

Прием осужденных в медицинских частях ИУ производится по предварительной записи и по назначению медперсонала в соответствии с режимом работы медицинской части ИУ.

Прием осужденными медицинских препаратов, полученных от родственников, осуществляется строго по медицинским показаниям и только под контролем медперсонала ИУ.

Осужденные, по их желанию, могут получать любую, оплаченную за счет собственных средств, дополнительную лечебно-профилактическую помощь, оказываемую специалистами органов здравоохранения в условиях лечебно-профилактических учреждений и лечебных исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы.

Для этого осужденный обращается с соответствующим заявлением к начальнику исправительного учреждения, где указывает вид дополнительной лечебно-профилактической помощи, которую он хотел бы получить, фамилию, имя, отчество медицинского специалиста. При решении данного вопроса учитывается мнение медицинских работников исправительного учреждения.

Заявление рассматривается в трехдневный срок, и определяется время прибытия медицинского специалиста. По прибытии специалиста устанавливается наличие у него права на занятие медицинской деятельностью.

Вид дополнительной лечебно-профилактической помощи и ее объем фиксируются в медицинской карте осужденного.

Оплата дополнительной лечебно-профилактической помощи осуществляется путем почтового (телеграфного) перевода денег с лицевого счета осужденного в адрес медицинского учреждения либо медицинского специалиста, ее оказавшего, в сумме, указанной в заявлении осужденного.

§ 20. Особенности размещения и условия содержания осужденных в лечебно-профилактических учреждениях

В лечебно-профилактических учреждениях изолированно от других категорий осужденных содержатся только мужчины, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы, а также осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы на определенный срок или пожизненным лишением свободы, осужденные к отбыванию лишения свободы в тюрьме. Эти осужденные содержатся в специально выделенных и оборудованных по тюремному типу палатах. Отдельно от других осужденных содержатся также несовершеннолетние, а женщины – отдельно от мужчин. Осужденные, больные инфекционными заболеваниями, содержатся раздельно по видам инфекций и отдельно от соматических больных.

Длительные свидания осужденным, находящимся в лечебно-профилактических учреждениях, не предоставляются, они могут быть заменены краткосрочными.

Количество предоставленных осужденным свиданий определяется по нормам, установленным УИК РФ для соответствующих видов исправительных учреждений.

В случае тяжелой болезни осужденного, ставящей в опасность его жизнь, начальник учреждения предоставляет возможность близким родственникам осужденного посетить его. Такое посещение в счет очередного свидания не засчитывается.

Если осужденные переводятся в лечебно-профилактические учреждения из штрафных изоляторов, либо помещений камерного типа колоний общего, строгого режимов, ЕПКТ, равно как из одиночных камер колоний особого режима, либо со строгого режима в тюрьмах в связи с симуляцией болезни, время их нахождения в лечебно-профилактическом учреждении в срок отбывания меры взыскания не засчитывается.

К осужденным, нарушающим установленный порядок отбывания наказания, могут применяться все предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством меры взыскания, если их исполнение не противоречит медицинским показаниям.

Осужденные, водворенные в штрафные изоляторы и переведенные в помещения камерного типа, получают необходимое лечение.

Осужденные, злостно нарушающие установленный порядок отбывания наказания, могут быть выписаны из лечебно-профилактического учреждения и возвращены по прежнему месту содержания только в случаях, когда это позволяют медицинские показания.

§ 21. Особенности условий содержания осужденных в лечебных исправительных учреждениях

Распорядок дня лечебных исправительных учреждений включает в себя лечебные мероприятия. Проверки наличия осужденных производятся по изо-

лированным участкам либо палатам путем количественного подсчета и пофамильной переклички не реже двух раз в сутки.

Длительные свидания предоставляются по нормам, установленным для соответствующего вида режима ИУ, при отсутствии медицинских противопоказаний у осужденных.

Труд осужденных организуется в соответствии с медицинскими показаниями, степенью трудоспособности и возможностью их трудоустройства в условиях лечебного исправительного учреждения.

Осужденные, водворенные в штрафные изоляторы, переведенные в помещения камерного типа, ЕПКТ, одиночные камеры, запираемые помещения, получают необходимое лечение.

В остальной части на указанную категорию осужденных настоящие Правила распространяются так же, как на осужденных, содержащихся в лечебно-профилактических учреждениях.

§ 22. Особенности содержания осужденных в строгих условиях отбывания наказания

Помещения, в которых проживают осужденные, отбывающие наказание в строгих условиях, оборудуются полным комплексом коммунально-бытовых объектов с обеспечением изоляции содержащихся в них лиц от осужденных, отбывающих наказание в других условиях.

Лица, обучающиеся в общеобразовательных школах, профессионально-технических училищах и на курсах профтехподготовки, в период пребывания в строгих условиях отбывания наказания исправительных колоний на занятия не выводятся. Им предоставляется возможность самостоятельной учебы и консультаций с преподавателями.

Культурно-массовые мероприятия с осужденными проводятся в пределах помещений, в которых они проживают. Пользование библиотекой и магазином обеспечивается в условиях изоляции от других осужденных.

Трудоиспользование, прием пищи, медицинский осмотр, санитарная обработка, амбулаторное лечение осужденных организуются отдельно от осужденных, отбывающих наказание в других условиях содержания.

§ 23. Особенности условий содержания осужденных в ШИЗО, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа, одиночных камерах

Осужденным запрещается брать с собой в штрафные изоляторы имеющиеся у них продукты питания и личные вещи, за исключением полотенца, мыла, зубной щетки, зубной пасты (зубного порошка), туалетной бумаги, средств личной гигиены (для женщин), а также выписанных ими журналов и газет**.

Осужденным, водворенным в штрафные изоляторы, разрешается пользоваться печатными изданиями из библиотеки учреждения**.

Письменные и почтовые принадлежности, имеющиеся у осужденных, хранятся у младшего инспектора по надзору за осужденными в ШИЗО и выдаются им на время написания корреспонденции.

Продукты питания сдаются на склад и выдаются осужденным после отбытия ими меры взыскания. Администрация принимает меры к их сохранности, однако если в силу естественных причин от длительного хранения продукты испортились, об этом комиссионно составляется акт и они уничтожаются.

Курение осужденным, водворенным в штрафной изолятор, запрещено (для обеспечения пожарной безопасности и соблюдения санитарно-гигиенических требований).

При приеме осужденных в штрафные изоляторы, помещения камерного типа, ЕПКТ, одиночные камеры они подвергаются полному обыску, после чего, при наличии возможности, переодеваются в одежду, закрепленную за этими помещениями.

С осужденных, содержащихся в штрафных изоляторах колоний-поселений, взыскивается полная стоимость питания, предоставленного им по установленным нормам.

Осужденным, переведенным в помещения камерного типа, ЕПКТ или одиночные камеры в порядке взыскания, не разрешается брать с собой имеющиеся у них личные вещи, кроме продуктов питания, полотенца, мыла, зубного порошка, пасты, зубной щетки, туалетной бумаги, табачных изделий и спичек (для женщин предметов гигиены).

Осужденным, содержащимся в помещениях камерного типа, ЕПКТ и одиночных камерах, разрешается иметь простые карандаши, авторучки, стержни, тетради, почтовые марки, открытки, конверты, пользоваться печатными изданиями из библиотеки учреждения, выписывать книги, журналы и газеты**.

Лица, обучающиеся в общеобразовательных школах, профессионально-технических училищах и на курсах профтехподготовки, в период нахождения в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, ЕПКТ и в одиночных камерах на занятия не выводятся. Им разрешается иметь при себе учебники и предоставляется возможность самостоятельной учебы и консультаций с преподавателями**.

При переводе осужденных из помещений камерного типа, ЕПКТ либо из одиночных камер в штрафные изоляторы за проступки, совершенные в помещениях камерного типа, ЕПКТ и в одиночных камерах, срок их содержания в штрафных изоляторах в срок содержания в помещениях камерного типа, ЕПКТ и в одиночных камерах не засчитывается. В случае перевода осужденного в помещение камерного типа, ЕПКТ за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания в штрафном изоляторе срок содержания в помещении камерного типа, ЕПКТ исчисляется после отбытия взыскания в штрафном изоляторе.

Прием пищи осужденными производится в камерах, а в рабочее время – на производственных объектах.

Медицинский осмотр и амбулаторное лечение осужденных, содержащихся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, ЕПКТ и в одиночных камерах, осуществляются в специально оборудованном помещении. Санитарная обработка производится отдельно от других осужденных. Больные осужденные размещаются в отдельных камерах по медицинским показаниям.

Постельные принадлежности осужденным, водворенным в штрафные изоляторы, переведенным в помещения камерного типа, ЕПКТ, одиночные камеры, выдаются только на период сна. При выводе за пределы помещения им выдается одежда по сезону.

Дежурство в камерах штрафных и дисциплинарных изоляторов, помещениях камерного типа, ЕПКТ возлагается поочередно на каждого осужденного. Обязанности дежурного устанавливаются администрацией ИУ. Уборку одиночных камер осуществляют лица, в них содержащиеся.

В случаях перевода осужденных из штрафных изоляторов, помещений камерного типа, ЕПКТ и одиночных камер в лечебно-профилактические учреждения по причинам, не связанным с симуляцией болезни, срок их нахождения в лечебно-профилактических учреждениях УИС засчитывается в срок отбывания взысканий.

К осужденным, содержащимся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа, одиночных камерах, по их просьбе приглашаются священнослужители, принадлежащие к зарегистрированным в установленном порядке религиозным объединениям, по выбору осужденных**.

Примечание. В экстренных случаях при отсутствии начальника исправительного учреждения, когда иными мерами пресечь совершаемое преступление или злостное нарушение режима невозможно, осужденные могут быть помещены в штрафные изоляторы, одиночные камеры ИК особого режима по постановлению оперативных дежурных исправительных колоний, дежурных помощников начальников тюрем до прихода начальника ИУ, но не более чем на 24 часа. Такая изоляция дисциплинарным взысканием не является.

§ 24. Правила поведения осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя за пределами ИУ, а также освобожденных из-под стражи под надзор администрации ИУ в порядке ст. 121 УИК РФ

Осужденные, пользующиеся правом передвижения без конвоя, а также освобожденные из-под стражи под надзор администрации ИУ, пользуются правом передвижения за пределами ИУ на основании пропуска установленного образца.

В свободное от работы время эти осужденные должны находиться в пределах общежития (объекта проживания), определенного им администрацией учреждения, и соблюдать правила поведения осужденного в ИУ.

Находясь вне жилой зоны или общежития (объекта проживания), осужденные обязаны:

- соблюдать маршрут и время передвижения, правила общественного порядка;
- своевременно возвращаться после работы в жилую зону или общежитие (объект проживания) и сообщать о явке представителю администрации;
- по первому требованию работников ИУ и сотрудников милиции предъявлять пропуск. Сдавать его при возвращении в жилую зону часовому КПП по

пропуску людей, а в общежитие (объект проживания) – представителю администрации, осуществляющему надзор.

Осужденным запрещается выходить из жилой зоны и общежития (объекта проживания) в не установленное расписанием дня время; в рабочее время оставлять объект работы; принимать для отправки, передачи письма и выполнять другие поручения осужденных и иных лиц; передавать пропуск другим лицам.

Осужденные, освобожденные из-под стражи под надзор администрации ИУ, с разрешения начальника учреждения могут устанавливать знакомства и посещать квартиры частных лиц, посещать учреждения, предприятия и организации для решения вопросов бытового и трудового устройства после освобождения.

Настоящие правила поведения объявляются осужденному под расписку, которая приобщается к его личному делу вместе с постановлением о предоставлении права передвижения без конвоя, об освобождении из-под стражи под надзор администрации ИУ.

§ 25. Перевод осужденного в безопасное место

При возникновении угрозы личной безопасности осужденного со стороны других осужденных и иных лиц он вправе обратиться по данному вопросу с устным или письменным заявлением к любому должностному лицу исправительного учреждения, которое обязано незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного.

Начальник ИУ по такому заявлению либо по собственной инициативе принимает решение о переводе в безопасное место или иные меры, устраняющие угрозу личной безопасности осужденного.

Помимо других помещений в этих целях могут быть использованы камеры штрафных изоляторов, помещения камерного типа и ЕПКТ.

Перевод такого лица в безопасное место производится по постановлению начальника ИУ на срок не свыше 90 суток, в экстренных случаях – оперативным дежурным до прихода начальника ИУ, но не более чем на 24 часа. В выходные и праздничные дни оперативный дежурный может продлить срок содержания в безопасном месте еще на 24 часа.

Перевод осужденного в безопасное место, в том числе в камеры штрафного изолятора, помещения камерного типа и ЕПКТ по указанным основаниям наказанием не является.

Ограничения, предусмотренные § 23 настоящих Правил, в этом случае на данного осужденного не распространяются.

В случае безуспешности перечисленных выше мер по обеспечению личной безопасности осужденного начальником ИУ принимается решение о его переводе в другое исправительное учреждение в установленном порядке (переводе лиц, угрожающих личной безопасности осужденного).

Приложение № 1

Перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах либо приобретать их**

1. Предметы, изделия и вещества, изъятые из гражданского оборота.
2. Все виды оружия.
3. Транспортные средства.
4. Взрывчатые, отравляющие, пожароопасные и радиоактивные вещества.
5. Деньги, ценные вещи.
6. Ценные бумаги, валюта зарубежных стран.
7. Оптические приборы.
8. Наручные и карманные часы в тюрьмах.
9. Продукты питания, требующие тепловой обработки (кроме чая и кофе, сухого молока, пищевых концентратов быстрого приготовления, не требующих кипячения или варки), дрожжи, сахар, продукты домашнего консервирования.
10. Все виды алкогольных напитков, пиво.
11. Духи, одеколон и иные изделия на спиртовой основе.
12. Наркотические средства, психотропные вещества и без медицинских показаний лекарственные вещества, предметы медицинского назначения.
13. Пишущие машинки, множительные аппараты.
14. Ножи, опасные бритвы, лезвия для безопасных бритв.
15. Колюще-режущие предметы, конструктивно схожие с холодным оружием.
16. Топоры, молотки и другой инструмент.
17. Игральные карты.
18. Фотоаппараты, фотоматериалы, химикаты, кинокамеры, видео-, аудио-записывающую технику, средства связи.
19. Любые документы (кроме документов установленного образца, удостоверяющих личность осужденного, копий приговоров и определений судов, ответов по результатам рассмотрения предложений, заявлений, ходатайств и жалоб, квитанций на сданные для хранения деньги, вещи, ценности)**.
20. Топографические карты, компасы, литература по топографии, единоборствам, служебному собаководству, устройству оружия.
21. Военная и другая форменная одежда, принадлежности к ней.
22. Одежда, головные уборы и обувь (за исключением тапочек, спортивных костюмов и спортивной обуви) неустановленных образцов.
23. Цветные карандаши, краски, копировальная бумага.
24. Порнографические материалы, предметы.
25. Электронно-вычислительные машины.
26. Электробытовые приборы (за исключением бытовых электрокипятильников заводского исполнения).
27. Вещи и предметы, продукты питания, полученные либо приобретенные в не установленном УИК Российской Федерации и настоящими Правилами порядке.

Примечания. 1. Настоящий перечень распространяется на осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях, за исключением пунктов 5, 9, 14, 22, 26.

2. Осужденным, находящимся в помещениях камерного типа, ЕПКТ, в одиночных камерах колоний особого режима, а также переведенным на строгий режим в тюрьмах, не разрешается приобретение и хранение чая, кофе.

3. При переводе в другое учреждение осужденным разрешается брать с собой только личные вещи, продукты питания и предметы, приобретенные ими в установленном порядке.

4. Количество вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденные могут иметь при себе, определяется начальником учреждения, исходя из местных условий и возможностей. Общий вес принадлежащих осужденному вещей и предметов, продуктов питания, включая находящиеся на складе, не может превышать 50 кг.

5. Телевизионные приемники и радиоприемники могут приобретаться только для коллективного пользования и устанавливаться в местах, определенных администрацией.

6. Ношение спортивных костюмов и спортивной обуви разрешается во время спортивно-массовых мероприятий.

Приложение № 2

Образцы нагрудных и нарукавных отличительных знаков для осужденных⁹

Приложение № 3

Примерный распорядок дня осужденных

Подъем – не позднее 5 – 6 часов утра.

Физзарядка (продолжительность) – до 15 мин.

Туалет, заправка коек – до 10 мин.

Утренний осмотр, утренняя и вечерняя проверки – до 40 мин.

Завтрак – до 30 мин.

Развод на работу – до 40 мин.

Рабочее время – в соответствии с трудовым законодательством.

Обеденный перерыв – до 30 мин.

Съем с работы, вечерний туалет – до 25 мин.

Ужин – до 30 мин.

Личное время – до 1 часа.

Воспитательные мероприятия – до 1 часа.

Культурно-массовая работа, учеба в школе, ПТУ – по отдельному графику.

Подготовка ко сну – до 10 мин.

Сон (непрерывный) – 8 часов.

Примечания. 1. Распорядок дня составляется в каждом исправительном учреждении исходя из местных условий, продолжительности светового дня, времени года.

⁹ Образцы и бланки, приводящиеся в Приложениях 2, 4, 5, 6, 7, в журнальном варианте не публикуются.

2. В случае, если осужденные работают на производстве в несколько смен, распорядок составляется для каждой смены.

3. Распорядок дня осужденных, содержащихся в карантинном отделении, строгих условиях отбывания наказания, помещениях камерного типа, ЕПКТ, одиночных камерах колоний особого режима, штрафных изоляторах, а также находящихся в ежегодном оплачиваемом отпуске и размещенных в изолированных участках, устанавливается отдельно.

4. Вывод осужденных на прогулку осуществляется с учетом их желания, за исключением случаев, необходимых для технического осмотра камер.

Приложение № 4

Образец журнал приема осужденных по личным вопросам

Приложение № 5

Образец лицевого счета осужденного, заявления на приобретение товаров и расписки осужденного

Приложение № 6

Образец удостоверения осужденного для краткосрочного или длительного выезда из ИУ или СИЗО

Приложение № 7

Образец подписки осужденного о том, что ему разъяснен порядок в краткосрочном или долгосрочном выезде

Приложение № 8

Перечень работ и должностей, на которых запрещается использование осужденных

На всех работах и должностях в управлениях, отделах (службах) территориальных органов уголовно-исполнительной системы; в административных зданиях, в которых размещается личный состав, осуществляющий охрану учреждений, находится (хранится) оружие, служебная документация, специальные технические средства.

Кроме этого, не допускается труд осужденных:

- по обслуживанию и ремонту технических средств охраны, а также размещенных во внутренней запретной зоне инженерных средств охраны;
- с множительной, радиотелеграфной, телефонной, факсимильной техникой;
- связанный с учетом, хранением и выдачей медикаментов, взрывчатых, отравляющих и ядовитых веществ;
- с подчинением им вольнонаемных работников;
- в качестве водителей оперативных машин;
- в качестве продавцов, бухгалтеров-операционистов, кассиров, заведующих продовольственными, вещевыми складами, а также складами со сложным и дорогостоящим оборудованием, кладовщиков.

Владимир Судаков

Скала из правил

«Неволя»: Основной смысл Правил внутреннего распорядка состоит, наверное, в том, чтобы, разумно регламентируя повседневную жизнь заключенных, максимально снизить произвол по отношению к ним и исключить неправомерные толкования положений Закона. Если это так, то некоторые правила не могут не удивлять, так как дают слишком широкое поле для толкования и, значит, для возможных наказаний.

К примеру, запрет на употребление нецензурных и жаргонных слов и выражений. С нецензурными словами – понятно, это общее правило жизни, но запрет на употребление жаргонных слов дает большие возможности для произвола со стороны начальников отрядов, да и любых представителей администрации, не говоря уже об активистах, преследующих собственные цели. Следовательно, количество наказанных за нарушение этого правила ограничено только фантазией начальника учреждения. Не лучше ли исключить это положение из Правил?

Владимир Судаков: Жаргон, жаргонные слова – это элемент тюремной субкультуры, и запрет накладывается для того, чтобы не распространять ее на тех лиц, которые попадают в места лишения свободы в первый раз. Случаев наказания за употребление жаргонных слов, если они не оскорбляют и не унижают человеческое достоинство, практически нет.

«Неволя»: Но они могут быть при возникновении любой конфликтной ситуации.

В.С.: По нашей информации таких случаев нет.

В. Судаков – первый заместитель начальника Управления безопасности ГУИН Минюста РФ, полковник внутренней службы, один из разработчиков действующих Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений – дал интервью редакции журнала в июне 2004 г.

«Неволя»: Еще пример. Даже при чтении очень угнетает правило, по которому осужденный может принимать пищу только в специально предусмотренных для этого местах. Это значит, что есть можно только в столовой? Это значит, что из столовой нельзя вынести даже свою пайку хлеба...

В.С.: Почему только в столовой? Есть иные оборудованные помещения для приема пищи.

«Неволя»: Правило, по которому человек не может пожевать сахар, когда ему этого захотелось – на рабочем перекуре, в казарме перед сном, – такое правило выглядит как-то не по-человечески. Борьба с такой потребностью человека можно, а искоренить ее – вряд ли. Значит, опять количество нарушителей определяется только волей и фантазией начальника. Можно столько нарушителей поймать за один день, что ни один ШИЗО не выдержит.

В.С.: Жалоб на это не поступает. А суть в том, что такое правило необходимо при большом скоплении людей. В качестве аналогии можно привести армейские порядки. Если пищу будут употреблять в постели, в общежитии, на рабочем месте, у станка, то нарушение санитарно-гигиенических норм неизбежно. Да и вообще, видели вы нормального цивилизованного человека, который идет и на ходу пьет пиво и закусывает пирожком? На работе перекуры предусматриваются распорядком каждые сорок пять минут в специально оборудованных местах, где можно заварить чай, выпить его. Это действительно естественная потребность человека, мы с вами тоже пьем чай на работе, и такая возможность для осужденных внутренним распорядком предусматривается.

«Неволя»: Правила внутреннего распорядка уже менялись, вероятно, будут меняться и дальше, и потому при их обсуждении хотелось бы, чтобы мы не просто отстаивали свою точку зрения, а попытались понять, что можно было бы изменить в этих Правилах к лучшему в дальнейшем. Если целью Правил является регламентация и исключение произвола в определении нарушений и нарушителей, то норма, запрещающая выносить из столовой кровную хлебную пайку, – очень неудачна. То, что нет жалоб, на практике означает, что администрация смотрит сквозь пальцы на то, что каждый выносит из столовой свою тюху. Но при любом конфликте правило тут же вступит в силу. Такое положение и провоцирует произвол.

В.С.: Мой опыт свидетельствует, что если в учреждении все в порядке, то заключенным не надо брать ничего из столовой, существует комната приема пищи, где хранится пища, принадлежащая осужден-

ным, приобретенная ими в ларьке, и когда человеку захочется, он может там поест.

«Неволя»: Сильное недоумение вызывает список запрещенных вещей, прилагаемый к Правилам. Вот, например, запрещены электроприборы, кроме кипятильников, и одновременно запрещены лезвия и опасные бритвы. Так как же бриться? В парикмахерские и не всегда попадешь, и там бывает не слишком гигиенично. Или запрет на цветные карандаши. Я понимаю, что администрации не очень уютно с виртуозами рисовальщиками или граверами, и круговой запрет проще – тут думать не надо. Но, может, лучше подумать? А зачем запрещать вычислительную технику? К ней бы, наоборот, приучать. А запрет часов, когда весь распорядок все равно по часам. Не лучше ли пересмотреть этот список, а не плодить нарушения и потом с ними бороться.

В.С.: Часы запрещены только в тюрьмах, так как там они становятся чем-то вроде валюты и провоцируют картежные игры и подобные нарушения. Электронно-вычислительная техника запрещается для предотвращения незаконных связей и несанкционированного общения. Для бритья существуют разовые станки, они разрешены. Цветные карандаши запрещены, чтобы в учреждении не появлялись карты или фальшивые деньги. А для творчества в культурно-воспитательной части осужденные могут пользоваться и карандашами, и красками.

«Неволя»: Вы, как один из разработчиков Правил, стремились к тому, чтобы оградить человеческое достоинство осужденных от унижительного обращения.

В.С.: Да, разумеется, и одновременно обеспечить исполнение наказания, предусмотренное законом.

«Неволя»: Оценить, что унижает человеческое достоинство, можно, только примеряя ту или иную норму на себя. Вот есть такое правило: осужденный обязан приветствовать представителей администрации и иных допущенных в зону лиц на «вы» и вставанием. Знаете, это очень похоже на то, что описано у Власа Дорошевича в «Каторге». Только там еще полагалось снимать шапку. Да и сейчас у нас на многих зонах существует требование снимать шапку. Представляете, входит какой-нибудь молоденький журналистик, а в камере – старики. И они должны вскакивать. Можно бы ограничиться тем, что предписывают обычные правила вежливости.

В.С.: Тут у меня много «за» и «против». Что такое обычные нормы вежливости? У англичан принято снимать шляпы, здороваясь. И если эту норму человек не выполняет, то он становится изгоем в своем кругу. А школьники, когда входит учитель, тоже пусть не встают? И рядо-

вые при появлении офицера? Это нормальные элементы этикета, привнесенные из других слоев общества.

«Неволя»: Есть еще одна норма, которая очень часто толкуется начальством учреждений абсолютно произвольно: «Передвижения групп осужденных на территории только строем». Разве нельзя сказать «колоннами от двух до пяти человек», «группами»? Слово «строй» начальники понимают по-разному, некоторые считают, что строем – это с песней и запевалой. Я такое видел.

В.С.: Не вижу в этом ничего плохого. Передвижение осужденных строем с песней можно увидеть только в детских колониях. В детских колониях очень часто желают пройти строем.

«Неволя»: Желаящим можно разрешить по их просьбе волей начальника учреждения. А пока, мы снова оставляем место произволу в наказаниях. Написали бы «колоннами по двое или по пятеро»...

В.С.: Колонна – это тоже самое, что строй, а группа – нечто аморфное, не поддается учету и управлению.

«Неволя»: В Правилах есть и новшество, которое очень радует, – о предоставлении отпуска. Хотелось бы знать, как это осуществляется на практике? Если взять какую-нибудь среднюю зону, как часто там пользуются таким правом?

В.С.: Статистических данных у меня нет, но знаю, что на общем режиме это бывает чаще, чем на строгом режиме. Но практически нет колоний, где этим правом осужденные не пользовались бы. К сожалению, не все они возвращаются.

«Неволя»: Некоторые заключенные хотят учиться. А норма, касающаяся количества личных вещей, в том числе учебников и книг, целиком отдается на усмотрение начальника колонии. На это много жалоб, и именно с мотивировкой «мешают учиться». Нельзя ли в Правила ввести положение о том, что десять книг учебной литературы может иметь каждый и всегда? Зачастую малограмотный начальник отряда думает: ах, ты хочешь быть грамотным, я тебе покажу! А ведь если человек хочет учиться, это самый верный путь к тому, чтобы он изменился.

В.С.: Ограничений на учебную литературу для лиц, которые учатся в школе, в ПТУ и т.д., не существует. Каждое учреждение без исключений имеет библиотеки, книжный фонд достаточно большой. Условия содержания не позволяют иметь личные библиотеки. Но десять учебников всегда можно держать, здесь никаких вопросов не возникает. Это никогда не было поводом для наказания. Сейчас даже в ШИЗО разрешено пользоваться учебниками.

«Неволя»: Вопрос, который не имеет прямого отношения к ПВР. Ссылаясь на недостаточное финансирование и не желая проявлять инициативу, очень часто в учреждениях в качестве строгих условий содержания используют камеры ШИЗО и камеры ПКТ. А это же совершенно разные виды содержания.

В.С.: Для того чтобы создать запираемые помещения для строгих условий содержания, нужны деньги. Денег этих государство не выделяло. Начальник же должен соблюдать закон. И если у него есть пустующие камеры, он вынужден это делать – ему просто негде больше содержать заключенных. Кроме того, в камерах ШИЗО и ПКТ соблюдается именно режим строгих условий отбывания наказаний. Там и питание, и посылки – как полагается по условиям этого режима. Но это вынужденная мера. Мы требуем, чтобы по возможности эти помещения реконструировались под те требования, которые предъявляются для строгих условий содержания, – это должно быть общежитие, запирающееся помещение, которое исключает общение этой категории осужденных с другими категориями осужденных.

«Неволя»: Скажите, как вообще организуется пересмотр Правил, новая их редакция или просто внесение каких-то изменений? Ведь Правила уже пересматривали ранее и, наверное, будут пересматривать еще. Какие события побуждают к этому? Могут ли этим событием стать просьбы самих осужденных?

В.С.: В принципе изменения в Правилах могут инициировать и сами осужденные. Например, ранее ответы на обращения осужденных хранились только в их личных делах, а теперь можно получать их на руки, и это изменения Правил произошло по ходатайству осужденных. Но в большинстве случаев изменения Правил инициируются изменениями в законодательстве.

Григорий Пасько

Эскимосские правила

Всегда найдутся эскимосы, которые напишут для жителей Бельгийского Конго правила поведения в тропическую жару

Станислав Ежи Лец

В колонии строгого режима я существовал уже при нынешних – новых – Правилах внутреннего распорядка. Примечательно, что, как и в следственном изоляторе, я ни у кого из заключенных не видел этих правил в частном пользовании. Потом мне стало ясно, что и администрация колонии не была заинтересована в том, чтобы осужденные читали эти правила (и вообще – читали); и осужденным они были «до лампы», потому что толку от них – как мяса в баланде.

На мой взгляд, зря государство в лице ГУИН боится давать зекам правила: в них нет ничего такого особенно полезного или вредного для «спецконтингента» (так, стыдливо, государство называет осужденных). Ну, вычитают они, что гражданин начальник должен обращаться к ним на «вы», ну, поржут маленько. Как и над тем, что запрещено иметь ножи, деньги, а письма прокурору не должны вскрываться...

В России правила (причем любые) не соблюдаются, как правило, никем – ни теми, кто пишет, ни теми, для кого они написаны. Исходя из опыта, приведу некоторые примеры.

Начну с положения о распределении осужденных по отрядам «с учетом их личностных особенностей, привлечении их к труду, обучению в системе общего и профессионального образования». К моменту железнодорожно-купейного прибытия на зону у меня, помимо «май-дана», за плечами было два высших образования и год заочной учебы

на юридическом факультете одного из московских университетов. Комиссия колонии решила, что с таким багажом дальше столярного цеха человека посылать нельзя. Ну не библиотекарем же его делать! (Вакансия как раз была.) Так я полгода и строгал доски, шпонил, собирал мебель, за что, собственно, в какой-то мере и благодарен тем, кто по-своему истолковал правила внутреннего распорядка (ПВР).

Из перечня прав осужденных я снова, в который раз уже, выделяю право «знать свои обязанности». Подозреваю, что фразу эту лет сто назад придумал какой-то юморист, а потом она так прижилась, что нынешнее поколение гуиновцев не сразу даже замечает, в чем тут юмор.

Впрочем, многие пункты перечня прав осужденных по-своему юморные. Вот, к примеру, право на вежливое обращение со стороны персонала. То-то умер бы со смеху гражданин майор Сушков из УЦ 267/41, что под Уссурийском, если бы вдруг узнал о том, что он с зеками должен быть вежливым. «Да их же, б...й, – говаривал он, – куда ни целуй – всюду жопа». Возможно, гражданин начальник и прав. Возможно, на личном опыте убедился.

Или возьмем право осужденных на участие в культурно-массовых мероприятиях и пользование библиотекой. Помнится, за полгода пребывания в УЦ я так ни разу и не смог попасть ни в библиотеку, ни на культурно-массовые мероприятия. Хотя очень хотелось. Не смог потому, что с семи утра до семи вечера ежедневно, а зачастую и в субботу, и в воскресенье я культурно и массово собирал мебель в цеху. И книжку там видел всего одну – приема и сдачи инструментов. Поэтому, когда администрация лагеря перед условно-досрочным освобождением (УДО) написала в характеристике, что я не участвовал в культурных мероприятиях, судья спросила моего отрядника, а чем, собственно, занимался осужденный П. в то время, когда пионеры песни приезжали петь? Выяснилось, что осужденный П. в это время слушал в цеху вежливое обращение бригадира («бугра») к себе подобным по поводу недопере-выполнения плана. Словом, не «проканал» задумка администрации УЦ «пришить» мне пассивную тягу к светлому и прекрасному.

Справедливости ради отмечу, что право осужденного на вступление в самостоятельные организации не просто поощрялось, но как-то очень даже заметно было переведено в разряд обязанностей. Все дело в том, что зона была «красной», и так называемые «самостоятельные организации» – это не что иное, как отряды помощников оперов и прочих сотрудников зоны. Помнится, были у нас и культорги, и спортор-

ги (как Буданов, например), и еще какие-то организаторы... Их было видно издали – они носили красные повязки. (Их еще называют «вязаные».) Поскольку я наотрез отказался от повязки, то и «оргом» меня никаким не назначили. (Да и куда мне, с моими-то двумя высшими...) Поэтому ни правом на самостоятельность, ни привилегиями от нее мне воспользоваться не удалось.

Насчет права осужденных «пользоваться услугами адвокатов, а также других лиц, имеющих право на оказание юридической помощи; обращаться с предложениями, заявлениями, ходатайствами и жалобами к администрации учреждения, в вышестоящие органы уголовно-исполнительной системы, суд, органы прокуратуры, органы государственной власти и органы местного самоуправления...» скажу: все это только на бумаге. На деле либо никто никуда не обращается, потому что бесполезно, либо администрация учреждения сама активно препятствует таким обращениям.

Зеки за помощью обращались в общественные организации (довольно редко, как я заметил) и к тем, кто соображал в юриспруденции (тоже нечасто по причине немногочисленности таковых). Уважаемы были и книжки из серии, которую выпустил в свое время Андрей Бабушкин, – что-то в помощь осужденным-арестованным. Фактов обращения осужденных за помощью к представителям родного государства я не помню ни одного.

Теперь об обязанностях, высеченных в ПВР. Например, сказано: «Иметь короткую стрижку волос на голове, короткую правку бороды и усов...» Гражданин майор Сушков считал, что коротко – это почти налысо. Несогласные, пытавшиеся по-своему определять значение слова «коротко», не соглашались обычно в «шизо» или ПКТ. Помнится, перед УДО Сушков и меня зацепил. Я покорно сел на стул перед лагерным парикмахером и спросил гражданина майора: «А что, если какой-нибудь Путин после моего освобождения спросит, какой дурак меня заставил так по-идиотски постричься?» Сушков подумал (а как раз по радио и ТВ шел шум насчет моего УДО) и приказал парикмахеру сменить насадку на машинке. Налысо меня не постригли.

Умиляет требование ПВР не употреблять нецензурные и жаргонные слова, давать и присваивать клички. Кличек не дают – зеки не собаки. У этого контингента есть «погоняло» или «погремушка». Собственно, есть «погремухи»-прозвища и у каждого из сотрудника колонии. Один из них при знакомстве со мной представился Шляпой. Я по наивности думал, что у него фамилия такая. Оказалось – погоняло.

А вот сага о нецензурщине. В одном из писем жене я написал: «Знать бы, какая сволочь вычеркнула меня из списка поощренных...» Было возбуждено административное расследование, создана специальная комиссия. В комиссию вошли трое офицеров колонии. Вызвали. Вхожу. Стою. Они беседуют промеж собой при мне. О новостях в стране и мире, о ценах на бензин, о зарплатах... Я с трудом пытаюсь услышать нематерные слова. Тщетно. Дальше обо мне: «Ты, бля, х...ю написал, не уважаешь нас, бля...» Я говорю: «Вы бы себя со стороны услышали – сами без мата слова сказать не можете, а мне нецензурщину шьете». Удивленно переглянулись и говорят: «Ладно, иди отсюда, бля...»

Я думаю, если условием приема на работу сотрудниками исправительных учреждений ставить отказ от мата, то в России придется закрыть все ИУ.

Есть в правилах параграфы, которые полностью отданы на откуп «кумовьям» – оперативным работникам ИУ (читай – уиновским эфэсбэшникам). К примеру, параграф о порядке переписки осужденных. Штатный цензор колонии – это человек ФСБ. Как правило, всех «неблагонадежных» куманьки уже знают заранее, с приходом документов осужденных в ИУ. Соответственно, проводится работа со стукачами, отрядниками, буграми и цензором. Конечно, находящийся под пристальным вниманием зек и сам знает, о чем писать, а о чем умолчать. В случае же действительно острой необходимости связаться с кем-то на воле в ход идут нелегальные пути связи. А официальная отправка писем и телеграмм – это так, для души, для родственников. О делах в таких письмах редко пишут.

Разумеется, не соблюдается и требование ПВП о том, что «переписка осужденного с судом, прокуратурой, вышестоящим органом уголовно-исполнительной системы, а также с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации, общественной наблюдательной комиссией (это вообще редкое явление в российской действительности. – Г. П.), созданной в соответствии с законодательством Российской Федерации, Европейским судом по правам человека цензуре не подлежит». Еще как «подлежит»! И не просто «подлежит», а подвергается перлюстрации в первую очередь. Ведь и начальнику колонии – «хозяину», и операм хочется узнать, что же там зек накалякал прокурору или оперуполномоченному по правам. Если накалякал – с автором будут работать. Разумеется, письмецо в конверте посоветуют порвать.

Предметом особых спекуляций для администрации служит требование ПВР о предоставлении осужденным свиданий. «Свиданку» могут отменить под любым предлогом. Например, в ШИЗО посадят накануне. Или выговор объявят. Да мало ли что. Мне, к примеру, один раз отменили свидание с женой на том основании, что... уже было свидание с женой. Я, конечно, удивился, потому что наверняка запомнил бы такой факт. Оказалось, что в журнал свиданий в качестве моей жены была записана Анна Нейстат, сотрудница российского бюро международной правозащитной организации Хьюман Райтс Вотч, которая приезжала в колонию на встречу со мной вместе с руководителем бюро Александром Петровым. Ошибку исправили, свидание предоставили, но времени и нервов на это ушло предостаточно.

О перечне вещей и предметов, запрещенных в пользовании осужденных, скажу отдельно. Вначале коротко: почти все, что запрещено, за исключением разве что оружия, имеется в наличии в ИУ. Ну, и кроме того, что совсем уж никому не нужно. Например, оптические приборы и радиоактивные вещества, валюта зарубежных стран, электронно-вычислительные машины и топографические карты (не путать с порнографическими). Все остальное – пожалуйста. Возьмем деньги. В соответствии с правилами – не положено. Тем не менее раз в месяц в УЦ 267/41 по громкой трансляции на весь лагерь звучала команда (!): всем, у кого есть деньги, разрешается отовариться в магазине. Владельцы денег приходили и открыто, на виду у всей администрации ИУ, покупали сгущенку и пряники. При этом сотрудники администрации, ни слова не говоря зекам, тупо записывали в тетрадки фамилии владельцев денег. И все. Репрессий не было. Просто факт наличия денег всплывал в памяти администрации тогда, когда ей это было нужно. Например, в качестве повода для запрета свидания или перед заседанием комиссии по УДО.

Особенно нелепым мне кажется запрет на пользование ножами, под которыми администрация ИУ понимает также и консервные ножи. Получается, что банку сгущенного молока в магазине зек купить может, а вот открыть ее – нельзя. Конечно, у всех были и консервные ножи, и просто ножи. Потому что администрация фактически разрешала в бараках готовить пищу. Так же, как разрешала иметь в пользовании продукты питания, требующие тепловой обработки. И я, кстати, не помню ни одного случая, чтобы наличие ножей и этих продуктов послужило поводом для конфликта сторон. Почему? Потому что обе

стороны понимали: запретом ничего не добьешься. В свою очередь осужденные соблюдали элементарные правила санитарии, следили за работой холодильников и электроплит... Словом, делали все, чтобы у администрации не было причин запрещать.

Мне кажется, что государство в лице ГУИН порой излишне подозрительно относится к осужденным, словно ждет от них какой-то подлости и гадости. Отсюда – состояние необъявленной войны, конфронтация. Зачем? Зеки ведь понимают, что не уиновцы их ловили и приговаривали к длительным срокам лишения свободы. Объектом ненависти заключенного может быть только подлый «мусор» – сотрудник милиции или ФСБ, который, по мнению зека, несправедливо возбудил уголовное дело, и судья, который «дал много». Умные уиновцы это понимают и стараются ничем глупым не усложнять жизнь осужденных и – как следствие – свою жизнь.

Из «пещерных» требований ПВР я бы отметил запрет на пользование телефоном в любое удобное для зеков время (за свой счет, разумеется, а то, не дай Бог, государство Российское разорится); на пользование компьютером (без входа в Интернет хотя бы); фотоаппаратом, одеколоном (в разумных количествах на одного человека), удобной одеждой и обувью (а не тем убожеством, что предлагает ГУИН), цветными карандашами и красками, радиоприемниками и многим другим.

Я не знаю, сколько еще веков должно пройти, чтобы в России поняли идиотизм запрета на то, что во всем мире уже давно не запрещено.

Может, во всем мире эскимосы давно поумнели, а наши по-прежнему сочиняют правила. Сочиняют для всех, не только для жителей Конго.

ТЮРЬМА И ЦЕНзуРА

Людмила Альперн

Контакт

Для меня человек больше того, что он делает, знает, умеет. Заведомо больше его профессии. Я знаю, что профессия, выработанные ею удобные для жизни качества – лишь толстая шкура на нежной плоти души, а то и просто болезнь, нарост, флюс, чья полнота, по точному определению Козьмы Пруткова – однобока. Я ищу человека в каждом своем собеседнике, пытаюсь определить координаты его личности, кем бы он ни был. У меня нет готовых рецептов, домашних заготовок, я не планирую результат. В этом я вижу смысл того, что называю «контактом», в чем-то даже – смысл жизни. Но люди чаще всего избегают таких взаимодействий, ищут в другом человеке не личность, а функцию – какую-то «пользу», что-то «нужное», информацию, например. Берегут силы, как им кажется. И тогда контакта не происходит.

На мой взгляд, только контакт делает сильнее обе стороны, только он имеет право на существование. Остальное – суета сует, пустая трата времени. Не важно – что, важно – как. Это знание я берегу как главное свое достижение, надежное средство от окостенения, духовной смерти. Каждый, кто обращается ко мне, может рассчитывать на контакт – это стало моим правилом. Хотя последствия бывают непредсказуемыми, болезненными и даже разрушительными. Но, с другой стороны, если что-то рушится, значит, оно прогнило, изжило себя, и это тоже результат? Живое выстоит и даже окрепнет в борьбе. Получается, я готова на любые последствия? Получается – любая попытка контакта для меня важнее существующих уже жизненных основ? Получается, что так. И у меня есть тому доказательство. Для самой себя в первую очередь. Об этом и рассказ.

Еще несколько риторических вопросов вместо вступления

Приходилось ли вам когда-нибудь беседовать с журналистами о чем-нибудь важном? О своем деле, например, которое вы любите и

считаете своим поприщем? В котором много скользких тем, спорных и нерешенных вопросов? Деле, затрагивающем интересы многих людей, государственных структур?

Для меня это непростой опыт – опасный и травматический. Как и темы, которые я с журналистами обсуждаю (вынужденно или добровольно) – тюрьма, заключенные, права человека, пытки и издевательства в местах лишения свободы и контроль за местами лишения свободы, уголовная политика, проблемы персонала, гуманизация системы уголовного правосудия, условия содержания, женщины и дети в тюрьме, реабилитация бывших заключенных. Одним словом – тюремная реформа. Я не могу отказать журналисту в информации, так как один из главных принципов общественной работы – постоянное освещение проблемы, попытка донести ее до сведения населения и власть имущих, а иначе ее просто невозможно преодолеть. Здесь принцип «сор из избы не выносить» – не годится, да я и вообще не уверена в том, что это верный принцип. Хорошо это лишь для того, чтобы сделать из острой болезни – хроническую, но острую – лечить легче. Однако с лечением, увы, дело обстоит плохо. Горький опыт подсказывает мне, что лишь немногие в состоянии вникнуть в проблему, большинство же пишущей и снимающей братии может только ее затушевать, замылить. Опошлить. Или, что еще хуже, – поджарить, причем до несъедобного.

Причин всему этому я вижу несколько. Начну с себя.

Причина первая. Конфликт интересов

Дело в том, что я работаю со всеми этими темами в условиях конфликта интересов – и как человек, который сотрудничает с системой, и как человек, который систему критикует. По теории, эти виды деятельности должны быть разведены. Если ты хочешь, например, помогать заключенным, тебе нужны в первую очередь конструктивные отношения с системой, с сотрудниками. Если ты будешь систему критиковать – давать интервью, рассказывать о нарушениях, система совершенно естественным образом начнет тебя выталкивать, так как критику, тем более сбоку, а не сверху, силовые структуры не выносят и не воспринимают. И тогда ты уже не сможешь с ней сотрудничать, помогать заключенным. У нас и закона до сих пор нет, который бы как-то регламентировал этот вид деятельности в интересах заключенных. Пока все решает система. Захотят – пустят, а нет, то и нет. Получается, надо что-то выбирать.

На Западе, как я наблюдала, действительно, все устроено правильно: те организации, которые работают внутри тюрьмы, сами систему

не критикуют, хотя информацию доносят до нужных инстанций. А те уже – критикуют. У них развитое гражданское общество, которое предусматривает любые нужные функции, в том числе и разделение труда там, где это необходимо. Ведь хотя европейские тюрьмы достаточно цивилизованны, давно находятся под пристальным вниманием государства, общества и общеевропейских структур, в них все равно бывают нарушения прав человека и довольно тяжелые. Такова природа тюрьмы – даже новейшее медицинское оборудование в ней легко становится орудием пыток, как сказал один философ. И поэтому постоянное присутствие в тюрьме «посторонних» людей – активистов или волонтеров – становится залогом ее более или менее нормального функционирования, ее «человеческого лица», если мне будет позволено так сказать. И многие ответственные работники «там» давно это поняли и не отгоняют людей от тюрьмы, как... скажем, мух от банки с вареньем.

У нас все это сложилось иначе. Вернее – у нас все иначе, потому что гражданское общество пока не сложилось. Мы живем в парадоксальное время, в парадоксальном месте. У нас потеряны традиции попечения заключенных, общество тюрьмой не интересуется – с навыками утрачен и интерес. Нет постоянных структур ни в государстве, ни в обществе, которые бы занимались именно этой проблемой, кроме правоохранительных органов, разумеется, но у них свои интересы. Ниша не заполнена, это создает разряженное пространство. Которое, согласно физическому закону, втягивает все, что вольно или невольно оказывается поблизости. Именно так случилось и со мной.

Я начала свою работу с системой с критики – приняв участие в мониторинге положения женщин-заключенных, к которому была привлечена международной организацией¹ – она была одной из тринадцати европейских организаций из такого же количества стран, которые сумели выполнить этот проект². Обнаружив ужаснувшие меня подробности женской тюремной жизни, я увидела и пути их преодоления. И кроме подробных описаний, которые вполне сойдут за жесткую критику, я опубликовала рекомендации, обращенные к целому ряду государственных и негосударственных структур. Но так как давно уже не советую того, что не в силах делать сама, то я стала свои рекомендации выполнять. Это произошло незаметно, однако через несколько

¹ Observatoire international des prisons (OIR), Франция, Лион.

² Результаты этого глобального исследования опубликованы в книге: *Albrecht E., Guyard V. Prison de femmes en Europe. Rapport observation sur les conditions de detention.* Editions Darorno, 2001.

лет именно конструктивный вид деятельности оказался в моей работе основным, а жесткая критика отступила на второй план. Я начала сотрудничать с женскими тюрьмами, главным образом – с одной из них. И работаю с ней уже пять лет.

Впрочем, здесь тоже была предыстория. Едва ли бы я вынесла частые (за это время я побывала там более 30 раз) и долгие (от 3 дней до недели) пребывания в исправительном учреждении, да и продуктивная деятельность едва ли была бы возможна, если бы у меня не сложились хорошие и даже в чем-то исключительные отношения с персоналом. Дело в том, что администрация этой женской колонии состояла из людей, не потерявших способности к самопознанию и познанию мира. И интерес к нему, что само по себе – редкость и чудо. На неискушенный взгляд, чудо это выглядело вполне буднично: начальник учреждения ознакомился с нашими рекомендациями, счел их справедливыми и приступил к их реализации. Таким образом, мы стали соратниками.

Конечно, не за один день все так чудесно сложилось, были разные проблемы – и недоверие, и отторжение, но главная линия неуклонно сохранялась и даже наращивалась. Сотрудничество развивалось и двигалось по самому наилучшему сценарию – от единичных взаимодействий (оказания юридической или материальной помощи) до системной, программной работы, охватившей и привлеченные нами общественные силы, и осужденных, и персонал. Доверие же, в результате столь эффективного сотрудничества, тоже нарастало и казалось уже незыблемым.

Но другая, хоть слегка и отошедшая на второй план, сторона моей деятельности, а именно – критическая, аналитическая работа, исследования, мониторинг, работа со СМИ, – внезапно оказала сокрушительное воздействие на эти волшебные результаты. Я могу, конечно, утешать себя тем, что это должно было рано или поздно произойти, учитывая возросшую за последнее время государственную цензуру, контроль за СМИ, да и за общественными организациями. *Хотя, казалось бы, все возникло почти случайно – я со своей темой попросту попала в желтый массмедийный скандал.*

Скандал

Дело в том, что еще в период своего первого знакомства с уголовно-исполнительной системой, во время того самого международного мониторинга женских пенитенциарных учреждений, я выявила несколько абсолютно неприемлемых практик в отношении женщин. Большая часть из них осуществлялась в условиях предварительного заключения, в ИВС и СИЗО. Одна из них – насильственная и незаконная стрижка волос.

Стрижки волос в тюрьмах – обычное дело. Но в них просматривается большое содержание: и своеобразная попытка улучшить гигиену в условиях скученности и антисанитарии, и элементы дисциплины и наказания – лишь сравнительно недавно удалось добиться запрета на бритье волос и бороды у мужчин-осужденных, включить это пунктом в Правила внутреннего распорядка учреждений³. О женщинах, конечно, в этих правилах и речи нет – само собой, что женщина может, да и должна иметь на голове волосы. А иначе на кого же она будет похожа? И это свято соблюдается в колониях. Более того – руководство женских исправительных учреждений приветствует именно длинные волосы, так как в женской тюремной субкультуре короткая стрижка – это признак «мальчика», символ женского гомосексуализма, который в системе не поощряется, так как является злостным нарушением режима.

Однако в СИЗО все иначе. В свое время я опубликовала ряд интервью с осужденными женщинами, которые рассказывали мне о тяготах тюремной жизни⁴. Все они, хотя я беседовала с женщинами в разных колониях, в один голос утверждали, что в предварительном заключении хорошие, длинные волосы стригут почти всегда. Как правило. Чаще всего – на «сборке» – то есть в приемном отделении, во время поступления. Объясняя свои действия педикулезом, угрожая наручниками и бритьем наголо в случае отказа и сопротивления. Некоторые видели, как волосы аккуратно складывают в целлофановые пакеты; женщины объяснили мне, что это, как они позже узнали – на продажу⁵. От себя добавлю – такое быва-

³ В 1992 г. во 2-й пункт 3-го параграфа ПВР ИУ были внесены следующие правила (выделено курсивом).

Осужденные обязаны:

– содержать в чистоте и опрятности жилые помещения, рабочие места, одежду, по установленному образцу заправлять постель, следить за наличием и состоянием индивидуальных табличек на кроватях, тумбочках и вещевых мешках в помещениях отрядов, где хранятся их личные вещи, соблюдать правила личной гигиены, *иметь короткую стрижку волос на голове, короткую правку бороды и усов (для мужчин)*, хранить продукты питания и предметы индивидуального пользования в специально оборудованных местах и помещениях.

⁴ Альперн. Л.И., Антонов А.И. и др. Тюрьма – не женское дело. Сборник. Результаты мониторинга, очерки, интервью. О положении женщин в местах лишения свободы в России. Москва, Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия, 2000 (интервью с заключенными, стр. 90–112).

⁵ О. – Первое, когда человек туда приезжает, у него проверяют голову. Если стрижка у тебя короткая, то они на это внимания не обращают, и ты проходишь осмотр дальше. А когда у тебя длинные волосы, то они смотрят, что волосы хорошие, и говорят: «У тебя вши». – «Как вши?! Я стричься не буду». Тогда они говорят: «Мы принесем наручники, тебя пристегнем и будем стричь. Либо будем стричь наголо, либо сделаем

ет далеко не везде. Чаще всего в больших городах, где сравнительно легко найти хорошо оплачиваемую работу на промышленных предприятиях и в других сферах, и непопулярная в народе тюремная профессия привлекает только уж совсем отчаявшихся людей. В городах же провинциальных государственная служба, дающая более или менее удовлетворительный и регулярный заработок, имеет спрос, и в тюрьму не так уже просто устроиться, и люди работой своей дорожат...

В свое время я предприняла много усилий, чтобы привлечь к обнаруженным фактам (стрижки, избиения, «гинекологические» досмотры и прочее) внимание общества и государственных структур, имеющих право надзора за пенитенциарными учреждениями. Но внимание не привлеклось. Где-то «факты не подтвердились», а откуда-то и ответа не поступило. Но никого это безобразие, по правде говоря, не удивило, не обеспокоило, и я, в конце концов, переключившись на другие проблемы и виды деятельности, к этой теме стала возвращаться редко.

Однако через пять лет тема вернулась ко мне сама. Как бумеранг, посланный в никуда, описав круг во времени и в пространстве, она вернулась в исходную точку. Причем – с Запада. Несколько месяцев назад мне задали по телефону вопрос о возможности попадания волос женщин-заклученных в парикмахерские салоны. Я рассказала, что знала: что в 1999 г. узнала о незаконных стрижках в СИЗО – это я повторила несколько раз: в СИЗО, а не в исправительных учреждениях, объяснив почему.

короткую прическу, а потом дадим мазь, и ты обработаешь голову». Ну, конечно, выбираешь второй вариант.

В. – У вас были длинные волосы?

О. – Нет, меня не стригли, у меня была такая короткая стрижка – шапочка, а женщина, которая сидела вместе со мной, была вся в истерике. Она приехала вместе со мной, мы прибыли вечером поздно, и ее состригли. У нее были большие волосы...

В. – Что они делают с волосами?

О. – Они продают, это нам потом сказали. Их не выкидывали, а в целлофановый пакет положили. Женщина после этого была в депрессии, она даже не знала, куда она пошла. Волосы для нее были все. Она говорила, что не знает, как маме сказать, и, мол, откажется идти на свиданку, а мама должна была приехать в понедельник. И она не пошла на свиданку.

В. – Это девушка из вашей камеры?

О. – Мы сидели с ней в общей камере, когда проходили весь медосмотр. Куда ее потом определили, я не знаю. Я ее видела на прогулке, она была в шапке.

(Из интервью с осужденной. Альперн. Л.И., Антонов А.И. и др. Тюрьма – не женское дело. Сборник.. Москва, Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия, 2000, стр. 98.)

Мой подробный рассказ был опубликован в английской газете в следующем виде: «Если вы попадаете в тюрьму с длинными красивыми волосами, шансы на то, что они останутся нетронутыми, очень малы. Женщинам говорят, что их стригут ради гигиены, из-за вшей, но это неправда. Надзиратели стригут им волосы, потому что хотят сделать маленький бизнес на стороне». Из английской газеты⁶, где оказывается, эта информация упоминалась в связи с наращенными волосами жены известного футболиста и была частью светской хроники, она, претерпевши обратный перевод, попала и на страницы отечественной прессы. Разгорелся скандал.

Вот здесь я позволю себе указать другие причины, которые обращают в пепел почти любые попытки осветить, проработать сложную проблему через средства массовой информации.

Другие причины

Но если для англичан, в конце-то концов, слово «тюрьма» действительно имеет всеобъемлющий характер, и им описываются все виды заключения – до суда, после суда, то в нашей системе уголовного правосудия дело обстоит совсем иначе. «Тюрьма» – это давно не термин, а лишь абстрактное понятие, обозначающее несвободу. В узком смысле она осталась, впрочем, и как термин, обозначающий вид исправительных учреждений, применяемый для осужденных за особо тяжкие преступления⁷. Говорить в таком конкретном случае, как этот, слово «тюрьма» – значит не говорить ничего. Это настолько широкое обобщение, что представители силовых структур, ответственные за то, что происходит у нас в местах принудительного лишения свободы, только рассмеются: «А у нас женщины в тюрьмах не сидят!» – и будут совершенно правы. Таким образом, вся возможная положительная энергия этого газетного скандала (я имею в виду, ту его часть, которую можно рассматривать как сигнал о правонарушениях, незаконных практиках, данный для того, чтобы практики эти преодолеть) бесследно рассеялась, оставив после себя только гадкое недоумение.

⁶ <http://www.inopressa.ru/times/2004/02/12/15:46:48/volos>

⁷ Статья 130 УИК РФ. Тюрьмы / Комментарии

1. В соответствии с уголовным (ч. 2 ст. 58 УК) и уголовно-исполнительным (ч. 7 ст. 74, ч. 1 ст. 130 УИК) законодательством тюрьмы являются видом исправительных учреждений, предназначенных для отбывания лишения свободы наиболее опасными категориями преступников. Эта целевая роль определяет их место в уголовно-исполнительной системе и порядок содержания осужденных.

Я попала под шквал звонков из средств массовой информации: от малоизвестных газет до газеты «Известия», от Севы Новгородцева до программы «Намедни». Весь этот нездоровый интерес был связан с футболистом и его женой, а страдания заключенных были лишь острой приправой к «сладкой парочке» и сами по себе никого не трогали...

У меня порой возникает странное ощущение, что многие журналисты, несмотря на свой чрезвычайно заинтересованный, вдумчивый, внимательный вид – не слушают, не вникают, не понимают; что у них уже есть заранее подготовленная схема, на которую они хотят нарастить плоти, набрать фактуру, иными словами, подогнать услышанное под уже готовое. Цель, кстати, такого рода замыслов мне не ясна. Хотя недавно услышала интересную идею, цитирую: «Все делают деньги, а количество денег напрямую зависит от запросов общества. А запросы общества совсем не в том, чтобы видеть свои недостатки и исправлять их по мере возможности. «Общество» желает видеть себя обществом счастливых. А обнаруживается это лучше всего на контрасте. Поэтому журналист должен этот контраст выявить и показать. В этом и состоит запрос. Своего рода – шоу-бизнес».

Вот такая простая, но далеко идущая мысль. Ничего, что циничная и безнадежная в смысле развития, зато одной части общества приносит доход, а другой – возможность жить, не обременяя себя заботами и тратами. Что это за часть – более или менее ясно: это люди с деньгами и властью. Они же – главные «изготовители» сегодняшней российской действительности. Они оплачивают такую журналистику, делают социальный заказ на столь специфическое «творчество». Получается, что, не зная, какую часть общества власть- и деньги- имущих представляет журналист, ты даже не можешь вообразить, во что выльется ваша с ним беседа. Но если знаешь, то вполне можешь представить результат, включая стиль подачи материала, выводы, последствия.

Выходит, если считать все это правдой, объяснять им что-то – совершенно бесполезно? Они выхватят из твоих слов то, что им надо, отбросят за ненадобностью все, что тебе кажется важным, ценным, – подрежут, смешают, подсыропят или подсолят и подадут как готовое блюдо, на свежую полосу. Или – на голубой экран. Контакта не происходит, стремление к контакту оказывается односторонним, не происходит обмена, а в таком случае – это чистое потребление, использование, поедание – людоедство.

Однако, вернувшись от этих бесплодных рассуждений к нашей истории, скажу, что надежда на понимание меня все-таки не покидала, и стремление разъяснить, что к чему, при помощи умной и доброкачест-

венной журналистики, не отступало. И когда мне позвонил журналист одного из федеральных телевизионных каналов и, не ограничившись одними лишь волосами, стал въедливо и заинтересованно расспрашивать о самом феномене женской тюрьмы, я, прямо как пушкинская героиня, в мыслях молвила: «Вот он, который все исправит! Все объяснит и на свои места поставит». И, как она, – ошиблась.

Поверив интересу и пониманию, я ничего не скрыла от него, я показала ему свою работу, рассказала о ней, я проложила ему дорогу в «свою тюрьму» – ту самую женскую колонию, с которой я работаю уже пять лет. Я помогла ему встретиться с людьми, которые наполнили его сюжет жизнью. И ждала откровения.

То, что я увидела в семиминутном сюжете, откровением, мягко говоря, не было... Динамичный видеоряд без логики и структуры – нарезка с упоминанием все тех же наращенных волос жены известного футболиста, прошитая эффектными, короткими, фразами о женских тюремных проблемах. Проблемы упоминались серьезные – в том числе и стрижки волос, и даже пытки, применяемые для получения чистосердечного признания оперативными сотрудниками, но уже не в абстрактной «тюрьме», как это было в английской газете, а на фоне колонии, про которую я долго объясняла, что она – лучшая... О том, что у каждого описанного явления есть конкретный адрес, что упомянутые беззакония происходили в СИЗО, например, или в ИВС, или в отделении милиции, в сюжете не было сказано ни слова...

Можно представить все то, что разразилось потом. Мой соратник, начальник колонии, был наказан. Для сотрудников, их родственников и знакомых увиденное было шоком. Их как бы назначили единственными виновниками всего этого безобразия...

Таким образом, возник уже многократный негативный эффект: колония, на фоне которой развивался сюжет, одно из лучших, на мой взгляд, учреждений системы, – оказалась под ударом, а те институты, на чьи противоправные действия должно быть обращено внимание общества, опять остались в тени. У колонии появился новый опыт – жизненная мудрость, так сказать, или здравый смысл. Ведь журналиста начальство учреждения пустило по собственному решению, вопреки рекомендации главка, опираясь в чем-то и на мое мнение. Инициатива наказуема?! Отсюда вывод – не высывайся, будь как все, и никто тобой не заинтересуется. Им ведь и раньше указывали на опасность сотрудничества с правозащитными организациями, а они, неразумные, видели в этом какой-то смысл для себя... Теперь все становилось на свои места. Не укажи я журналисту на эту колонию, он нашел бы другое место, не объясни я

ему все детали, он бы вообще ничего и не понял! И не было бы этого шокирующего репортажа... Неисповедимы пути твои, СМИ!

Я в отчаянии бросилась выяснять, как же так вышло, но оказалось, что журналист даже и не виноват. Он просто не знал, что в колониях тоже существуют оперативные службы, а потому не стал тратить дорогое телевизионное время на ненужные, с его точки зрения, объяснения, что «оперативники», о которых рассказывали бывшие осужденные, были сотрудниками МУРа, а стрижки производились в предварительном заключении. К тому же для него это было и не так уж важно. Была достоверная картинка, острый текст, чего еще больше желать? Внимание публики обеспечено.

Что тут скажешь?

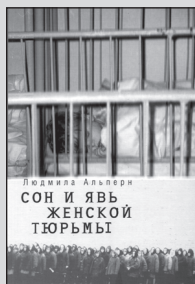
Я попросила его дать уточнения. Объясняла, что это важно еще и потому, что в настоящее время практики осуществления наказания не так уж и стандартны, разнятся от учреждения к учреждению, появляются ростки новых, более гуманных подходов, что характерно именно для упомянутой колонии, и так важно укрепить их, а не смыть в небытие мощным и часто мутным потоком современной журналистики в том числе. Надо отдать ему должное – он пошел мне навстречу. Он послал факс за подписью руководителя программы в администрацию колонии, в котором подробно объяснил, что все рассказанное конкретной колонии не касалось, а касалось системы в целом...

Просить о большем было страшновато – теперь мне казалось, что любое уточнение, опровержение, выйди оно на голубые экраны, может повлечь за собой новый скандал и вызовет необходимость в новом опровержении! Как в бесконечном детском стишке о попе и его собаке... Значит, у меня тоже появилась «жизненная мудрость» и здравый «СМИсл»? Как у понятливой пушкинской героини? Ну, нет!

Эпилог

Мои отношения с дружественным исправительным учреждением кажутся мне безнадежно испорченными. Безнадежно? Нет, надежда еще теплится, так как меня не покидает ощущение, что там контакт все-таки состоялся, а если так, то энергия разрушения его должна быть посильнее, чем незатейливая телевизионная передача. Контакт – великая сила.

А что касается темы, то получается, что писать о ней мне надо самой, но куда? Где ждут мои очерки? Куда можно отправить несколько страниц, полных «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»?

Людмила Альперн
Сон и явь женской тюрьмы.
СПб., Алетейя, 2004. 446 с.

<...> Относительное количество женщин в составе тюремного населения одинаково в России и в странах западного мира, включая США (20% в XIX веке, 5% в настоящее время), на протяжении уже несколько веков, что свидетельствует об однородности явления, а значит – о единой природе его происхождения.

Что произойдет, если женщины сумеют добиться социального равенства? <...>

Ясно одно: современная женская преступность перестала быть семейной, как была в XIX веке, когда женщина была домашней затворницей, для которой убийство своего мужа-хозяина было единственным способом избавиться от невыносимых мучений, а потому стала менее кровавой и более унифицированной, более похожей на мужскую, но все равно не достигла и в малой степени ее размаха. Если убийство мужей было одним из признаков женской преступности XIX века, то в нынешнем веке убийство жен стало отличительной чертой современной мужской преступности. Не свидетельствует ли это о том, что мужчины уже не чувствуют себя дома полноправными хозяевами и убийство жены является популярным, особенно в России (где в год погибает от рук мужей и сожителей 14 тыс. женщин), способом решения домашних конфликтов? Не признак ли это растущего бессилия, не первая ли это ласточка грядущей смены общественного устройства?

Современные западные пенитенциарные образцы не дали мне удовлетворительного ответа на вопрос – какова перспектива развития женской тюрьмы. Самые лучшие из тюрем, которые мне довелось посетить, – это тюрьма открытого типа в предместье Лондона и маленькая тюрьма на 20 человек в городе Фридрихстад в Норвегии, но и они грешили все тем же непреодолимым пороком: женщин в эти «цивилизованные» тюрьмы свозили из весьма отдаленных мест, и главная их проблема – длительный отрыв от семьи, от детей – все так же оставалась нерешенной.

Скорее всего, основным направлением реформирования тюремной системы должны стать альтернативные наказания, не связанные с лишением свободы. Это особенно важно для женщин, так как даже те из них, кто совершает преступления, не составляют реальной опасности для общества, но, наоборот, попадая в тюрьмы, под разрушительное влияние тюремной субкультуры, теряя связь с близкими, в первую очередь с детьми, они получают необратимые психологические травмы, несовместимые с нормальной социальной жизнью, и потому тюрьма становится их судьбой.

Тюрьма – это устаревший социальный институт, и в современном обществе способном работать на уровне высоких, в том числе и социальных, технологий, нет никакой необходимости оказывать такое чрезмерное, разрушительное воздействие на человека. Тюрьма должна изменить свою природу и постепенно вообще исчезнуть, уступив место другим, более приемлемым для человека и общества, формам регуляции социальной жизни.

В отличие от мужчин, часто сознательно выбирающих криминальный образ поведения, большинство женщин, попавших в заключение – жертвы криминального мира. Исчезающе мало среди них тех, кто мог бы войти в ядро настоящей профессиональной преступности. Они – его периферия, тот материал, который затягивается, помимо своей воли, в преступный круговорот. <...>

Однако те условия, в которых их содержат в местах лишения свободы государство российское, мало чем отличаются от условий мужских пенитенциарных заведений: те же режимные и оперативные меры, тот же подход, те же строгости, хотя сами они во многом другие, даже если брать только их социальные и физиологические особенности, степень их опасности для окружающих. <...>

Иногда мне кажется, что женская тюрьма будущего – это не тюрьма вовсе, может быть, это особые институты вроде приемных семей, состоящие из специалистов в вопросах социализации, в которые женщины могут поступать вместе со своими детьми, получать необходимые навыки материнства, профессию, реальную помощь в устройстве дальнейшей жизни. Этот институт будет решать не проблему наказания, а проблему социальной реабилитации, адаптации к существующим условиям жизни. Но, возможно, это просто сон, мечта, утопия. <...>

Из Введения автора

Екатерина Ефимова
**Современная тюрьма:
Быт традиции и фольклор.**
М., ОГИ, 2004. 398 с.

Тема советских тюрем стала особенно модной в 90-е гг. XX в. Одно за другим появлялись исследования, посвященные языку, фольклору и этнографии советской тюрьмы. Интерес к социальным диалектам вызвал к жизни множество словарей блатного жаргона [Словарь воровского языка 1991; Балдаев 1992; Быков и др.]. В журнале «Советская этнография» за 1990 г. почти одновременно появились четыре статьи, посвященные этнографии тюрьмы и лагеря [Самойлов 1990; Гишинский 1990; Кабо 1990; Левинтон 1990]. Живой интерес вызвала вновь открытая блатная песня [Терц 1991]. Начали публиковаться антологии современной тюремной лирики. Фольклористы заинтересовались и другими жанрами современного тюремного фольклора, в первую очередь письменным фольклором [Шумов, Кучевасов 1995; Калашников 1994, 1998].

Автора книги заключенные заинтересовали прежде всего как маргиналы. Картина мира современного маргинала, его эстетика и этические законы, символика поведения и мифология, специфика мировосприятия и живая устная традиция – все это было реально зафиксировать только в условиях тюремного содержания, в тюрьмах и колониях, где сформировалась своя культура – наверное, наиболее маргинальная из существующих культур и потому наиболее репрезентативная. Книга предлагает читателю материал, собиравшийся автором в тверской колонии строгого режима, можайской женской колонии, можайской детской колонии в 1998–1999 гг.

Исследований по семиотике описываемого нами тюремного мира на настоящий момент не существует, и предлагаемое исследование не претендует на полноту описания. Нашей задачей является раскрытие знакового смысла мифологии, ритуалистики, бытового поведения, образующего символический пласт тюремной культуры, выявление центральных специфических кодов и семиотических текстов, на единстве и взаимосвязи которых она базируется. <...>

Из Введения автора

Юрий Александров**Тюрьма и цензура**

Тюрьма и цензура – неразделимы. И это, в общем-то, понятно. Так было заведено давно, и менять это никто не собирается. Да, наверное, в некоторых случаях (об этом позже) отменять цензуру и не нужно.

Только вот что понимать под термином «цензура»? Цензуру в российских пенитенциарных учреждениях можно разделить на две составляющие: то есть непосредственно «цензура» или – в более узком смысле – перлюстрация исходящей и входящей корреспонденции заключенных, и цензура того, что делается в самих пенитенциарных учреждениях, то есть цензура для общества. Рассмотрим оба варианта.

Цензура для заключенных в какой-то мере оправданна и установлена действующим законодательством и подзаконными актами, которые и определяют порядок этой самой цензуры. Для лиц, содержащихся под стражей, – подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, но еще не осужденных, то есть фактически обычных граждан, временно ограниченных в праве на выбор места жительства и передвижение, – цензура установлена статей 20 Закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Фактически эта же статья касается не только самих заключенных, но и их родных, близких, друзей и всех тех, кто вступает с заключенными в переписку. Она не распространяется на некоторые властные и судебные органы, с которыми переписывается заключенный, а также на Уполномоченного по правам человека в РФ, региональных уполномоченных и защитников (адвокатов) заключенных. Этот вид цензуры, безусловно, оправдан. Мало ли какие инструкции может дать арестованный своим подельникам, друзьям, родным и т.д. Хотя, с другой стороны, эти же инструкции заключенный может устно передать через своего адвоката, что, согласитесь, практикуется довольно часто.

Кроме того, между следственным изолятором и волей, как правило, всегда налажена очень хорошая «дорога». Конечно, эта «дорога» существует в основном для лидеров преступного мира, а также для тех заключенных, которые в состоянии заплатить за передачу на волю «малявы» с тем или иным сообщением, просьбой, инструкцией и т.д. Таким образом, ценность этой цензуры при наличии других, альтернативных способов связи с внешним миром, весьма сомнительна, хотя, повторимся, наличие такой цензуры обоснованно.

Цензура непосредственно в исправительных и воспитательных учреждениях (колонии для взрослых и несовершеннолетних и тюрьмы) несколько отличается от цензуры в следственных изоляторах.

Переписка осужденных также перлюстрируется под предлогом пресечения противоправных действий, а также с целью выявления и раскрытия различных преступлений, совершенных как внутри пенитенциарных учреждений, так и за пределами их. Правда, опять же из колоний всегда имеется нелегальная «дорога». И вряд ли кто из осужденных страдает такой формой дебилизма, чтобы в письме рассказывать кому-то о своем нераскрытом преступлении или о том, каким образом он собирается доставлять в зону водку или наркотики. Для этого существуют другие способы – те же «малявы», передача сведений через подкупленных сотрудников пенитенциарных учреждений, (нелегальная) телефонная связь.

Есть и еще один вид цензуры, который цензурой, конечно, не называется, но, по сути, ею является. Это ограничение в чтении. Целый ряд произведений осужденным читать нельзя. Так, согласно части 2 статьи 95 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, осужденным запрещается получение, приобретение, хранение, распространение, а также подписка на литературу (издания) следующего содержания: пропагандирующую войну, разжигающую национальную и религиозную вражду, пропагандирующую культ насилия или жестокости, порнографическую. Непонятно, правда, кто и как должен определять, порнографическая это литература или эротическая, сеет она национальную или религиозную вражду или не сеет. Цензоры, сидящие в штабе и проверяющие поступающую корреспонденцию, имеют, как правило, образование не выше среднего. При разрешении уголовных дел, касающихся, например, порнографии, создаются целые экспертные комиссии, состоящие из докторов и кандидатов различных наук с целью определить, является ли порнографией представленное им на исследование произведение или нет. А тут... цензор одним взмахом карандаша вдруг определяет. Смеш-

но. Под это положение могут попасть не только классики детективной литературы – американцы Чейз, Спиллейн и другие. Сюда же, в частности, попадают практически все современные российские авторы-детективщики, так как современная литература изобилует сценами жестокости. Хорошо это или плохо – другой вопрос. Право решать, что можно, а что нельзя читать заключенным, отдано на откуп администрации, и это по меньшей мере вызывает сомнение. Тут можно и дальше пойти. Давайте запретим просмотр телесериалов про «ментов», про «улицы разбитых фонарей» и т.д. – там тоже и бьют, и убивают, и чего только не творят. Как-то несерьезно все это. Намерения, может, и благие, но ими, как известно, дорога выслана ох в какое нехорошее место.

Теперь рассмотрим, так сказать, «внешнюю цензуру» или цензуру для общества. Российская уголовно-исполнительная система в отличие от советской стала более открытой. С этим трудно спорить. И попасть журналистам в следственные изоляторы и в колонии стало не в пример легче, чем раньше. Так, например, только в 2003 году, по словам министра юстиции Ю.Я. Чайки, в печатных и электронных СМИ было опубликовано 13 тысяч материалов, касающихся российской пенитенциарной системы. (Правда, он не уточнил, сколько из них критических, но, подозреваем, что мало – почему, объясним ниже.) Следственные изоляторы, тюрьмы и колонии посетили более четырех с половиной тысяч представителей средств массовой информации, из которых более трети пришлось на зарубежных журналистов. Казалось бы, радоваться надо. Но не все так просто.

ГУИН Минюста России страшно не любит критические публикации о деятельности уголовно-исполнительной системы. Чисто по-человечески это понятно. Кому же приятно читать о себе критику? Но, закрывая данные о российских тюрьмах, ГУИН лишает общество права на получение достоверной информации о том, что и как происходит с их согражданами.

Как-то в Англии, знакомясь с бытом одной из британских тюрем, я поинтересовался у начальника тюрьмы, были ли у него случаи отказа средствам массовой информации в посещении тюрьмы. Начальник сначала не понял вопроса, а когда понял, посмотрел на меня как на больного. Им даже в голову не приходит отказать СМИ в посещении тюрьмы. У нас тоже в Конституции записано, что гарантируется свобода средств массовой информации и что цензура запрещена (ч. 5 статьи 29 Конституции РФ). Но это на бумаге. А на деле все обстоит несколько по-другому.

Казалось бы, что-то можно узнать из официальных изданий Министерства юстиции. Но можно читать журнал «Преступление и наказание» вдоль и поперек, сверху вниз и как угодно еще, но ни одной критической публикации найти не удастся, а если что-то и есть, то настолько прилажено, что... В общем, «все хорошо, прекрасная маркиза...».

Взять хотя бы последние события, связанные с волнениями в среде заключенных в Ленинградской, Челябинской и Иркутской областях. Много ли стало понятно из объяснений официальных лиц? Да ничего. В результате обвинили правозащитные организации в связях с криминалом и в подрыве стабильности. Можно как угодно относиться к правозащитным организациям вообще и к отдельным правозащитникам в частности. Среди них, к сожалению, очень много лиц, озабоченных своим собственным благополучием и саморекламой, а вовсе не правами и свободами кого бы то ни было. Это правда. Другое дело, что и среди правозащитников очень много достойных и заслуживающих уважения людей. Но, по словам официальных лиц, именно правозащитники виноваты в том, что происходило в тюрьмах вышеназванных областей. А это уже подмена понятий. В народе это называется «валить с больной головы на здоровую». В зонах, где соблюдается законность, где отдельным осужденным не предоставляются какие-то незаконные блага, где царит порядок, массовые беспорядки по определению невозможны. Поэтому прежде, чем обвинять кого-то, необходимо посмотреть, а все ли хорошо в собственном хозяйстве?

Почему бы тому же ГУИНу не создать комиссию, в которую входили бы представители общественности и деятельность которой освещалась бы средствами массовой информации? Не хочется. А почему? А потому, вероятно, что могут всплыть факты, которые лучше не обнародовать и которые будут свидетельствовать не в пользу тюремной администрации.

Вот тут-то и начинается цензура. Про это можно сказать, а вот про то – нельзя! В эту зону можно поехать, а вон туда, где что-то происходит, тоже нельзя!

В Минюсте при самом Чайке Ю.Я. создан какой-то общественный совет, возглавляемый В. Борщевым. И что? А ничего! О чем-то там совещаются, что-то там решают, но если где-то что-то вдруг произойдет и кто-то из членов этого абсолютно «консультативного» совета захочет туда съездить, он получит от ворот поворот. Я в этом уверен на все сто процентов.

Когда в Америке разразился скандал, связанный с пытками военнопленных, наши депутаты, чиновники различных уровней, а также некоторые журналисты позлорадствовали от души. Как же, в Америке нарушаются права человека! Ну да, нарушаются. Только когда об этом узнали, то это было опубликовано, Рамсфельд потел перед сенатской комиссией, возбуждены уголовные дела, которые в отличие от наших (вот почему-то есть такая уверенность!) будут доведены до конца, а виновные будут наказаны, а вовсе не оправданы или приговорены к огромным срокам... условно. И, заметьте, никакой цензуры! Кроме нравственной – на фотографиях и пленках затушевывали лица, некоторые другие части тела и т.д.

Возможно ли такое у нас в России? Да нет, конечно. Ну не могу я представить министра, дающего показания депутатам или общественности, да так, чтобы это транслировалось, как в США, по национальному телевидению! Может, и дают министры депутатам какие-то объяснения, но кулуарно. Сор из избы не выносятся. А изба становится все грязнее. У нас и так уровень доверия граждан к правоохранительным органам и судам низок донельзя. А такая вот, с позволения сказать, «цензура» в интересах ведомства – МВД ли, прокуратуры или Минюста – этот уровень доверия отнюдь не увеличивает.

Наум Ним

Сцены сидячей жизни в театре массмедиа

Попробуйте понять, как представляли себе сочувствующие нам иностранцы жизнь в заколоченной границами советской России. Я про тех, кто душою болел за нашу страну и с испуганным любопытством просачивался к нам в туристических делегациях или расспрашивал вернувшихся из этих поездок; кто не пропускал встреч с маячившим по заграницам Евтушенко; кто вчитывался в самиздатские весточки и призывы. Только те, кто с детства наглотался здешнего воздуха, могли по отдельным картинкам (пусть и самым правдивым) понять нашу закрытую от мира жизнь.

Примерно так же закрыта от нас сегодня российская тюрьма, и примерно с тем же успехом пытаемся мы по разрозненным свидетельствам понять суть ее заколоченного запретками существования (здесь я называю тюрьмой весь зарешеченный мир, что начинается от колеи оперативной машины и любого обезьянника и заканчивается самыми дальними зонами, включая, собственно, тюрьмы).

И нельзя сказать, что наш любопытствующий аппетит (или сочувственный интерес) остается неудовлетворенным. Информационной пищи навалом, но она не слишком разнообразна, а более похожа на комплексные обеды, вроде тех, которыми когда-то и кормились любознательные иностранцы.

Главное блюдо – тюремное творчество (выставки поделок, концерты и конкурсы, театральные постановки и т.д.). Каждое такое мероприятие шумно освещается в СМИ и стимулирует отстающие зоны активно включаться в захватывающий творческий процесс. Причем, включаться не только творчеством заключенных, но и творчеством тюремного персонала. Так, например, возникли всероссийские соревнования красоты и профессионализма «Мисс УИС»¹.

Вторая тема: многочисленные рассказы и рассказы о том, что нынешние проектировщики и сторожа тюремного мира вполне цивилизованные люди, практически – гуманисты. Они благосклонно воспринимают помощь отечественных и зарубежных правозащитных организаций и в плодотворном с ними сотрудничестве успешно осваивают современные взгляды и методы работы. В общем, не бойтесь граждан начальников – ни монстров, ни садистов среди них нет. А если бы страна была побогаче и обеспечивала их получше, то они бы вообще...

И еще одна плоскость информационных обсуждений и радужных надежд: все более улучшающиеся условия жизни туземцев тюремного мира. Тут и успешные результаты реформирования пенитенциарной системы, и все более сытная, просторная и осмысленная (например, в осваивании новых знаний и профессий) жизнь арестантов, и неусыпная забота отцов-начальников (эта мелодия перебралась сюда из предыдущего пункта, но только потому, что в том или ином виде она постоянно звучит во всех трех темах сочинений).

Мелким пунктиром просвечивает тема отдельных ошибок и сегодняшних трудностей (главная причина которых, естественно, в постоянной нехватке финансирования).

В такие же ящики были расфасованы для зарубежья разнообразные картинки советской жизни. От театров до вполне гуманного выражения в хозяйских лицах. Случались и там отдельные недостатки, но об этом наши иностранные друзья (речь идет именно о друзьях) старались особо не распространяться. Ведь советское руководство может обидеться, отгородиться, и исчезнет сама возможность дальнейшего благотворного воздействия на него. А тогда этих вот руководителей с человеческим обликом начальственных лиц победят и вытеснят «ястребы» с какими-то совершенно иными физиономиями. И какая от этого польза? Никакой пользы, кроме вреда...

Ничто так не искажает реальность, как правдивые ее фрагменты, нанизанные на желание пользы.

Каждая из картинок советской действительности, распространяемых нашими хозяевами по всему миру, была в основном правдивой, но собранное из них полотно в качестве полного отображения жизни тут же становилось непереносимой ложью. И стыдной ложью отсвечивал уже каждый фрагмент этой мозаики, особенно те, где человеческим обликом правителей обосновывался гуманистический про-

гресс. Лица наших начальников всегда умели удивительно преобразиться соответственно текущему вдоль них историческому моменту.

Корней Чуковский, вспоминая свои хлопоты об арестованном зяте, рассказывал о встрече с Ульрихом. Весьма мягкий был человек. И Александр Исаевич описывает в «Архипелаге» свою встречу с членами Верховного Суда и свое удивление тем, что сидели перед ним и сочувственно слушали его – вполне люди...

Наверное, у моего «хозяина» тоже было вполне человеческое лицо. Даже определено – было. Вальяжное, гладкое, всегда готовое к широкой улыбке, не менее чем на сорок ослепительных зубов («Нет, былля, вы посмотрите на эту, былля, мразь! Он думает, что своей долбаной голодовкой, он может испортить мой аппетит! Вот, былля...»).

В его зоне был требуемый показушный порядок, и все, что этот порядок могло нарушить, без секундной тени каких-либо раздумий сметалось за толстые стены лагерной тюрьмы (барака ШИЗО и ПКТ)². Был в зоне и вполне благоустроенный клуб, где шла какая-то неведомая мне жизнь с постоянными тусовками лагерных активистов и с обязательными первомайскими и октябрьскими выступлениями местной самодеятельности. Довольно часто в зону наведывались какие-то посетители (о посещениях и о ранге посетителей можно было догадываться по силе переполоха всех ответственных за порядок – от локального возбуждения до полной невменяемости). Точно знаю, что отдельных гостей потчевали той же местной самодеятельностью. Рассказывали, что иногда хозяин приводил гостей в жилые бараки и демонстрировал молчаливых зеков, стоящих у своих шконок и помыкивающих что-то вполне мирное на хозяйские добродушные подковырки («Ну, что, былля, готов к честной жизни или будешь дальше воровать-убивать?»).

Полагаю, что гости были довольны. Не знаю. Эта жизнь с клубными мероприятиями, с делегациями, с козлячьей возней активистов за какие-то свои радости и привилегии – все это кипело в каком-то параллельном мире, с которым основной лагерный люд практически не соприкасался. Там были свои страсти, своя борьба, свои достижения и поражения. Однако козлячья правда, выставляемая и воспринимаемая вольной публикой за правду тюремного мира, столь же искаженно отражает этот мир, как и правда граждан начальников.

Все такие рассказы полезны и могут быть даже интересны, как интересными и занимательными могут быть и их герои, и сами рас-

сказчики. Надежды, страхи и привязанности козлов к своим начальственным благодетелям, с одной стороны; презрение и снисходительность, с другой, – на этом огне полыхает немало обжигающих сюжетов. Но и самые обжигающие – только отдельные испарения тюремной жизни, а не сама ее суть. Правда, чаще всего других свидетельств не бывает, и мы вслушиваемся в байки начальников и их козлячьих певцов, стараясь распознать за этим фасадом биение истинной жизни.

Известная нам реальность выстроена в основном усилиями журналистов на отдельном фундаменте личного опыта. При этом сама постройка настолько сильнее хлипкого частного фундамента, что чаще всего переживает и его под себя. Именно по этой причине в свидетельствах разных очевидцев постоянно натыкаешься на общие мифы, штампы и байки, выкованные совместным трудом профессионалов массмедиа.

И вот журналист попадает в неведомый мир, прочно отгороженный от известной ему жизни надежными стенами, массивными запорами, лязгающими дверями. Какая-то частичка его врожденного вольнодумства испаряется уже одним этим топом, груком и лязгом. Оставить бы его там на некоторое время без опеки и присмотра – он бы, может, что-то и понял. Но без присмотра – нельзя. Хозяин или его подручные устраивают экскурсию сами и непременно поволокут щелкопера вдоль фасадов собственных достижений. А если в их хозяйстве есть хоть какое-то подобие художественной самодеятельности, то в нее обязательно упрется и экскурсия, и журналист в будущем своем материале...

«Артисты и музыканты жили по два человека в купе, мне показали мое место, и на другой день мы начали репетировать простенький номер эксцентриков. Гриша мне сказал, что меня взяли с этапа потому, что ему нужен был партнер. Дней через пять мы показали эксцентрику, и нас включили в программу. Принимали нас очень хорошо, а через месяц мы приготовили номер силовых акробатов.

Там, на БАМе, говорили не «лагпункт», а «фаланга». На стоянках мы репетировали в клубах и домах культуры, а в дороге – в четырехосном вагоне. Наша бригада обслуживала БАМлаг от Читы до Хабаровска. Шло строительство вторых путей, и мы обслуживали фаланги (лагпункты), строившие вторые пути. В бригаде был украинский поэт Загул Юрий Дмитриевич. Он писал оды к торжественным дням, которые читал бригадир Степан Матусевич. Также там были две сестры-певицы, певец Георгий Виноградов, два драматических артиста (муж и жена) – они ставили скетчи – и музыканты.

Наша база находилась на станции Урульга, где мы делали программы, там же мы получали довольствие. Это было Второе отделение БАМлага. Начальником здесь был Большаков. С подготовленной программой мы проезжали по трассе и возвращались в Урульгу. Кормили нас очень хорошо. В вагоне-столовой в углу стоял столик, на котором всегда были хлеб, масло и красная икра. Можно было между обедом и ужином зайти и съесть бутерброд. Вечером, когда мы приезжали с концерта, дядя Федя, повар, приходил в наш вагон и спрашивал каждого, кто что хочет завтра на обед. Одеты мы были тоже хорошо: все намшили собственные портной и сапожник. Стояли наши вагоны на больших станциях, и мы ходили в вагоны-рестораны за папиросами, фруктами и сладостями. Так что убежать могли в любой момент»³.

Так действительно было в жизни заключенного Игнатова, и описывается у него совсем не вегетарианское время, а 34-й, очень даже людоедский годок. Представьте, что по этой вот «косточке» современный исследователь стал бы восстанавливать скелет ГУЛАГовского монстра – сколько бы осталось истины в том изображении? Однако, именно так большинство сегодняшних журналистов экстраполирует тюремный мир по известным им фасадным образцам.

Не будем рассматривать простейшие случаи – материалы, созданные под шепоток шкурных интересов или в продуве глупости, невежества и угарного всезнайства. Примерам подобных трудов нет счета. Чего стоит комментарий в давней НТВешной программе «Криминал» о злостном рецидивисте, которого «товарищи по колонии за хитрый склад ума и умение расположить к себе прозвали «шнырем» (это ведь все равно, что сказать, будто кого-то за веселый нрав и неунывающий характер прозвали петухом)... Эти образцы журналистских трудов не стоят серьезного внимания – они исчезнут сами в поле умных, серьезных и честных исследований.

Возьмем редкий, но более важный случай: журналист видит всю тюрьму. Он, конечно, не в состоянии все это охватить единым пониманием, но явно слышит и навязчивую правду начальников, и простенькие резоны козлов, и гудящую правоту основной массы туземцев. Он не очень готов рисковать комфортом собственной жизни, но для него все еще превыше всего – стремление к добру (ну, и к славе, конечно).

Что он может написать, чтобы получилось – к добру?..

³ Поживши в ГУЛАГе. Сост. А.И. Солженицын. М.: Русский путь, 2001. Серия «Наше наследие». Вып. 7.

Общеизвестно, что Максим Горький услышал в свое время все правды, смертно хлещущие друг друга на Соловках (а потом и на Беломорканале), и общеизвестно, какую правду он вынес оттуда в вольный мир. Объяснять эту загадку парализующим страхом да шкурными стремлениями Горького – значит заслоняться простенькими и удобными штампами от безысходности истинного понимания.

Вот такими были Соловки ко времени вельможной экскурсии Максима Горького.

«Администрация Соловков очень заботилась о придании лагерю видимости исправительного, особенно перед приездом Горького. Начал выходить журнал «Соловецкие острова», были организованы театр, музей и другие культурные учреждения. И все это, чтобы Горький мог убедиться, что никаких зверств на Соловках не происходит.

Я видел Горького в Соловецком лагере и отлично знаю, что он все видел и знал, что там происходит. Один мальчуган рассказал ему об истязаниях, о том ужасе, который творится в лесу.

Я попал в лес под предлогом отбора малолетних преступников для детской колонии, на самом же деле, чтобы спасти их. Мне было бесконечно жалко этих детей. Там я заболел, у меня открылось страшное язвенное кровотечение.

То, что я там видел, не поддается описанию. Заключенных, особенно басмачей из Средней Азии, не понимающих ни слова по-русски, не умеющих работать (дома за них работали женщины), в шелковых халатах и высоких сапогах, как они были арестованы, загоняли в лес, давали на сто человек две-три лопаты и заставляли среди камней рыть канавы. В этих канавах вдоль стенок сооружалось некое подобие лежанок, а покрывалось все это бревнами, ветками и лапником. Я попал в лес весной. Канава, в которой жили заключенные, наполовину была заполнена водой, с «потолка» капало, потому что шел дождь и таял снег. Похожий эпизод есть в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго», но менее страшный, чем то, что видел я.

Горький, конечно, этого не видел, но знал по рассказам заключенных. Однако, вернувшись в Москву, в 1930 году в журнале «Наши достижения» (!) он опубликовал восторженный очерк о соловецких чекистах, помня их теплый прием и поверив, очевидно, обещаниям, что режим в лагере будет изменен. <...>

Борис Глубоковский, в прошлом актер театра Таирова, развернул на Соловках бурную деятельность. Он возглавлял журнал «Соловецкие острова», лагерный театр, поставил замечательный спектакль «Соловецкое обозрение», для которого написал десятки текстов на мело-

дии из оперетты «Жрица огня»: «Соловки открыл монах Савватий, / Был наш остров нелюдим и пуст...»

«Соловецкое обозрение» продолжалось более 3 часов и завершилось финальной песней «Соловецкие огоньки», которую заключенные пели в темноте с фонариками в руках: «Соблюдая кодекс трудовой, / Охраняет нас милый конвой, / И гоняет с зари до зари / Нас с высокой Секирной горы...»

Песни, звучавшие в спектакле, были иронические, высмеивающие намерения начальства изобразить лагерь как исправительное заведение. <...>

Когда приезжала комиссия из Москвы, например, во главе с Глебом Бокием и Катаняном, прежде всего, конечно, устраивалось застолье, во время которого Глубоковский веселил гостей. А потом шли смотреть «Соловецкое обозрение». Глубоковский, изрядно подвыпивший, выходил на сцену и, указывая пальцем в зрительный зал, где в первом ряду сидели высокие московские гости, обращался к актерам-заключенным: «Пойте так, чтобы этим сволочам вас жалко стало». И эти «сволочи» ему все прощали. Вот такая атмосфера была на Соловках!⁴

Скорее всего, и на Беломорканале Горький увидел не только то, что подсовывало на его обозрение начальство. Видел он и описанный Солженицыным смертный труд, видел и активистов, прикормленных лагерным руководством, и стихийных активистов, которые карабкались к жизни по трупам своих товарищей, видел и освобожденных за героический энтузиазм, и награжденных государственными орденами. Все, вплоть до невероятной синекуры, было в могильных рвах Беломорканала.

«Тогда отца выслали на Беломорканал, в район Медвежьей Горы.

Первое время тачки возил, забивал сваи, стихи сочинял. <...>

Потом придумал что-то (как всегда) и стал на 400% норму выполнять. Одновременно писал статьи в газету, организовывал самостоятельные концерты. Начальство его быстро заметило. Дали маленькую комнату отдельную. Он подобрал себе бригаду из талантливых эзков.

К отцу вскоре приехала мама, а следом и я. Долго ходила, искала, наконец нашла. Он сидел за столом, что-то писал. Я открыла дверь, он смотрит на меня непонимающе и говорит: «Я вас слушаю?» Дома мы его называли Шишей. «Шиша, – говорю, – это же я, Таня!» Когда мы расставались, мне было 14 лет, а приехала я к нему семнадцатилетней девушкой. Он бросился ко мне...

Потом повел меня на репетицию, объявил всем своим, что приехал главный критик.

Так я познакомилась с труппой терентьевской бригады. Ее буквально носили на руках по всему Беломорканалу. Терентьев придумывал и ставил смешные, острые водевили на темы лагерной жизни. Заключенные так любили эти выступления, что только ради них начинали перевыполнять план.

Лагерь на Беломорско-Балтийском канале запомнился мне каким-то, я бы сказала, демократичным. До того доходило, что одному актеру, из раскулаченных, мальчишке совсем, мать отвечала на его письмо: «Нельзя ли к вам туда, в лагерь, устроить нашего младшего?»⁵

Нет, не из шкурного обережения своей весьма обеспеченной жизни опирался Горький на такие вот факты в своих свидетельствах о Соловках (и потом, вместе с представительной компанией советских писателей, о Беломорканале). И не страх направлял его перо и помыслы (по крайней мере, не только страх). Горький мечтал своими текстами улучшать саму реальность и этим способом преодолеть те ужасы тюремной жизни, которые гудели в нем услышанными голосами соловчан и беломорканальцев (как ладно к его теориям пришлось увертливое наименование «каналармеец» вместо официального з/к). Он вполне адекватно понимал, что никакими обличениями не в силах остановить зверства одержимых всевластием чекистов. И никакие его человеколюбивые резоны не могли победить бредовые идеи об уничтожении потенциальных врагов и перековке потенциальных друзей (а не горьковскими ли писаниями вспух сам миф об этой невиданной перековке?). Полезным мог быть только такой вот путь: увлечь самих «хозяев» романтическими идеями социалистической перековки, а они уже увлекут всю массу заключенных (они – увлекли!), и в таком преобразующем потоке просто не останется места для бессмысленных жертв, а новые люди, окрыляя друг друга... (в общем – птица для полета)...

Идеи пользы до добра не доведут...

Выбор сегодняшнего журналиста, исследующего тюремный мир, ничем не проще, чем тот давний выбор Максима Горького. Допустим, журналист понял, как устроена эта жизнь за демонстрационным фасадом,

⁵ Терентьева М. Мой отец Игорь Терентьев. <http://www.memo.ru/history/teatr/Chapter7.htm>

как кнутом гибельных камер и пряником козлячьих поблажек держится видимый порядок. Что ему делать с его пониманиями и догадками?

С одной стороны, очевидно, что вероятность повторного преступления у козлячьего активиста (а тем более у штатного стукача, без которых не устраивается ни один хозяйский порядок) куда выше, чем, например, у того удивительного упряма, который предпочел пойти в ШИЗО, но не согласился заниматься строевой подготовкой с оранием какой-нибудь бодрой песни (такое понимание режимного требования о перемещении заключенных только строем практикуют многие хозяйева). Выше, хотя бы потому, что уровень цинизма и пренебрежение к человеческому достоинству у активистов и стукачей тоже гораздо больше, чем у тех, кто это достоинство пытается сохранить (пусть и дурацкими методами – упрямо и бессмысленно). А что может вернее удерживать человека от преступления, чем уважение к человеческому достоинству? Один лишь страх наказания не очень надежный сторож.

Получается, что установленный порядок не только игнорирует, но и работает точно против предотвращения будущих преступлений – основной цели исправительного кодекса.

С другой стороны, обеспечение порядка в местах лишения свободы тоже устанавливается кодексом, как основная задача. А как же установить этот порядок для закупоренных на ограниченном пространстве людей? Даже и не преступники, а обычные люди, забытые в пространство очень ограниченных жизненных возможностей, без жесткого надзора неизбежно начнут разрушать любые запреты. А жизненные возможности тюремного мира очень ограничены, и любая дополнительная кроха жизни (часто необходимая для простого выживания, не говоря уже о выживании человеческом) добывается либо от начальственного расположения, либо за счет своего же соседа. Поэтому хозяйские резоны порядка и дисциплины кажутся вполне убедительными. Хозяину необходимо знать, что там мутят всякие упрямы, ему обязательно надо оградить от этих смутьянов и их разрушительного воздействия остальных подопечных («Это же, былля, мрази тупорылые – они уши развесят, а потом начинают, былля, за какие-то права залупаться»), ему никак без развращающей подмоги козлов и смертного труда мышей-стукачей.

Кстати, а в заградной жизни у наших хозяев были не те же задачи и не те же методы? Так бы все мы и задохлись здесь среди хозяйских козлов и мышей (или орали бы бодрые строевые песни – что на самом деле одно и то же), если бы и дальше отгораживались от большого мира запретками границ и запретами на знание правды (любой от-

дельной правды, пусть и несовместимой в привычных пока координатах с правдой соседа).

Так какую же правду выбрать журналисту? Сомнения и/или критика никакой пользы не принесут – только обозлят этого вот весьма симпатичного начальника. Куда полезнее поддержать его начинания (укрепить авторитет, помочь съездить по обмену опытом в какую-нибудь Норвегию, пригласить на столичную конференцию, посодействовать в приобретении какой-либо благотворительной помощи). А ведь и проник журналист за эти стены, скорее всего, тоже благодаря личной любезности хозяина (официального разрешения ГУИНа попробуй дождись!). Нельзя же оплатить эту любезность неблагодарной критикой. Да и руководство масс-медиа все больше требует позитивных материалов...

Сегодняшний «позитивный реализм» – это уродец, отпочковавшийся от соцреализма Максима Горького (и не на Соловках ли отшлифовал отец-основатель свою концепцию?).

Последний раз я побывал в колонии около года назад. Хозяин, разрешивший мне эту экскурсию, в порыве благодушия позволил посетить помещение строгих условий содержания. По правилам в таких условиях находятся по полгода не только нарушители режима, но и пришедшие в зону с рецидивом. Я ожидал увидеть отдельный барак, отличающийся от остальных жилых помещений только тем, что он, как того и требуют правила, запирается, и у содержащихся там туземцев нет возможности выхода в зону без специального разрешения охраны.

Только зачем городить все эти сложности со специальными запираемыми помещениями и надзором за ними? В распоряжении хозяина всегда есть стандартные камеры ШИЗО (для малолеток, у которых я был – ДИЗО⁶ с установленной охраной и очень надежными запорами). Так, в результате одной лишь хитроумной хозяйской изобретательности (уверен, что не уникальной, а широко практикуемой) туземцы попадают на настоящий тюремный режим.

В тесной камере, уставленной четырьмя двухъярусными шконками, восемь малолеток могли одновременно стоять только вжимаясь друг в друга (приветствуя вошедших, они обязаны были встать). Потом они по двое расселись на нижних шконках и лишь ухмылялись на благодушные хозяйские подтрунивания. Никаких жалоб – все у них хорошо и всем они довольны. Один даже засмутился, когда хозяин посоветовал ему по выходе в зону обязательно писать надзорную жалобу, так

⁶ ДИЗО – дисциплинарный изолятор.

как даже ему, хозяину, видно по приговору, что вина бедолаги ничем не доказана (но свой срок в этой душегубке парень отбудет полностью). Я видел плывущие над шконками голубые лица с ускользающими в сторону глазами и думать мог только о том, как же это я заявился сюда без «грева», без паршивой конфеты... без ничего...

И что толку от хозяйского добродушного нрава, от его зарубежных поездок и знакомства с опытом норвежских коллег, от его резонов и его правды?! Да любое его «дважды два» на фоне тех голубых лиц всегда будет заведомой ложью. По крайней мере, до тех пор, пока эти лица сами не станут помехой его начальственному благодушию...

Но благодушие сползает с начальственных лиц при любом столкновении с другой правдой, несовместимой со штампами их резонов (не важно где – в редких материалах СМИ или во взметнувшемся сопротивлении самих заключенных). Быстрее свиста улетучивается тогда опыт терпеливого взаимопонимания, современные теории и западные практики пенитенциарной работы – все то, чем их пичкали в зарубежных поездках и на чем выстраиваются оптимистические прогнозы неутомимых правозащитников.

При этом зерна, из которых прорастают тюремные неповиновения, можно обнаружить в самых благожелательных материалах СМИ. Например, в восхищении журналистов вежливостью зеков, громко приветствующих любого посетителя, и нередко – даже и со сдерживанием головного убора (Влас Дорошевич в своих очерках начала прошлого века о Сахалинской каторге пишет о тех же требованиях к каторжанам, правда, каторжане должны были еще и кланяться, но до этого воспитатели нашей тюрьмы пока не дошли). Или в восторженном описании активного участия зеков в самодеятельных организациях. А члены этих организаций (козлы-активисты) «имеют право «требовать от осужденных выполнения установленных правил поведения и информировать администрацию учреждения о совершенных или готовящихся правонарушениях». Нередко практикуется участие этих активистов в обысках, в дневных и ночных рейдах, выявляющих нарушителей»⁷. Подобная практика постоянно тлеет всполохом возможных беспорядков, но поощряется и провоцируется законом (в УИК⁸ указано, что участие в самодеятельных организациях поощряется и учитывается при определении степени исправления осужденных).

⁷ Александров Ю., Целмс Г. Красные и черные. Русский курьер № 101, 20 мая 2004 г.

⁸ УИК – Уголовно-исполнительный кодекс.

А чего стоят изобретаемые в тюрьме меры безопасности, никакими законами и правилами не предусмотренные!

Попробуйте проделать небольшой комплекс упражнений. Руки за спину (представьте, что на них застегнули браслеты наручников). Теперь руки вверх (выше! выше!). Кисти в стороны, пальцы в стороны. Присесть. Согнуться. Голову к коленям. Вперед, бегом.

Так принято конвоировать любые передвижения (из камеры в коридор, по коридору, в прогулочный дворик, и т.д.) тех, кто определен в особо злостные нарушители. По телевизору мы видели эти упражнения для пожизненников, но тюремные ноу-хау быстро перенимаются.

При этом следует особо подчеркнуть, что (точно по букве исполнительного уложения) все подобные меры ни в коем случае не имеют целью унижение человеческого достоинства заключенных. Цели совсем иные и в каждом случае – очень конкретные. Впрочем, цели сохранения человеческого достоинства уголовно-исполнительная система даже и не декларирует.

Все это – предмет серьезных споров специалистов, и прежде всего – предмет гласного обсуждения, но хозяевам и думать не надо о причинах каких-либо несогласий с ними: они заранее знают, что любая иная правда – это попытки криминального мира дестабилизировать выстраданный ими порядок.

В марте и апреле этого года массовые голодовки прокатились по лагерным зонам Ленинградской области, бунтовали в Иркутской, пытались организовать сопротивление в Бутырках...

Чиновники ГУИНа объяснили, что «в марте-апреле 2004 года некоторые так называемые «воры в законе» встречались в Челябинске, Иркутске, Новосибирске, Кемерово с местными криминальными «авторитетами» и представителями организаций, получающими финансовую помощь от криминальных структур. Эти встречи проводились с целью дестабилизации обстановки в учреждениях уголовно-исполнительной системы Минюста России и проведения акций протеста в местах лишения свободы»⁹.

Как будто, например, широко применяемые вызовы спецназа на тюремный обыск, тоже организовывались авторитетами и ворами в законе (известно, что такие обыски неоднократно уже становились причиной беспорядков, так как по своей специфике все, что делает спецназ, он делает полным истопом).

⁹ <http://www.regnum.ru/allnews/257771.html>

Кстати, критику советской системы прежние хозяева тоже привычно смахивали в попытки антисоветских элементов дестабилизировать радующий взор порядок. А всего-то и надо было – не душить правду, любую правду (неудобную, непонятную, угрожающую – любую). Тогда и порядок удерживался бы прочным фундаментом, а не гипнозом страха, и не рассыпался бы в прах от одного лишь дуновения истины...

До тех пор, пока запретки тюремного мира будут порождать, провоцировать и поддерживать запреты на полную информацию о нем, до тех пор и будет жить и сохраняться тенденция его развития к прежнему порядку – не вперед к европейским стандартам, а назад и по кругу – в костоломное равнодушие ГУЛАГа. Недавние события в иракской тюрьме продемонстрировали, что без абсолютной прозрачности всех запреток и всех застенков никакая демократия не способна стать иммунитетом от палачества.

Поэтому частный выбор журналиста, о котором я здесь говорю, перестает быть его частным делом.

Пока еще амплитуда его выбора кажется не слишком страшной, хотя в какой-то форме там присутствует и составляющая собственно страха. Страх этот, конечно, много мельче прежнего (как и нынешняя козлячья возня тюрьмы мельче былых сучьих войн), но это не результат прогрессивного очеловечивания общества – это характеристика времени. Амплитуда размаха от зверств к благодеяниям меньше ровно настолько же, насколько хозяйское желание уютной дачки с закусочными грядками меньше бредовой мечты о мировой Республике Советов. Однако амплитуда выбора каждого отдельного человека, когда этот выбор подступает к самому его горлу, тот же по своей абсолютной величине потому, что той же ценой – душой своей – приходится расплачивается и за выкроенное из чужого будущего козлячье благополучие, и за несостоявшиеся жизни, перегнивающие в дачных грядках, и за истину, искривляемую личными желаниями (в том числе и желаниями пользы).

Сам человек, насобачившись в хитроумных самооправданиях, не слишком горюет о том, что его становится меньше, – чешет себе дальше, сохраняя пустой оболочкой вполне человеческое выражение лица. Но дефицит человеческого в нашем обществе все более очевиден. А что, если существует некая критическая масса общественного бездушия, после накопления которой процесс разращения уже просто необратим? Тогда тюремный мир, с его упрятанной в молчание практикой ампутации души, каждый день приближает нас к этому будущему.

ОСТРОВА ПАМЯТИ

ЖАК РОССИ

Наталья Горбаневская

Памяти Жака Росси

30 июня 2004 года в Париже на 95-м году жизни скончался Жак Росси, автор всемирно знаменитого «Справочника по ГУЛАГу» и замечательной книги рассказов «Ах, как была прекрасна эта утопия!». В юности став убежденным коммунистом, а позже агентом Коминтерна, Жак провел затем 24 года в советских лагерях и ссылке и лишь в 1961 г. освободился и выехал в страну, где родился, – в Польшу, а уж только потом, в середине 80-х, смог поселиться во Франции, на родине своей матери и скончавшегося до его рождения отца.

Еще в страшных Норильских лагерях Жак-француз, как его называли в лагере, задумал сохранить память о ГУЛАГе, тайно составлял словарь лагерного языка. Потом он – все так же тайно – продолжал эту работу в Польше и наконец завершил ее на Западе.

«Справочник по ГУЛАГу» – капитальный труд. В виде словаря в нем представлено описание всех тюремно-лагерных реалий ленинско-сталинской эпохи. По-русски впервые книга вышла в 1989 г. в «тамиздате», в лондонском издательстве «Оверсиз». Я получила «Справочник» из рук самого автора, с которым мы к тому времени, несмотря на немалую разницу в возрасте, стали друзьями. Он бывал у нас, в редакциях «Континента» и «Русской мысли», и особенно подружился с покойной Наташей Дюжевой, заместителем главного редактора «Русской мысли», которую ему довелось пережить, а через нее – и со мной.

Уезжая в том же 89-м году в отпуск, я взяла с собой «Справочник по ГУЛАГу» и – по редакторской привычке – читая, делала пометы, опираясь на свой (короткий, но более поздний) тюремный опыт. Потом я сказала об этом Жаку, и он попросил меня дать ему этот экземпляр. «Я вам отдам чистый», – заверил он. А два года спустя, когда «Спра-

вочник» издавали в Москве, Жак учел мои пометки и оказал мне честь: записал меня редактором второго, исправленного издания. Мне самой «Справочник» Жака Росси оказал особую помощь, когда я взялась переводить его же книгу «Ах, как была прекрасна эта утопия!», в 2002–2003 гг. публиковавшуюся с продолжением в «Русской мысли». Позволю себе привести цитату из моего послесловия от переводчика.

«В прошлом году, навестив Жака в приюте у польских монахинь в Париже, я сама предложила ему, что возьмусь переводить отрывки из его книги. Но потом наступили долгие колебания: да стоит ли? да ведь все уже всё давно знают, всё давно читали – и у Солженицына, и у такого множества авторов воспоминаний и исследований... Я решила попробовать: ну выберу какие-то самые интересные кусочки, на дватри номера... Начала – и не могла остановиться». <...>

Думаю, чудо рассказов Жака Росси состоит в том, что мы не воспринимаем их как «мемуары», да и себя не чувствуем «читателями мемуаров». Автор каждый раз делает давнопрошедшее время настоящим, неумолимо погружая и нас в него, приобщая к голоду, холоду, к тесноте барака и камеры, к судьбам его (наших!) соседей по нарам, к своим заблуждениям и своему постепенному прозрению.

...Переводила я довольно свободно, учитывая, что книгу Жак писал в расчете на французского читателя. Где-то автор должен был сталкивать вещи, всякому русскому известные (например, что Красноярск находится в Сибири и т.п.), и тогда я лишние детали опускала; а где-то французский язык не позволял передать богатство лагерного лексикона, и тогда в поисках синонимов (например, к слову «пайка») я прибегала... – легко догадаться: к «Справочнику по ГУЛАГу» самого же Жака Росси. Может быть, поэтому самой драгоценной похвалой стали несколько слов в записке Жака (...): «В переводе текст принимает новое звучание. И очень-очень нравится мне». Потому, надеюсь, и нравится, что это «новое звучание» – его, авторское, «русский текст» рассказов Жака Росси.

В послесловии я также выражала надежду, что и эта книга Жака Росси выйдет в России, как вышел его «Справочник по ГУЛАГу». В предисловии к другой публикации Росси, в журнале «Новая Польша» (2003, № 10), я писала: «Написанная для политически «малограмотных» французов, она могла бы, например, стать замечательным учебным пособием для русских школьников, родившихся после коммунизма. Увы, пока мои попытки найти издателя окончились ничем».

Жак Росси

Ах, как прекрасна была эта утопия! Гулаговские хроники

Карцеры

Три шага в длину, три в ширину. Мокрый, непросыхающий цементный пол. Окна нет. Лампочка над дверью горит круглые сутки. Ее защищает металлическая решетка. Грязная, вонючая шайка, которая служит парашей, – единственная мебелировка помещения. Прежде чем строить карцеры, администрация приказала вырыть ров, который заполнили водой. Осенью она превратилась в ледяную плиту. Здесь, за Полярным кругом, она такой и останется навсегда. Она служит фундаментом карцерам, одновременно обеспечивая в них минусовую температуру. Вот он, «трюм», куда меня спустили на 15 суток.

Кроме таких, обычных, карцеров, в следственных тюрьмах есть еще спецкарцеры, где по приказу следователя держат обвиняемых, чтобы добиться показаний: карцер-парник с трубой, плюющей жгучим паром; карцер-ледник; водяной карцер, устроенный так, что попавший туда эзк все время остается по щиколотку, а то и по колено в воде. Есть еще карцер с наклонным полом, где в конце концов сворачиваешь ноги, пытаешься удержаться в неудобной позе. Упомянем еще тот, который я назвал «Прокрустовым карцером». Он такой тесный и с таким низким потолком, что в нем можно только скрючиться.

Здесь я хочу – делаю три шага туда, три обратно, хочу – остаюсь стоять посередине. Потому что, стоит мне прислониться к стене или сесть на пол, влага меня пропитывает. День начинается в пять утра и кончается в одиннадцать вечера. Отуев от усталости, я слушаю грохот открываемых и закрываемых дверей. Грохот приближается. Вот и моя очередь. Дверь открывается, и надзиратель подпускает меня к порогу – собрать

Публикуются отрывки из книги. Издатели, заинтересованные в издании книги на русском языке, могут вступить в контакт с переводчиком Наталией Горбаневской.

одежду, сложенную в коридоре, под дверь. Днем разрешено только нательное белье. Потом он выдает мне «койку». Это деревянный щит из трех длинных досок, набитых на две поперечины, размером метр восемьдесят на шестьдесят сантиметров. Я ставлю «койку» на пол, быстро-быстро одеваюсь, падаю на доски и мгновенно засыпаю.

Долго ли я проспал? Меня вырвал из сна ледяной холод. Бьет озноб. Больше не могу. Я встаю, чтобы попробовать согреться: три шага туда, три обратно. Надзиратель заглядывает в глазок и велит лечь: вставать раньше пяти часов запрещается, иначе новый карцерный срок. Я слушаюсь. Снова засыпаю. И снова холод будит меня. Он пронизывает до костей. Я поднимаюсь, чтобы согреться. Никакой реакции. Уж не заснул ли надзиратель? Я снова ложусь. И так всю ночь. Раз двадцать, не меньше. Наконец я слышу заводской гудок. Какое счастье! Кончилась эта жуткая ночь!

– Ложись, – командует надзиратель.

Это гудок на ночную смену, а не побудка... Выходит, позади единственный ночной час. Осталось еще пять...

Прежде чем посадить в карцер, тебя обыскивают. Отбирают всю одежду, кроме белья (и возвращают каждый вечер перед отбоем). Папиросы, табак, спички, малейший клочок бумаги, малейший огрызок карандаша, малейший обрывок чтива – отбирают все. Каждое утро в карцере получаешь четверть литра кипятка и трехсотграммовую пайку, а раз в три дня, в обед, – половник самой жидкой баланды.

И вот еще что: надо научиться так располагать тело на досках, чтобы как можно меньше мучиться. Если спишь на спине, все кости входят в соприкосновение с досками, прямое и болезненное, все, от затылка до пяток: лопатки, позвонки, поясница, крестец и т.п. А если и голова лежит на досках, сворачиваешь шею. Лежать на животе тоже не слишком-то удобно. Но если лечь на правый бок и подтянуть левую коленку к груди, то удастся уравновесить тяжесть левой ноги и дать облегчение правой стороне грудной клетки. Правую руку вытягиваешь вдоль тела, а виском и скулой ложишься на пальцы левой руки, устраивая из них подушку. Время от времени поворачиваешься на другой бок. Против холода, к сожалению, приема нет.

Пятнадцать суток карцера кончились, меня ведут в камеру. Я спешу снять мокрую замерзшую одежду. Когда я расстегиваю куртку, мне шибает в нос запах плесени. Господи Боже, как хорошо в камере!

Чаще всего в карцер сажают на 10–15 суток и не выводят ни разу. Ни прогулки, ни бани. В принципе, карцером наказывают за нарушение правил внутреннего распорядка, но случается – и под ложным предлогом.

Палач

К.Д. – из Прибалтики. Бывший унтер-офицер царской армии, он был членом подпольной большевистской ячейки задолго до октября 1917-го, а затем стал одним из первых чекистов. Еще какое-то время спустя его направили в охрану Ленина.

В 37-м К.Д. был моим соседом по нарам в Бутырке. Сосед – это, конечно, только так говорится: нас на нарах несколько десятков, мы притиснуты друг к другу, как сельди в бочке, и лежим на голых досках, образующих своего рода палубу, намертво прикрепленную к стене. К.Д. – хороший сосед: с ним не надо опасаться вторжения на твою территорию. Он услужлив: когда мне доводится переносить «конвейер», берет на себя заботу о сохранении моей миски с баландой.

Иногда он делится со мной воспоминаниями о Ленине, о котором говорит с нежностью и восхищением. Я поражен возникающим передо мной иным образом Ленина, весьма отличающимся от известного мне по советской пропаганде. Это уже не застывшая большевистская икона, а скорее бог-олимпиец со всеми своими причудами. И язык К.Д. непохож на официальный: он не использует избитых штампов, например, всегда говорит «октябрьский переворот», хотя вот уже сколько лет это называется «Великая октябрьская социалистическая революция»...

Один из его рассказов особенно мне запомнился:

– Когда конвоируешь человека, которого тебе поручено расстрелять, обязательно надо проверить, чтобы руки у него были крепко связаны за спиной. Наши парни используют для этого проволоку – надежнее, чем веревка. Потом с заряженным револьвером в руке пускаешь его впереди себя, а сам идешь в двух шагах сзади, давая ему приказы «Налево!», «Направо!», «Спускаться по лестнице!» и т.д. До самого того места, где уборщица насыпала опилок или песку. Тут представляешь ему револьвер к затылку, но не вплотную, чтобы он так ни о чем и не догадывался. Нажимаешь на курок и в то же самое мгновение даешь ему хорошего пинка...

– А зачем это? – спросил я, удивившись.

– Чтобы кровь не забрызгала гимнастерку. Представляешь, сколько сил стоило бы жене отстирывать ее каждый день!

Крестьяне

«Вырублено топором»... Иначе и не скажешь: точно такое впечатление производит его голова. Ему лет 75, а может, и 80. Сложения он крепкого. Острижен, как и все мы. Белая макушка вздрагивает. Паль-

цы у него толстые, мозолистые, большой и указательный пожелтели от махорки. Блекло-голубые глаза глядят куда-то мимо, далеко-далеко.

На дворе 1940 год, и мы сидим в одном из бесчисленных лагерей необъятной гулаговской империи. Он, Никанор, сидит уже девятый год. Я – всего лишь третий. Молодой французский коммунист, я только-только начинаю избавляться от марксистско-ленинских иллюзий – под впечатлением советской действительности, которую ГУЛАГ разворачивает перед моим взором, и потрясенный биографиями тысяч моих сокамерников и солагерников из всех слоев советского общества.

Никанор – старый русский крестьянин, родители его еще были крепостными; на его глазах прошли революции 1905 года и февральская, октябрьский переворот, и никогда он не питал никаких иллюзий. Я слушаю его рассказы. Он говорит очень тихо, не повышая голоса, без всякой риторики. Просто констатирует факты. Я давно уже его слушаю и совершенно ошарашен.

– Первый умер часа два-три спустя как родился, – продолжает он, – второй протянул до утра.

Никанор говорит о близнецах, родившихся в товарном вагонзаке, о своих правнуках. Вагон был частью длинного эшелона, увозившего в неведомое несколько сот семей тех, кого записали в «кулаки». Высылали их подчистую, от грудных младенцев до прикованных к одру стариков. В том числе и беременных женщин. Вооруженная красноармейская часть окружила деревню, и комиссар приказал крестьянам собрать все, что они в силах унести. Все оставшееся: земля, постройки, мебель, одежда, посуда и т.п. – перешло в колхозную собственность. Разумеется, без всякого возмещения.

От рассказа Никанора, который все продолжает говорить тоном бесстрастного летописца, у меня перехватывает горло. И вдруг выплывают воспоминания... Задолго до того, как я начал карьеру гулаговского зэка, будучи подпольным эмиссаром Коминтерна, я выполнял очередную миссию где-то в Западной Европе. В местной прессе появилась сенсационная статья о коллективизации. И я слышу от Никанора ровно то же, о чем рассказывалось в статье! В растерянности я задумываюсь: а не читал ли он эти газеты? В то время я, конечно, возмущенно отверг эту «гнусную клевету на первое в мире рабоче-крестьянское государство». Помню, даже добропорядочные буржуи не могли поверить всему, что там было написано. Впрочем, заметим, не так же ли мировая общественность в 1943 г. не верила известиям об уничтожении евреев в газовых печах?

Так, выходит, и я приложил ко всему этому свою руку? Признание достается больно. Мне стыдно и сегодня.

Лампочка

Он взобрался на фонарный столб и украл лампочку. Видно, хитрая система, задуманная, чтобы воров било током, отказала, или, может, Шурик ее обхитрил. Довольный успехом, он уже предчувствовал вкус хлеба. За лампочку он уж точно получит буханку от кого-нибудь из вольняшек, которых встречает на работе.

Не повезло – на него донесли. Чтобы везти в тюрьму, за ним приехала машина местной госбезопасности с шофером и двумя лейтенантами. Странно: зачем два офицера, когда хватило бы и одного сержанта? Не знаю. Зато точно знаю, что они были из органов: фонарь, о котором идет речь, стоял на учете у ГБ. Следующий, в десяти метрах, уже был в секторе под контролем милиции. Но Шурик-то влез на тот.

Дело было несложное, и обвиняемый не запирался. Поэтому следствие у Шурика проходило без битья и особого рвения, а суд – по всей форме. Поскольку в момент преступного деяния он уже отбывал срок за воровство, то ему как рецидивисту довели три года. Между арестом и процессом прошло всего полтора месяца. Да еще две недели формальностей с переводом в лагерь, хоть он всего в четверти часа ходьбы от суда и тюрьмы.

Это было в Сибири, за Полярным кругом, в начале 50-х. В то время лейтенанты госбезопасности и следователи получали (с северной надбавкой) примерно три с половиной тысячи рублей в месяц, то есть 17 рублей в час. Сержант – примерно 13 рублей. Содержание заключенного в тюрьме обходилось в 9 рублей в день. Если сложить израсходованные суммы: поездка двух офицеров и шофера-сержанта за Шуриком (47 рублей), два месяца его содержания в тюрьме (551 рубль) и стоимость того, что не выработал Шурик за свой вынужденный прогул (675 рублей), – то эта история обошлась государству в 1538 рублей.

Лампочка в то время стоила 7 рублей. Да только их нипочем нельзя было достать.

Человек лошади не ровня

Десятки штабелей леса возвышаются в глубине, вдоль эстакады. Метрах отсюда в семидесяти проходит железнодорожное полотно. Перед каждым штабелем мечется бригада эзков: надо толкать бревна одно за другим к путям, а потом быстро-быстро, как только прибудет состав, грузить на платформы. Для облегчения проложили два ряда

бревен, концы к концам вплотную, – по этим «рельсам» другие бревна могут «ехать». Вес бревен зависит от длины – от 4 до 8 метров, диаметра – от 25 до 40 сантиметров, а еще от породы – сосна это или же лиственница, самое тяжелое из сибирских деревьев. Мы обычно катим бревно вчетвером. Устаешь смертельно: все десять часов работаешь в скрюченном положении.

У наших соседей справа дело «катится» на вид без сучка без задоринки. Это всё старые эзки, крестьяне. Слева – еще лучше: цыган Фриц (и где он выкопал себе это имя?) работает один с клячкой, которую ему доверило начальство. Он ловко припрягает лошадь к комлю (куда более тяжелому, чем верхушка) и потом подталкивает бревно – то левой рукой, то ногой, из правой руки не выпуская вожжей и кнута. Мы восхищены его умением и многоэтажной бранью, которой он осыпает невозмутимую клячу. А мы тут, рядом, собрались ни на что не годные! Мы – это четыре новичка: Епифанов, до 37-го преподаватель марксизма-ленинизма в Московском горном институте; Иванов, комполка Красной армии, начштаба дивизии; астроном профессор Козырев, заведовавший научными исследованиями в Пулковской обсерватории... И, наконец, ваш покорный слуга, бывший тайный агент Коминтерна...

Вот и отгорбили свои десять часов, теперь ждем конвоя, который поведет нас в лагерь. Профессор Козырев поворачивается ко мне:

– Какое несовершенное творение человек! Подумать только, что после миллионов лет естественного отбора мы, четыре образчика рода человеческого, все еще ниже несчастной лошади...

Гнилая рыба

Декабрь 1941-го, Дудинка, порт Норильлага. Наша работа – выдирать изо льда доски, сплавленные с лесопилок, расположенных в сотнях километров вверх по течению. Эти доски дожидаются здесь с лета. Они сплочены в звенья 4 на 4 метра, а то и поболее, высотой больше двух метров. Когда они прибыли несколько месяцев назад, их подтолкнули как можно ближе к берегу, чтобы был доступ, когда вода спадет. Но эзков в теплое время посылали на другие, более срочные работы, и доски долежали тут до зимы, увязли в грязи, а теперь скованы ледяной корой и засыпаны толстым слоем снега.

Прежде всего их надо освободить от этого слежавшегося твердого снега. Потом, пользуясь ломом как рычагом, доску за доской выкалываешь из ледяной скорлупы. Очень тяжелая работа: доски – четырехметровые, шириной сорок сантиметров, толщиной – пять.

Мы проработали уже много часов, и звено, которое мы долбили, уменьшилось наполовину, когда в нос ударила жуткая вонь. Непереносимый запах гнили. А ведь зима, минус 30 градусов!

В крохотном отверстии между двумя досками уцелела лужица незамерзшей воды, со всех сторон защищенная от мороза толстым слоем дерева. В лужице плавает малюсенькая, не длиннее четырех сантиметров, дохлая рыбка. Вот откуда вонь.

Алеша, с которым я таскаю доски, ни на миг не задумался - кинулся как ястреб, схватил ее и схавал.

Алеша – крестьянин, колхозник. Он знает, что такое голод. И узнал это не в лагерях. Ему было всего 12 лет, когда его деревню коллективизировали.

Голод

Стенки пустого желудка у меня сокращаются, задевают друг за дружку. Ничегошеньки съестного, чтобы их раздвинуть. Они будто хотят сами себя пожрать. Нет, я не знаю, так ли точно оно происходит, но так я чувствую... Неуголимая боль. Только сон способен немного ее успокоить. В лагерях говорят: «Сон – дело святое: укрепляет нервы и еды не требует».

Сколько уж лет я голоден! И твердо знаю, что так всегда и останусь голодным. Голод терзает желудок, но забирается и в голову. Мои мысли мешаются. Смутные воспоминания выплывают из далекого прошлого. Воспоминания о жизни в свободном мире, до моего приезда в Советский Союз, до ГУЛАГа. Воспоминания о страстной борьбе за социальную справедливость, за свободу...

Нас было пятеро-шестеро юных энтузиастов, споривших, как изменить мир. Каждый приводил свои цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Мировая революция произойдет завтра, она неизбежна. Мы сидим вокруг стола, на котором валяются остатки ужина: недоеденные куски белого (!) хлеба, куриные кости, на которых еще осталось мясо, стаканы с недопитым вином...

Я делаю сверхчеловеческое усилие, чтобы оторваться от этого сводящего с ума миража. никоим образом нельзя себе позволять эту «гастрономическую мастурбацию». Да-да, так в лагерях называют гастрономические воспоминания о былом. Они способны лишь ослабить сопротивляемость голодного зэка, попавшего в камнедробилку всемогущей госбезопасности всемогущей коммунистической диктатуры. Главное – не облегчать ей работу!..

А вот я на Елисейских Полях. Прекрасная погода. Гуляют счастливые люди. Они даже не подозревают о существовании ГУЛАГа. Шикар-

ные витрины, кафе, бары, веселые сотрапезники вокруг стола с... Ох, нет! Опять? Сделаем новое усилие...

На этот раз я прогуливаюсь по Лувру. Ника Самофракийская, Венера Милосская, божественная Джоконда, а рядом... рядом фламандцы: рубенсовские женщины, пышные, как пышки, натюрморты, горы съестного, от которого набегают слюни... Нет, к чертям воспоминания! Что ни вспомнишь – всё то же!

Даже если б я в один присест съел свою пайку, шестьсот граммов черного хлеба, голод останется со мной. Оно, впрочем, и рекомендуется поспешить с пайкой: в тесноте барака может случиться, что у тебя изо рта вырвут кусок, который ты не успел проглотить. Но иногда удастся спокойно поджарить на печке этот мокрый и клейкий хлеб, и он становится хрустящим. И если тянуть его долго, очень долго, обильно смачивая слюной, он становится сладким. Какая вкуснятина! И не важно, что сосед чистит себя от вшей, бросая их на ту же печку... Вши загораются и лопаются, как петарды.

А особенно в крытой тюрьме, в централье, где ты заперт в камере круглые сутки, у тебя появляется возможность бесконечно растягивать каждую крошку хлеба, каждое зернышко просяной каши. Конечно, у кого есть ларек, те с легкостью проглатывают еду. Как трудно парням не глядеть в их сторону, не слышать, как они громко жуют и отрывают! И как трудно рассуждать разумно, убеждая себя, что у соседа кусок сахара не больше – не может быть больше! – того, который выдали тебе.

Правда, ГУЛАГ дарует своим каторжникам возможность улучшить питание в обмен на перевыполнение норм. Увы, расчет составлен так, что добавочное питание не компенсирует добавочно вложенного труда. Очень быстро ээк выбивается из сил, и вот уже видишь, как он роется по помойкам. Отсюда и пословица: «Не маленькая пайка губит, а большая».

Холод

Будто какой великан черпает ведром из световой реки, а потом расплескивает весь этот свет по небосводу. Бледные, словно неоновые, пятна вспыхивают там и сям на куполе небес. Лучи идут волнами, зигзагами, вибрируют, подпрыгивают, угасают и тут же загораются в другом месте. Иногда это бескрайний волнующийся занавес света, подвешенный высоко-высоко в небе; он в точности таков, как северное сияние из моего учебника по географии – Бог весть когда, в далеком детстве. Господи, как высоко...

Но этот блистательный спектакль, который разыгрывает перед нами природа, отнюдь не приводит нас в восторг. Чтобы вспыхнуло север-

ное сияние, надо, чтобы небо было совершенно безоблачным. А мы отлично знаем, что это предвещает мороз еще покрепче. Уже минус сорок, и каждый лишний градус мы чувствуем на своей шкуре. И термометра не требуется: ты слышишь, как кости промерзают. Когда мороз доходит до пятидесяти, нужно делать усилие, чтобы расклеить веки, а каждый вдох врезается в легкое ножами.

От мороза защищаешься как можешь: подвязываешь веревочкой рукава на запястьях, поверх рукавиц; то же самое – на щиколотках. Еще одной веревкой подпоясываешься, чтоб не дать морозному воздуху пробраться под одежду. Шапку натягиваешь по самые брови, шею и лицо обматываешь тряпкой, оставляя снаружи только глаза.

Дыхание, смерзаясь, образует ледяную корку, которая режет перегородку носа. Некоторые предпочитают оставить нос снаружи – лучше уж отморозить. Они все время дуют на каплю, которая повисает на кончике носа. Какие тут платки – снять рукавицу и полезть в карман практически невозможно: пальцы тут же коченеют. И то уж тяжело застегнуть пуговицы, помочившись.

Эти многочисленные приготовления отнимают много времени. Вся одежда – хлопчатобумажная: белье, ватник и ватные штаны, портянки, бушлат, шапка. На ногах – лапти.

Каждый час мы имеем право пять минут погреться у костра. Но осторожно – искры! Хлопчатобумажная ткань легко загорается, не то что дубленые тулупы и толстые валенки наших конвоиров. Мы с завистью глядим на их ражие, раскормленные морды. Они отдали нам приказ разжечь костры и не отходят от них, разве что на те несколько минут, когда подпускают нас к огню.

В 20-е годы работу на воздухе (кроме чрезвычайных обстоятельств) полагалось прекращать при 25 градусах мороза. Затем секретные инструкции подымали планку все выше и выше, дойдя, например, в колымских лагерях до минус 50. Зэки служили советской власти подопытными животными для проверки человеческого организма на сопротивляемость холоду (голоду, битью и т.п.). Достигнутые результаты выходят далеко за рамки норм, предусмотренных Всемирной организацией здравоохранения. Еще один мировой рекорд побит!

Побудка

Удары молотка об рельс. Разносясь в морозном ночном воздухе, они отдаются хрустально чистым эхом в вонючей тесноте барака. Пять

часов утра. Темно. Ночь протянется еще несколько месяцев: мы же за Полярным кругом.

Но для нас начинается новый день. В нашей половине барака нас 125 человек, вплотную прижатых друг к другу на двухъярусных нарах. Доски прибиты к боковым стенам во всю длину барака, на высоте пятидесяти и ста десяти сантиметров от пола. Кто спит внизу, тот, подымаясь, нередко стучается головой об ноги тех, кто слезает с верхних нар. Брань, свары. И без того нелегко оторваться от сна, который позволяет забыть о голоде...

До пробудки Ваню, дневальный, пошел забрать из сушилки наши бушлаты, обувь и портянки. Все это – серое, бесформенное, латаное-перелатаное. Из-под груды отрепьев виднеются только ноги Ваню. Не успел он вывалить всю грудку на пол, а мы уже кидаемся, чтобы выхватить свои вещи. Нелегкое дело! Особенно трудно опознавать портянки. Не находишь своих, или по ошибке берешь чужие, или не по ошибке, а чтоб не остаться без портянок. Тычки, пинки...

Умывальники стоят в тамбуре, который делит барак пополам и откуда дверь выходит наружу. Температура здесь почти такая же, как и на улице. Вода замерзает с октября до середины мая. Но в бараке стоит бак с водой, которая не замерзает. Некоторые ловкачи набирают воды в рот, прежде чем отправиться к умывальнику, а там наполняют водой ладони, сами превращаясь в ходячие умывальники. Другие попросту дожидаются следующей бани (раз в десять дней), перед которой всем стригут головы под ноль и лобки (бороду – это если хочешь). Всё одной и той же машинкой.

Между тем Ваню снова явился, на этот раз с двумя ведрами кипятку на завтрак. Не думаю, что многие из нас еще помнят, что они когда-то пили чай или кофе по утрам.

Наконец наступает самый торжественный момент дня: Ваню возвращается из пекарни с хлебом. Его сопровождают несколько парней из нашей бригады, самые крепкие, чтобы по дороге не ограбили. Но нет, все прошло хорошо. И вот наши драгоценные паечки положены на подстилку бригадира. Ох, как услаждаешь глаза их рыжей липкостью, как пьянеешь от их кислого запаха. Пайки – от 450 до 900 граммов, и около половины веса составляет вода. Их число и вес тщательно рассчитаны в согласии с бригадирской рапортницей, где точно указано, сколько и какой работы набежало на каждого члена бригады.

Этот хлеб – основа нашего питания, самое что ни на есть важное для нас. А кроме того, хлеб в лагерях – самая устойчивая ценность. Как доллар в странах Третьего мира. Пайки розданы, настала очередь горячей

пищи, баланды и каши, чаще всего просяной. Поевши, мы готовимся к выходу на работу. Натягиваешь на голову ватную ушанку, завязываешь тесемки под подбородком, закутываешь тряпками шею – плотно-плотно. Потом надеваешь бушлат, хорошо застегиваешь, крепко подпоясываешься веревкой, затягиваешь веревочки на запястьях и щиколотках. Все это требует времени и умения, особенно правое запястье! Будто мужик, запрягающий лошадь. Да только здесь ты сам лошадь... Много лет спустя, когда я увидел на экране телевизора, как космонавты надевают свои комбинезоны, я вспомнил наши тщательные приготовления.

Ну и вот – мы готовы к выходу на 10–12 часов по морозу, который может дойти и до минус сорока.

Вано останется в бараке делать уборку и стеречь наше жалкое добро. Все эзки обязаны работать, значит, и нам надо отбарабанить свой рабочий день. А уж бригадирское дело – исхитриться при составлении рапортчики.

Шесть утра. Новый сигнал. Все бараки изрыгают толпу усталых, серых, изможденных эзков. Никуда не денешься – движемся к воротам. Там нас ждет вооруженный конвой с овчарками, чтоб вести на работу. И все мы вместе прибавим новый камушек в светлое здание коммунизма.

Развод

Зима. Еще нет шести часов. Лагерные ворота закрыты. Собственно говоря, ворота – громкое слово: это двустворчатая рама из неошкуренных бревен, поперек и наискось перетянутая рядами колючей проволоки. Через нее видно, как прибывает конвой с овчарками, чтобы разводить нас по участкам. Нас уже выстроили бригадами, а внутри бригад – пятерками. Собралось всякое мелкое начальство – почти все они уголовники, например нарядчик со списком бригад, их состава и назначенных им мест работы. При начальнике вохры тоже толкуются его шестерки-уголовники. Тут же кладовщик и завснаб: если ээк пожалуется, что он плохо защищен от холода выданными ему отрепьями или слишком голоден, чтоб работать, они важно ответят, что он «питается по норме» и «одет по сезону». Тогда у него остается выбор: отправляться на работу или в карцер. Тут же заведующий КВЧ: в который уж раз ему предстоит удивляться, насколько далек энтузиазм этих каторжников социализма от воспетого на все лады пропагандой. Особенно трогательно присутствие фельдшера: если ээк тяжело болен и не способен работать, он даст ему таблетку. Число освобожденных от работы не может превысить шести процентов, и норма уже достигну-

та. Не напрасно говорит пословица: «Голову под мышкой принеси – получишь освобождение». Начальник лагеря редко бывает на разводе, посылает кого-нибудь из своих подчиненных. Что же до самой главной в лагере персоны, опера, то ему незачем здесь быть: если что случится, он и так все узнает, со всеми подробностями, от своих стукачей.

Шесть часов. Раздается сигнал на работу. Охранники толкают створки ворот. Один из них держит в руках фанерку и подает знак бригадире ближайшей бригады. Тот рапортует: «Петров!» Охранник находит фамилию на фанерке и приказывает бригаде шагать вперед. Бригада, по-прежнему пятерками, проходит в ворота, а двое вохровцев громко считают пятерки: «Раз, два, три...» – умножают полученное число на пять, прибавляют троих-четверых из последней шеренги, если она неполная, и объявляют: «Бригада Петрова, 29 человек!» Тот, у кого фанерка, записывает цифру. Бывает, при счете охранники сбиваются – тогда начальник конвоя и его солдаты пересчитывают эзков, которых получают под свою ответственность. Им тоже случается сбиться. И развод тридцати бригад, то есть 600–700 человек, может занять больше часа. Хоть дождь, хоть ветер, хоть мороз. И то же самое по возвращении, после десятичасового рабочего дня.

Сотни людей уже прошли, и вдруг один эзк нарушает монотонность развода. Когда в ворота проходит бригада Сидоренко, этот эзк срывает с себя всю одежду и остается совершенно голый. Глаза у него блестят, как у одержимого. Все знают, что эзка, «одетого не по сезону», конвой не примет: у него командиры свои, он начальнику лагеря не подчиняется. Начальник вохры подает знак, его подчиненные хватают беднягу и бросают в снег. Пересчет бригад продолжается как ни в чем не бывало. Когда лежащий на снегу пробует поднять голову, охранники валенками погружают ее обратно в снег. Впрочем, без особой жестокости. И только когда пройдет последняя бригада, они прикажут ему встать и одеваться. Если откажется, отведут и голого, а потом дадут расписаться под решением начальника лагеря: десять дней карцера с выводом на работу. А все-таки он избежал долгого пути до участка своей бригады! Да и работа в зоне не такая тяжелая. В общем, почти как дома.

А бригады, которые идут на работу, бывает, видят за воротами один или несколько трупов прямо на земле: это беглецы, которых изловили и избили до смерти, а потом бросили тут – в пример другим. Так они и будут лежать несколько дней. Старая традиция, еще с двадцатых годов.

ГУЛАГ, как всякое уважающее себя заведение, чтит свои традиции.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 19.10.2004 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная